

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Москва 2013

Издание выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
[http: //www.msp.su](http://www.msp.su)

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
Н.В. Злобин
М. Мертеc (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Верстка: *Валерия Козак*

Фото: *Олег Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество» (HESP),
Норвежского института международных отношений (NUPI),
Стокгольмского института переходной экономики (SITE),
группы компаний «Рольф».*

Содержание

№ 3–4 (63) 2013

К читателю 5

Семинар

Распад СССР – соотношение внутренних и внешних факторов 10
Владислав Зубок

Глобальный мир и европейский выбор России 31
Надежда Арбатова

Тема номера

Главное противостояние XXI века: с кем быть России? 48
Владислав Иноземцев

Политическая культура

Подъем и упадок демократии? Меритократия? 56
Иван Крастев

Точка зрения

Работа на себя 71
Александр Волков

Политическая культура и трудности демократизации в России 79
Денис Бураков

«Цифровая революция» как импульс демократии 85
Филипп Корбат

Государство и общество

Умиротворение без модернизации 89
Мария Липман

СМИ и общество

Власть слова 96
Аркадий Островский

Реформация и общество
Реформы, изменившие мир
Игорь Князев 104

История учит
О смысле истории
Юрий Сенокосов 110

Идеи и понятия
Концепты «нация» и «национализм» сквозь призму общественных проблем
Сергей Большаков 117

Горизонты понимания
Свобода как общественная ценность
Вадим Межуев 129
К социологической теории морали
Лев Гудков 145

Наш анонс
Путь к Пангее: международная политика в эпоху «глобализационной конвергенции»
Петр Свистальский 157

Книги
История глазами проигравших
Максим Трудалюбов 164
Региональное книжное обозрение
Андрей Кабанов, И.К. 168
Контрапункт
Владимир Рыжков 173

Nota bene
Поездка из Сибири в Москву
Михаил Коваль 181

В оформлении номера использованы работы авторов из Дании, Ирана, Италии, Турции, Франции, Чехии

К читателю*

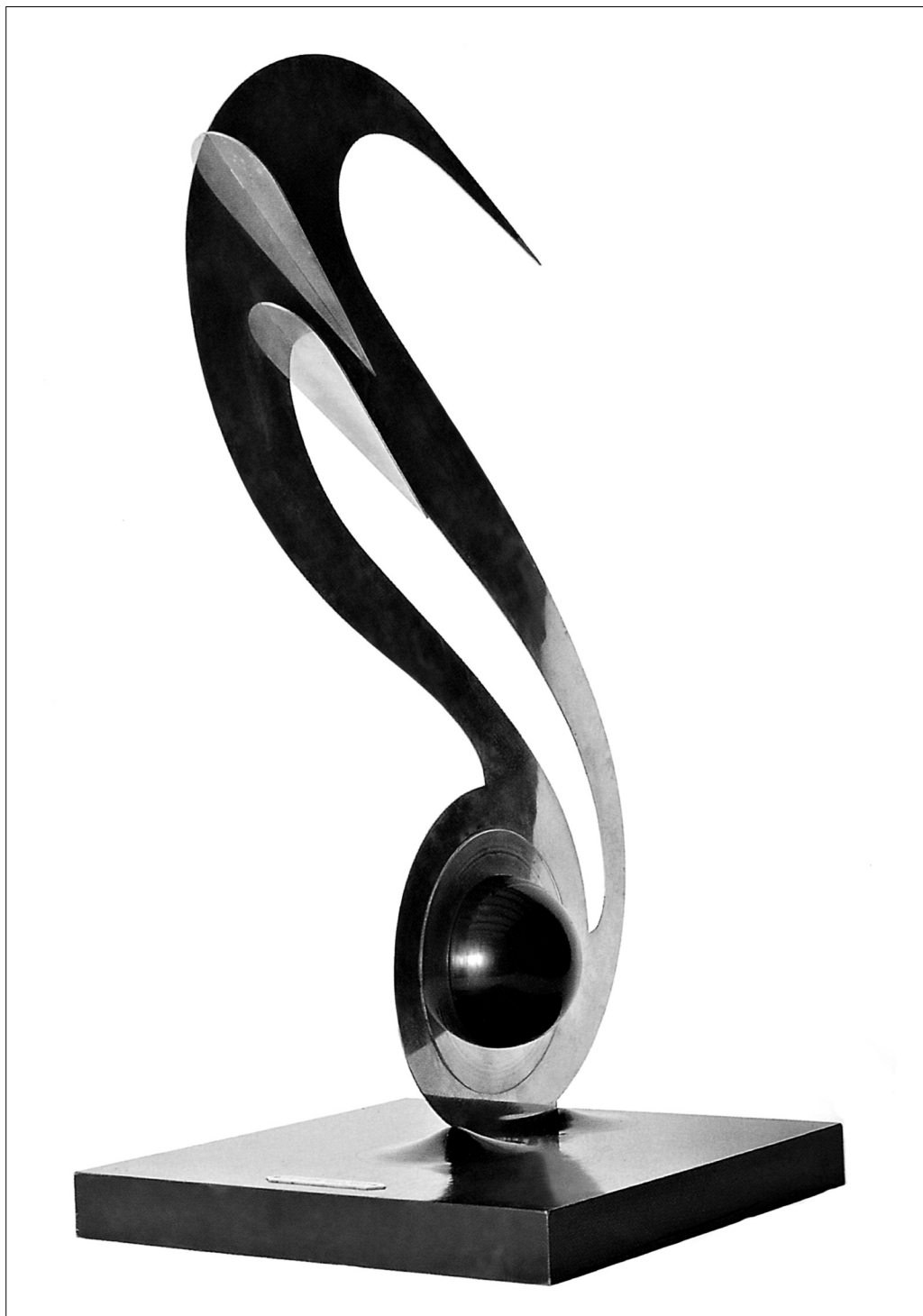

*Максим Трудолобов,
редактор
отдела комментариев
газеты «Ведомости»*

Почему в нашей большой стране так тесно. И дома, и на дороге, и в транспорте всегда мало места. И земли не хватает. С привязкой к земле, с освобождением от привязки к земле, с обретением частного пространства связаны главные вехи нашей истории, значимые для нас до сих пор, — закрепощение и освобождение крестьян, революция и коллективизация, массовое жилищное строительство и, наконец, раздача жилья в собственность. Это были события, коснувшиеся буквально всех и каждого: десятки миллионов людей потеряли в СССР все в начале 1930-х, десятки миллионов людей получили личное пространство благодаря массовому строительству жилья в 1960–1970-е годы. Советского человека создала не столько революция, сколько квартирный вопрос — острая нехватка жилья в растущих городах. Этот голод и в наше время еще не до конца утолен, но трудный путь из советской бездомности в отдельную частную жизнь многими пройден.

Частная жизнь — великое достижение общества. На протяжении всей своей истории человек существовал как часть племени, общины, войска, цеха, сообщества, церкви. Нужда и собраты не оставляли его в покое. Человек — существо общественное, но, как показали минувшие 300 лет, это существо, умеющее ценить приватность. Сейчас это не просто возможность, а право, записанное в конституциях и законах.

Путь к обособленной жизни для простого человека был долгим, связанным с промышленной революцией, ростом торговли, появлением среднего класса и, как следствие, созданием пространства частной жизни. Чтобы иметь возможность жить в

Тайат (Эрнесто Микаэллс). Освобождение Земли. 1934

отдельной квартире или городском доме, трудящийся человек должен был повысить планку достатка и начать зарабатывать не только на пропитание. Эту возможность дало ему разрушение монополии на торговлю и власть, новые технологии и появившиеся новые источники заработка.

Появление «малого» дома не было бы возможно без чувства и института массовой частной собственности. Начала собственности уходят к самым истокам человеческой культуры, но осознание собственного «я» и закрепление границ частной сферы — процесс, развивающийся до сих пор. В современной форме институт складывался именно тогда, когда строились прижатые друг к другу амстер-

*Страны, из которых элита только
вывозит товар, и страны, в которых
элита живет, сильно отличаются друг
от друга богатством и настроениями
граждан*

дамские дома, знакомые нам по картинам «малых голландцев», а англичане боролись за возможность стать нацией торговцев. В нынешней западной культуре у частной собственности появляются альтернативы — развиваются разные формы совместного пользования благами. В нашей культуре те же процессы шли иначе. Не исключено, что несвобода и теснота жизни в огромной России как-то связана с характером общества и государства. Но дело здесь не в таинственной душе и не в «культурном коде».

Расширения владений и удержания огромных территорий под контролем русские властители добивались концентрацией власти. Территориальная экспансия и безопасность как ключевые ценности российской государственности не могли не повлиять на формирование общества и его особенности. Наличие одного преобладающего источника благ — будь то пушнина, труд крестьян, древесина или нефть — формировало особую форму господства, напоминающую колониальную. А колониальное господство — это когда задача извлечения богатства преобладает над обустройством жизни на местности. Страны, из которых элита только вывозит товар, и страны, в которых элита живет, сильно отличаются друг от друга богатством и настроениями граждан. Россия — необычная страна, поскольку она и колония, и колонизатор. Парадоксальный результат расширения заключается в том, что места в стране много, а жить тесно. Жить тесно, потому что мало обжитого пространства, а не пространства вообще. Если условия игры вознаграждают поведение, то самые сообразительные игроки будут вести себя наиболее выигрышным образом. Если существует один источник благ, превосходящий по своему потенциалу все остальные, то все будут стремиться к нему — в Петербург, в Москву, к казне, к центру принятия решений. Гигантская концентрация ресурсов в столицах и недоразвитость других пространств — связаны. Необжитость — про-

екция сильной центральной власти. Места мало, потому что много власти.

Общечеловеческое стремление к частному благополучию постоянно сталкивается здесь с политической системой, ставящей порядок (сословный, идеологический, государственный) выше идеи развития. Частная собственность в России, в отличие от частной собственности на Западе, не стала символом гражданства, права и участия в делах общества. Этот институт не получил доброго имени ни до революции большевиков, ни после революции Ельцина и Гайдара. Для одних собственность была и остается легитимным механизмом удержания господствующего положения, для других была и остается свидетельством глубокой несправедливости общественного порядка.

Но и преувеличивать влияние истории на сегодняшний день не стоит. История живет в наших головах. Есть вещи, которые меняются мало. Реформы дореволюционного царского правительства, советский эксперимент и шоковое включение рыночных механизмов более 20 лет назад не изменили констант русской жизни: особенностей отношений между элитой и правителем, между частным человеком и государством.

Но есть качества, которые меняются быстро и сильно. В известном смысле российское общество сегодня находится на пике своего развития: мы дальше, чем все предыдущие поколения, прошли по пути частной жизни. Никогда в истории не было у такого большого количества людей собственного отдельного жилого пространства. Никогда в истории такая огромная доля населения страны не была свободна от работы на барина и от хождения строем. Не стоит об этом забывать.

Мы можем сделать домашнюю обстановку похожей на японскую, можем купить немецкий автомобиль и говорить по-английски. Можем одеться так, что наблюдатель со стороны не определит, к какой культуре мы принадлежим. Но мы все равно должны осознавать, что находимся внутри границ нашей страны. Потому что страны отличаются между собой не вещами, которые можно в них купить, а тем, чего внутри границ приобрести нельзя.

Можно купить машину, но нельзя в своем городе купить дорожную сеть и свободу от пробок (если не считать покупку маячка и сирены). Можно взять уроки сценической речи, но нельзя купить общественную среду, в которой красиво сказанные тобой слова будут иметь смысл. Можно обеспечить себя всем необходимым в области материальной и нематериальной культуры, но нельзя создать свои собственные суд и полицию.

Выходя на улицу, мы встречаемся с согражданами, с которыми вместе и отвечаем за среду: вместе попадаем в пробки, миримся с отравленным воздухом и испытываем унижение, осознавая, что за пользование всем этим с нас берут все больше денег и стремятся контролировать все плотнее. Отсюда недовольство городом и страной и возникающее желание бежать.

Только из-за того, что происходит на улице, люди и хотят уехать, поскольку среда не зависит от одного человека. Понимая, что он

не может изменить окружающую среду, человек уезжает в другую, более благополучную страну и тем самым покупает ее. То есть, по сути, платит за то, что является главным продуктом общественного развития: работающие правила игры, межличностное доверие, чистоту, воздух и безопасность.

Отдельный человек, если ему повезет, может никуда не уезжать. Он может поселиться в охраняемом поселке, работать за высокими стенами и передвигаться на бронированной технике. Это, впрочем, не все могут себе позволить. Это стоит дорого, потому что за то, что должно быть общим, приходится платить в частном порядке — свой воздух, своя безопасность, своя дорога. Но есть люди, которые готовы за это платить, — через государственные должности, доступ к ресурсам, безнаказанность.

Честно заработать на частный воздух — задача нерешаемая. Но именно этим и заняты все, кто живет в стране, — попытками найти место, где можно дышать, попытками выстроить личную систему здравоохранения, обеспечить личную безопасность и личное образование. Конечно, у большинства из нас нет ни государственных должностей, ни погон, ни доли в нефтяных активах, но мы все делаем то, что нельзя сделать в принципе: решаем общественные задачи личными усилиями. Это как бег на месте. Поэтому так устаем и так много тратим денег. Общественное развитие — это снижение цены, которую мы платим за чистоту, правила и безопасность. Отказ общества от развития есть готовность строить все более высокие заборы и платить за защиту от угрожающе враждебной среды все дороже.

Одна из причин этого как раз в жажде частной жизни. Развитие последних 25 лет в России проходило на индивидуальном, а не на общественном уровне, когда вполне современный человек знал, какими юрисдикциями и какими юридическими технологиями пользоваться, какие костюмы носить, где покупать недвижимость и в какие школы и университеты отправлять детей. Но взятые вместе, все эти искушенные, много путешествующие, освоившие все современные технологии люди способствовали в результате появлению крайне архаичной системы государственного управления. «Новое» российское государство в некоторых своих чертах подозрительно напоминает старое: семейный характер организации, готовность ставить благополучие «государственной семьи» выше закона, готовность принимать разные стандарты «хорошего» и «плохого» по отношению к чужим и своим. Все это дополняется мечтой о неизменном социальном порядке, о его сакрализации, о появлении когорты политических лидеров, которые «живут вечно». Так история в наших головах превращается в карикатуру на самое себя.

Что в этой связи первично — культура, правила, политическое устройство? За что потянуть, чтобы размотать всю цепочку причин и следствий? Это наша культура приговорила нас к такому государству или государство создает этот тип культуры? Трудные вопросы, на которые нет легких ответов.

*Владислав Зубок,
профессор международной
истории
Лондонской школы экономики*

Распад СССР – соотношение внутренних и внешних факторов*

Тема эта безмерна, поэтому буду краток и тезисен. Я пишу книгу о распаде СССР. Она будет называться «91-й год». Материал для нее я собирал в архиве Гуверовского института войны, революции и мира, в личном архиве бывшего госсекретаря США Джеймса Бейкера, в ряде архивов России. Мне также удалось интервьюировать ряд участников событий того времени, в том числе Бейкера, Кондолизу Райс, некоторых других членов администрации Буша. В ближайшее время собираюсь интервьюировать российских участников событий тех лет. В целом, если говорить об историографии, поле исследований по распаду СССР не-удовлетворительно. Я был удивлен, что к 20-летию распада СССР не вышло ни одной книги — ни на Западе, ни здесь. Возникает вопрос: почему? Один американец мне это объяснил так. Принято, сказал он, считать, что распад СССР был предрешен, и приветствовать это событие, если ты американский либерал или украинский националист. Поэтому если ты собираешься писать об этом, то надо начинать с констатации, что, мол, туда и дорога этой империи. А если начинаешь копать в тех событиях, чтобы установить истину, то может возникнуть впечатление, что ты считаешь, будто СССР можно было сохранить, и ты испытываешь ностальгию по советской империи.

История требует не исторической политики. Она требует взвешенного подхода к фактам и их изучению, но доминирует пока историческая политика. По отношению к проблеме распада СССР существуют неофициальные партии и фракции: за Горбачева, за Ельцина, за Гайдара и даже (в недавнее время) за ГКЧП. На Западе, в общем, то же самое:

** Выступление на семинаре Школы в Голицыно 25 июля 2013 года.*

Леон Арон — апологет Ельцина, Стiven Коэн — за Горбачева. Кстати, тема распада СССР фигурирует как самая острая тема политической истории в коммунистическом Китае. ЦК КПК и институты истории, финансируемые китайским правительством и партией, не жалеют времени и сил для изучения проблемы распада СССР, чтобы избежать подобного в Китае.

Я не считаю, что распад СССР был, если пользоваться литературными метафорами, «Убийством в восточном экспрессе», по Агате Кристи, где разные люди хотели по разным причинам умертвить одного человека. История конца СССР напоминает мне другую метафору — рассказ моего любимого итальянского автора Дино Буццати «7 этажей». В этом рассказе человек попадает в больницу, где ему говорят: у вас незначительная проблема в легких, мы вас исследуем. В нашей больнице 7 этажей: наверху лежат практически здоровые люди, а внизу безнадежно больные. Он смотрит на нижний этаж в ужасе, но понимает, что он-то здоров. Однако в течение буквально одного месяца, вследствие ряда медицинских недоразумений и ошибок, его переводят с этажа на этаж, и в итоге он оказывается на этаже для безнадежных. Непредсказуемые поворотные пункты и точки невозврата — это и есть реальная история, которая не укладывается ни в одну теоретическую, политическую и иную схему.

Это не значит, что я отрицаю структурные глубокие причины саморазрушения СССР. Их было много, и мы о них знаем. Безусловно, СССР был разрушен внутренними процессами и силами, а не внешними; это мой главный вывод. Но без учета внешних, глобальных факторов невозможно объяснить то, как работали внутренние силы. Я еще коснусь этого вопроса, а пока остановлюсь на

некоторых моментах системной уязвимости.

Во-первых, Советский Союз был уязвим политически с самого начала, поскольку был выстроен как «анти-империя», как федеративный договор между этнонациональными образованиями. Историк Алексей Миллер как-то на телевизионном шоу сказал: «Советский Союз был обречен с 1922 года, потому что он состоял из республик, которые потенциально могли стать суверенными». Был еще один фактор уязвимости: Российская Федерация оказалась ущемленной в правах по сравнению с другими республиками и потенциально могла инициировать процесс суверенизации, что и произошло в 1991 году. Во-вторых, Советский Союз был уязвим перед процессами демократизации и либерализации, особенно интенсивными в 1989–1991 годах. Построение демократических, парламентских институтов в то время — это краткий курс о том, как не надо строить такие институты. Видимо, это и интересует сейчас китайцев.

И в-третьих, самое, пожалуй, для меня интересное в исследовании — это экономическая и финансовая уязвимость Советского Союза. Я не убежден, что Советский Союз надломился под непосильной тяжестью военных расходов. Об этом многие пишут как об очевидном и доказанном факте, но на деле это заключение не подтверждается конкретными данными, во всяком случае теми, которые я нашел в архивах. А вот роль денег и денежной системы, абсолютно неизвестная никому, кроме узкого круга специалистов, играла колоссальную роль. Когда я разговаривал с Полом Грегори, специалистом по советской экономике, он мне сказал: у нас в США почему-то все считали, что деньги в Советском Союзе не важны.

А они, как оказалось, очень даже важны. Вот и мы в советском обществе были воспитаны на том, что деньги — это не главное. И Горбачев тоже так думал. Почему советская денежная система оказалась уязвимой? В частности потому, что с середины 70-х годов Советский Союз уже не был полностью автаркичной экономикой, он зависел все больше от мировых процессов и конъюнктуры рынков. Прежде всего (об этом написал Егор Гайдар) — в отношении нефти и зерна. Советский внешнеторговый платежный баланс оказался к концу перестройки негативным — и это поставило советскую экономику в очень тяжелое положение. С конца 1989 года иностранные банки прекратили кредитовать советскую экономику и торговые сделки с СССР. И оказалось, что страна уже не может функционировать без этих кредитов. Социально-политическая дестабилизация СССР, которая произошла в результате обвальная либерализации и демократизации, начала резонировать с нарастающим финансово-экономическим кризисом. Один фактор дестабилизации усиливался другим. В итоге распад СССР стал бесповоротным и экономически, и политически.

Теперь немного о политических лидерах, об их понимании этих процессов. Ни Горбачев, ни Ельцин, ни другие политические лидеры не понимали этой динамики. Особенно не понимали значения финансово-экономического фактора. Вы можете просмотреть все публикации Горбачева и его интервью, он все время этот вопрос игнорирует, он демонстрирует, что ничего в этом никогда не понимал и этим вопросом никогда не интересовался. В лучшем случае Горбачев, отвечая на вопросы, признает, что допустил «некоторые» экономические ошибки. Но

Горбачев в этом смысле не уникален, Ельцин понимал еще меньше. И даже Николай Иванович Рыжков, председатель Совета министров СССР, все-таки экспертом никак считаться не может.

В советском политическом руководстве были две категории людей. Одни не понимали ничего, но не наносили вреда экономике и финансам, и другие, которые тоже ничего не понимали, но считали, что понимают, принимая катастрофически ошибочные решения. И среди них Рыжков, бывший руководитель крупного уральского предприятия, и советский экономист Леонид Абалкин. Дело не в личной некомпетентности этих людей. Дело в состоянии антирыночного сознания, сложившегося за десятки лет разрушения и поругания рынка и экономической науки в Советском Союзе. В 1980-е годы лишь небольшая группа молодых экономистов в Ленинграде и Москве, реформаторы, лидером которых был Гайдар, всерьез принялись за разработку системных подходов к реформированию советской экономики.

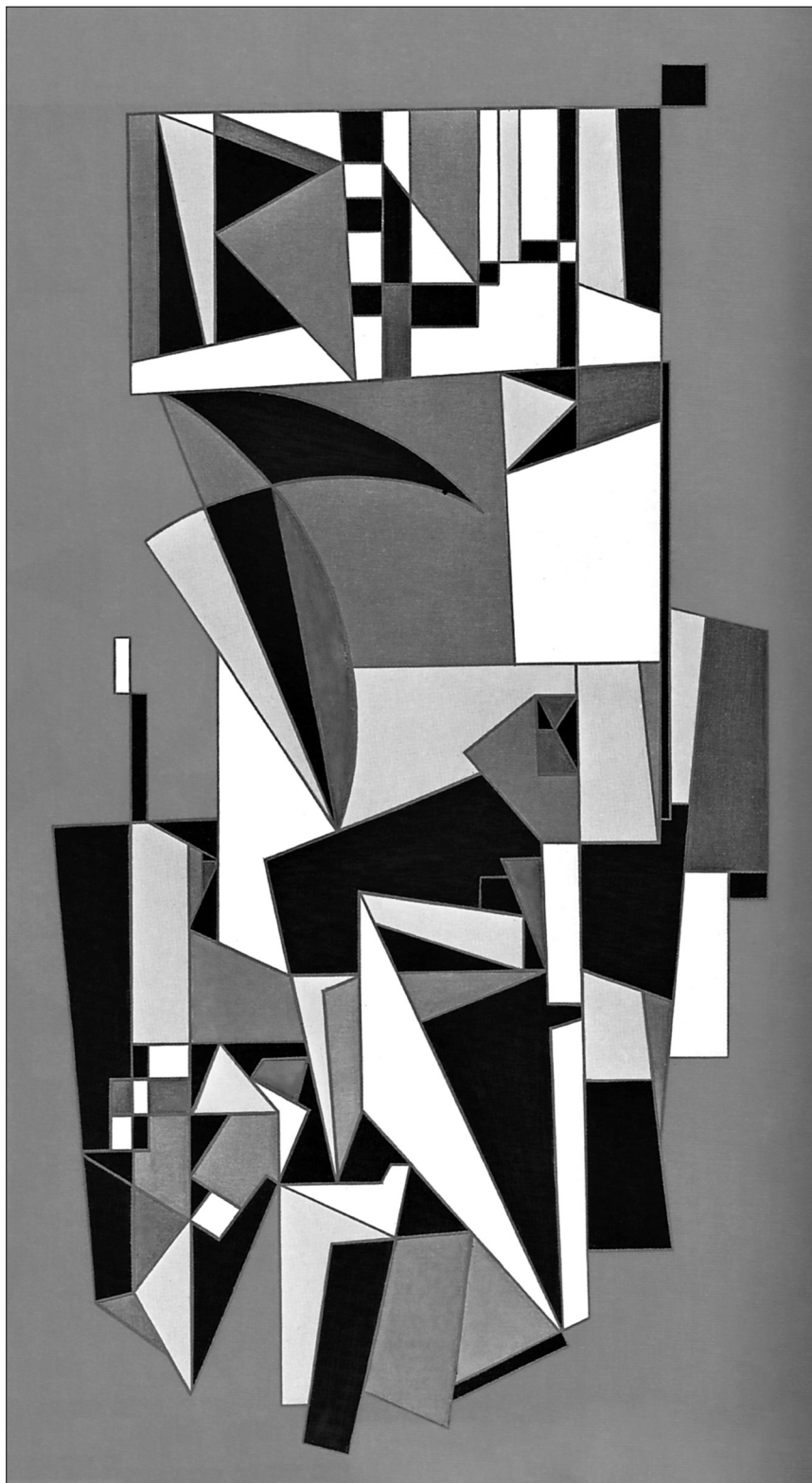
Когда поворот к распаду СССР стал необратимым? Я думаю, это произошло в начале 1990 года. Возник мощный резонанс — в результате центробежных тенденций среди внешних союзников империи, падения Берлинской стены, а также внутренних событий в феврале—июле 1990 года. Вспомним, что же тогда происходило. Началась суверенизация республик — с Литвы, которая захотела отделиться. Горбачев реагировал двояко. Убеждал и принуждал. Убеждение не сработало, и он ввел санкции, санкции вызвали международные осложнения. В результате Горбачев отступил (хотя и национальные руководители Литвы, прижатые к стенке, тоже были вынуждены времен-

но отступить, оставаясь в составе СССР). Горбачевская тактика удержания центральной власти была одна: увещевание, силовые действия, отступление. Борьба между Горбачевым и Ельциным обостряется именно в этот период. Ельцин берет курс на поддержку Литвы и суверенизации РСФСР. Горбачев действовал в отношении Ельцина примерно так же, как в отношении Литвы и прибалтов. Причем видно, как Ельцин его обыгрывал на каждом крутом повороте. В январе—феврале 1990 года Горбачев решает выстроить под себя вертикаль власти, где он и генеральный секретарь Коммунистической партии, и президент, избранный не прямым голосованием, а Верховным Советом СССР. Ельцин в это время открыто делает ставку «на Россию» и избирается председателем Верховного Совета РСФСР. С помощью опытных правоведов из Конституционной комиссии Ельцин делает сильный ход — провозглашает государственный суверенитет РСФСР и добивается принятия закона о собственности на территории республики, 93% которой находилось тогда в союзном подчинении. Возникает ситуация «кто кого». Горбачев оказывается и президентом и генсеком, причем с неограниченными полномочиями. У него полномочия на случаи кризиса, он может приостанавливать декреты Верховного Совета РСФСР. Но Горбачев не хочет идти на конфронтацию и шаг за шагом уступает Ельцину и РСФСР, и самое главное — экономические активы и финансы.

Историк Николай Кротов собрал удивительное свидетельство советских банкиров и финансистов*. Эту книгу

читали немногие. В ней говорится, что главной датой, после которой распад Советского Союза стал необратимым, было 13 июля 1990 года, когда состоялся так называемый заговор российских банкиров. Это произошло месяц спустя после того, как Российская Федерация объявила о своем суверенитете. Советники предложили Ельцину «наполнить» декларацию конкретным содержанием, в частности образовать суверенный банк России. Это решение переводило разговоры о суверенитете в практику реального захвата власти, что прекрасно понимали банкиры и финансисты, потому что это было разрушение единого финансового валютного пространства, единой денежной системы Советского Союза. И все это на фоне заявлений о том, что, мол, РСФСР не выходит из Союза, а остается в нем на добровольных началах и так далее. Самое поразительное, Горбачев этого не понял, он не понял, что речь идет о реальном выходе России из Советского Союза. Он думал, что за ним сохраняется золотой запас всей страны и контроль над финансами. Виктор Геращенко, возглавлявший в то время банк СССР, говорил в интервью Кротову, что Горбачев не понимал, что его могут «раздеть» и с золотым запасом, и его действительно быстро «раздели». После того как Ельцин подписал указ о банках России, который вступил в силу 1 января 1991 года, все коммерческие банки перешли под российскую юрисдикцию, возникла знаменитая афера с чеченскими авизо и прочими фальшивыми бумагами, по которым в кратчайший срок было украдено, по оценкам самих банкиров, до 100 мил-

* См.: Николай Кротов (ред.). *История советской банковской реформы 80-х годов XX века. Спецбанки. Свидетельства очевидцев. Документы* // АНО «Экономическая летопись». М., 2008.

Анастасио Солдати. Воображаемая горизонталь. 1952

лиардов долларов. Это притом, что Горбачева упрекают, что он не получил у Германии 50 миллиардов марок в этот период. По мнению Геращенко и автора сборника, Кротова, за год до Фороса и ГКЧП Горбачев предрешил судьбу государства. Он мог наложить вето на этот указ и не сделал этого. Отдав Ельцину право создать собственную банковскую сеть, Горбачев фактически лишил центр контроля над финансами. Были и другие векторы борьбы — за налогообложение, за собственность, но это известно несколько лучше. А тема финансов, мне кажется, менее известна.

Вернусь к характеристике лидеров. Почему так действовал Горбачев? Что это — горбачевский гамлетизм, неумение принять твердое, жесткое решение? Горбачев еще в этот момент продолжал держать у себя на столе сочинения Ленина. Но Лениным по своему политическому и личному характеру он уж точно не был, мы это прекрасно знаем. Он скорее был в этой ситуации Керенским, лавировавшим между политическими силами. Говорят, что китайский лидер Дэн Сяопин считал Горбачева «глупцом» — видимо, имея в виду его разрушение монополии Компартии и неспособность пролить кровь. За что ему многие, я думаю, благодарны.

У Ельцина, как известно, воля была — и в революционной ситуации это качество давало ему преимущество в политической борьбе. Ельцин, уж конечно, не Гамлет, скорее яркий русский характер. К Ленину как политик Ельцин был ближе, чем Горбачев, — своей решительностью, готовностью идти на риск, особенно в этот период. Есть и еще одно общее между Ельциным и Лениным — в поисках политической опоры Ельцин, собственно говоря, как и Ленин в 1917 году, был готов на любые

уступки, давал любые обещания — помните его знаменитое «берите столько суверенитета, сколько хотите» — автономным республикам РСФСР. Горбачев считал, что Ельцин является опасным политическим оппортунистом, готовым на все во имя захвата власти в Российской Федерации.

1991-й — это год окончательного разрушения СССР. У Аркадия Аверченко, великолепного русского сатирика, есть сборник рассказов «Дюжина ножей в спину Революции». По аналогии можно говорить о полудюжине ножей в спину СССР в 1991 году. Первым и главным, я уже об этом упомянул, был закон о банках России, он вступил в силу 1 января. Совершенно незаметно для всех, кроме, разумеется, авторов закона и тех, кто открывал коммерческие банки. Но финансовые последствия этого были грандиозные. Как-то очень быстро многие советские учреждения поняли, что платить зарплату им будет не правительство Советского Союза, а правительство Российской Федерации. Это чувствовало все большее количество чиновников. К тому же наступала эпоха большой коррупции и коммерческие банки могли уже открыто подкупать любого чиновника среднего уровня. Вторым ножом был, безусловно, кризис в Литве и применение силы в Вильнюсе в том же январе 1991 года — роль Горбачева в этом до сих пор остается неясной. Он отрицает, что давал на это разрешение, тем не менее в Литве его до сих пор считают кровавым убийцей. Тогда же Ельцин вступает с союз с прибалтийскими сепаратистами, с Молдовой, Грузией, призывает публично к отставке Горбачева. Возникает вопрос: кого Ельцин тогда считал преемником Горбачева на посту президента СССР? Хотел ли сам Ельцин занять место Горбачева? На словах он это категорически отрицал и

повторял: «Будущее за Россией!». Но не исключено, что в какой-то период он колебался и, как любой политик, оставлял эту возможность для себя. Но что бы ни думал тогда Ельцин, сама логика литовского кризиса, в силу самой конфронтации республик с центром делала Бориса Николаевича, в глазах и народа, и элит, и в конечном счете в своих собственных именно российским лидером, лидером будущей независимой России, разрушительницы союзного центра. И опять мы видим, что жизнь богаче любых теорий. Сознательно строя свою политическую базу в «России», Ельцин бессознательно (в том смысле, что он долго этого не признавал) стал стремиться к разрушению Советского Союза.

Следующий, «третий нож», безусловно, мартовский референдум 1991 года о сохранении Союза. Это был, по сути, плебисцит: быть или не быть Советскому Союзу. Велась колоссальная пропаганда во всех средствах печати, на телевидении в пользу сохранения СССР, и, казалось бы, Горбачев победил, потому что около 80% граждан, и на Украине в том числе, голосуют за сохранение СССР. Я допускаю, что на тот момент действительно подавляющее большинство граждан, за исключением прибалтов, не мыслили свою жизнь вне СССР. Но и здесь Ельцин обыгрывает Горбачева. Во-первых, референдум формулирует не только сохранение Союза, но и полное равноправие и суверенитет республик, хотя и в рамках Союза. Возникает невяняца с юридической и политической точек зрения — какой же полный суверенитет, если есть Союз? И в то же время политики-националисты говорят, что он должен быть реформирован на договорной основе, с согласия республик. То есть на самом деле готовятся к разрушению Союза, но

еще боятся союзных структур — КГБ и армии. Во-вторых, во время референдума избиратели голосуют еще по одному пункту: «провести прямые выборы президента России». И громадное большинство жителей РСФСР голосует за это. Ельцин, в отличие от Горбачева, получает политическую легитимность, так сказать, из рук народа 12 июня 1991 года в результате прямых выборов. Кстати говоря, явно не без помощи американских консультантов ...

Итак, Ельцин побеждает на выборах, въезжает в Кремль. Горбачев был вынужден стать его соседом по Кремлю, и там рядом с красным флагом СССР поднимается флаг России. Патриарх фактически после этого коронует Ельцина, да и вся церемония похожа на коронацию Русского царя. Все видят это, и Горбачев это вынужден терпеть. К весне 1991 года Союз держится только на инерционных факторах. В Прибалтике, в Закавказье военные с трудом контролируют ситуацию — там народ хочет отделиться. Но в РСФСР явное большинство еще не хочет реальной независимости и боится развала единого союзного пространства. КГБ, партаппарат, опытные управленческие государственные элиты — все это еще работает на союзном уровне. Перетекание на российский уровень лучших управленческих кадров только начинается.

Вся управленческая элита еще в союзных структурах и думает в союзных терминах, хотя частично, может быть, и голосовала за Ельцина. В РСФСР нет настоящего, народного движения за независимость. Массы смотрят на Ельцина как на сильного лидера, народного защитника, но национального движения за отделение от СССР и образование России быть не может. Это очень важное обстоятельство — о

причинах его я пока не буду говорить. И наконец, есть фактор международного авторитета Горбачева, который обещает привести с Запада деньги, помощь. Я сам видел, как этот фактор работал в Грузии, когда в конце 1990-х был там с группой американских историков; за нами шли грузины с рынка, угощали фруктами и говорили: «Возьмите нас в НАТО!». На Шеварднадзе молились, надеялись, что его друзья (Бейкер, Шульц, Кондолиза Райс) спасут Грузию.

Следующим ножом в спину СССР был августовский путч 1991 года. (Я специально не останавливаюсь на путче, о котором существует море литературы.) И сразу же начались споры: знал Горбачев или не знал? Участвовал ли он в заговоре? Но так или иначе после провала путча политические и силовые позиции Горбачева рухнули. Рухнул союзный КГБ, армия раскололась, значительная часть военной верхушки перешла на сторону Ельцина.

И наконец, последние три ножа, по метафоре Аверченко. Точнее, не три, а четыре. Первый — Ельцин принимает программу, разработанную на даче Совмина в Архангельском группой Гайдара. Ему эту программу после обсуждения на Государственном совете привозит Геннадий Бурбулис в Сочи, где Ельцин отдыхал после путча. Кстати говоря, эта программа гласит: «Россия идет на радикальную реформу сама». Освобождение цен было намечено к 1 января 1992 года. После недельного колебания и обсуждения Ельцин принимает программу, возвращается в Москву и заявляет об этом с трибуны собравшемуся съезду народных депутатов Российской Федерации 28 октября 1991 года. Все поняли тогда, что Ельцин пошел ва-банк. Горбачев тоже понял, что жребий брошен, хотя и продолжал надеяться на чудо, на

сохранение Союза, а точнее, на то, что без него, Горбачева, руководители республик не смогут обойтись. Хотя реально Горбачев уже ничего от Запада получить не мог — ни денег, ни кредитов. Напротив, западные политики теперь требовали от независимой России гарантий на выплату долгов для уже почти бывшего СССР. Но, как ни странно, даже в этот момент Ельцин еще не был готов стать инициатором ликвидации Советского Союза. Для Союза и Горбачева Ельцин протягивает такую странную морковку. Он заявляет: «Россия будет давать фиксированное отчисление союзному аппарату». В МИД в это время звонят из правительства Российской Федерации и говорят: «Мы вас распускаем, сокращаем ваш бюджет в 10 раз». Полная паника, звонят Шеварднадзе, что-то пытаются выяснить. И сокращение откладывается. В окружении Ельцина тогда и в Верховном Совете по поводу будущего Союза существовали разные позиции. Силаев был за захват союзных структур, Хасбулатов — категорически против.

Теперь кому-то может показаться странным: почему российские политики не развалили СССР сразу? Вполне возможно, что даже в эти месяцы, осенью 1991 года, никому особенно не хотелось брать на себя ответственность за роспуск СССР. Глава Государственного совета Геннадий Бурбулис, однако, был исключением. Он ассоциировал центр с наследием тоталитаризма и хотел добить его. В недавнем интервью, проведенном Петром Авенем и Альфредом Кохом, Бурбулис выступает как главный антисоветский идеолог в окружении Ельцина. Когда его спрашивают: «Ну вот Ельцин, он ведь вас потом предал, всех вас выкинул?», Бурбулис отвечает: «Нет, Ельцин служил нам». Кому это нам? Нам, кто

хотел полного до основания разрушения тоталитаризма и разрушения Союза?..

28 октября Ельцин объявил о начале освобождения цен. Вообще, в таких делах, может, лучше не объявлять ничего, потому что тогда все оставшиеся на полках товары были сметены. Именно после этого возник миф об угрозе голода. Здесь истоки легенды, что Гайдар освобождением цен спас Россию от голода. На деле ожидание свободных цен в тот момент только способствовало нагнетанию ситуации с продовольствием. Все прятали продукты — на складах, в холодильниках.

Еще один нож — 1 декабря 1991 года — президентские выборы и новый референдум в Украине о независимости, отделении от Союза. Очень важно, что на этих выборах Восточная Украина и Крым проголосовали за отделение. За полный суверенитет, но уже без Союза. Что произошло? Уже тогда было известно о программе шоковой терапии и пошел слух о «Меморандуме Бурбулиса» (о докладе, который Г. Бурбулис повез Ельцину. В нем говорилось, что Российская Федерация сможет вовлечь в свою сферу другие республики после того, как встанет на ноги сама). Росли подозрения в отношении курса правительства Ельцина — он интерпретировался как антиукраинский, имперский. Отделение Украины сыграло огромную роль в консолидации тех сил, которые говорили «Союз обречен, его нельзя спасти».

А затем, как известно, последовала Беловежская пуша, 8 декабря, когда три президента договорились, что Советский Союз перестает существовать как международная юридическая и геополитическая реальность. Но это был еще не последний нож в спину СССР. Если кто не знает, потом еще

был финальный этап переговоров, с 8 по 21 декабря, до встречи в Алма-Ате. Тогда еще не были решены важнейшие вопросы, прежде всего об армии, о контроле над ядерным оружием, о таможах, валютном союзе и контроле над денежной эмиссией. Часть этих вопросов решалась позже, в 1992 году. Теперь о роли внешних факторов, прежде всего о факторе США. Повезло России или нет, но Запад в этот период переживал крушение неокейнсианства и подъем неолиберального экономического «Вашингтонского консенсуса». Это, безусловно, подействовало на отношение администрации Джорджа Буша-старшего к тому, что происходило в Советском Союзе. Государственное вмешательство в экономику считалось тогда вредным, а децентрализация, там, где она нужна и не нужна, как мы сейчас понимаем, считалась однозначно полезной. И вот эти максимы явно повлияли на решение Джорджа Буша не предоставлять крупномасштабной государственной экономической помощи Горбачеву. К слову сказать, это же отношение распространилось потом и на помощь ельцинской России. Неизвестно, что изменилось бы, если бы в июле 1991 года или после путча Горбачев получил от Запада что-то вроде «плана Маршала». Шанс на это был минимальный, но даже этот минимальный шанс был сведен к нулю единодушными рекомендациями американских экономических экспертов и советников. Они считали, что вначале экономика СССР и России должна стать рыночной и децентрализованной, а уж потом туда можно будет направлять западные инвестиции.

Тезисно коснусь роли западного консьюмеризма. Особенно заметно это явление сыграло свою роль, когда внезапно поднялся железный занавес в 1989–1990 годах.

Обычно советские туристы, ездившие за границу, покупали там все, что могли, так как в родной стране ничего привлекательного практически не продавалось. Но те, кто были «выездными», понимая, что жизнь в Советском Союзе убогая, об этом не распространялись, боясь лишиться права выезжать. Подлинно массовый консьюмеристский шок произошел только в 1989 году и позже. Тема эта заслуживает отдельного изучения. Примеров много. Ельцин в своих мемуарах, в частности, пишет, что в Хьюстоне, почему-то именно в Хьюстоне, штат Техас, он пошел в американский супермаркет и там ясно понял, что советскую жизнь надо радикально менять. Николай Травкин, прораб перестройки, вдруг решил создать Демократическую партию и стал яростным антикоммунистом. В одном из интервью, весной 1990 года, он говорит: «Вы знаете, я был в Швеции и зашел в шведский супермаркет, и меня пробило, я понял, как же нас дурачили все эти 70 или сколько там лет». И даже Егор Тимурович Гайдар, как я выяснил, тоже пережил подобный момент в Halfmoon Bay, штат Калифорния. Он был там с экономистом-эмигрантом Михаилом Бернштамом, и они зашли в местный магазин что-то купить для пикника. Тут все и произошло. Думаю, едва ли Гайдар среагировал бы так на хьюстонский или шведский супермаркет, но в маленьком рыбацком поселке на берегу Тихого океана, где, казалось бы, ничего не должно было быть кроме заурядного сельпо, он увидел приличных размеров супермаркет, который вполне был сравним с привилегированной сотой секцией ГУМа. Очевидно, хотя это трудно доказать, увиденное и убедило его в том, что рынок действительно расставит все по своим местам

и тем самым решит проблемы российской отсталости.

И еще один момент, на который я хотел обратить внимание. Это феномен мощной, почти абсолютной гегемонии США среди российских политиков, которые расставались со своими советскими убеждениями и иллюзиями. Я употребляю термин «гегемония» в том смысле, в каком его употреблял Антонио Грамши. Это вера в то, что магистральной дорогой человечества является не коммунизм, а американский путь, американский тип рыночной экономики. Своего рода еще одна безальтернативная вера. И добавлю, что сотрудники администрации Джорджа Буша даже не понимали до конца, какое влияние они приобрели среди политиков и идеологов в России, в Украине и других бывших советских республиках.

По документам из архива библиотеки Буша и из коллекции бумаг Джеймса Бейкера видно, что их политика была крайне осторожная, выжидательная. Вплоть до начала декабря 1991 года, судя по всему, психологически Буш не был готов к тому, что СССР вот-вот не будет. Несколько эпизодов указывают на это косвенно. Сошлюсь на один из них. В ЦРУ существовал советский отдел. Джордж Колтон, его руководитель, в апреле 1991 года подготовил документ, теперь рассекреченный. Он называется «Советский котел», где черным по белому написано, что через несколько месяцев Советский Союз может исчезнуть. Реакция всего отдела — скандал, буквально бунт. Эксперты возмущались: нельзя нам в ЦРУ ставить политические диагнозы, мы аналитики и говорим только о том, что происходит. Кажется, до Буша этот документ так и не дошел.

Администрация Буша оказывала влияние на агонию Советского Союза тем,

Николай Джулгерофф. Человек механический. 1932

что она говорила и делала, но также и тем, что не делала. Уже было сказано, что она не оказала помощи Горбачеву. Как рассуждали американские экономисты и политики? Они рассуждали примерно так: зачем оказывать массивную помощь распадающемуся советскому центру, гигантской госу-

дарственной структуре? Американцы даже у себя дома отказываются от «большого государства», от неокейнсианства. К тому же были и политические дополнительные причины, связанные с холодной войной. В то время Буш себя чувствовал очень неуверенно в собственной партии. На правом

фланге Республиканской партии находились люди — они и сегодня там, — которые выступали против любой помощи Советскому Союзу. Позднее Буш и особенно Бейкер откровенно признавались, что после десятилетий холодной войны им нельзя было сразу, немедленно заставить конгресс США выделить деньги Горбачеву.

Думаю, все вы помните историю с Great Bargain (дословно — большая сделка. — *Ред.*), так называлась в США программа «500 дней» Григория Явлинского. Явлинский тогда был очень популярным в леволиберальных кругах, ездил постоянно в Гарвардский университет и советовался с экономистами, как реформировать Советский Союз. Его, в то время молодого экономиста, Горбачев и одно время Ельцин считали чуть ли не последней надеждой. Но сам Буш отказался сотрудничать с Явлинским. Джанин Ведель, американская исследовательница, написала уже больше десяти лет назад интересную работу, которая называется «Роль транзакторов (транснациональных посредников) в американской политике в СССР». Почему Буш принял решение, что его администрация не даст рекомендаций Горбачеву и не проводит конструктивной линии в отношении реформ в СССР? Есть мнение, что Буш не хотел рисковать накануне президентских выборов в 1992 году. Он боялся, что в СССР что-то произойдет — скажем, будет путч против Горбачева. Буш действительно по характеру был очень осторожным человеком. В итоге администрация отдала «советские дела» как бы на откуп сектору НКО и международным организациям. Рекомендации по экономической реформе готовил Всемирный банк — то есть фактически под американским присмотром, но ответственности за рекомендации администра-

ция не несла. Всемирный банк работал быстро — уже в январе 1991 года появляются многотомные исследования о том, как реформировать экономику СССР. Кстати, материал для историков великолепный. Те, кто читал эти тома, видят, что они составлены по рецептам шоковой терапии в Латинской Америке. В 1990-м и начале 1991 года, мало кто знает об этом, Гайдар был консультантом Всемирного банка, можно найти его рецензии на это исследование. Я говорю об этом, чтобы напомнить о роли внешних факторов; повторить, что, безусловно, внутренние факторы преобладали, но без внешних мы тоже не можем объяснить поведение ключевых участников событий.

И в завершение моего выступления. Что произошло после путча? В начале, это известно, Буш и Бейкер были смущены не тем, что произошел путч, они его ожидали в какой-то мере и боялись. Они были смущены, что путч так позорно и быстро провалился, и не знали, что им делать. Но быстро сориентировались, и последовал звонок Ельцину. Американский президент сказал ему: вы теперь можете все, вы наш герой. И американская политика стала тяни-толкаевской. То есть надо было иметь дело и с популярным Ельциным, героем, и с Горбачевым, который по-прежнему оставался главным другом США, другом американской администрации. И все это — последнее, о чем я хотел сказать, — кончается американской реакцией на распад СССР в декабре.

12 декабря 1991 года Бейкер, который окончил Принстонский университет, произносит там речь, чтобы заявить, что США теперь поддерживают республики. То есть это произошло четыре дня спустя после соглашения «трех» в Беловежской пуще! И только тогда

администрация США переносит центр тяжести своей политики с центра, то есть с Горбачева, на республики. На определенных условиях. Хотя тогда казалось, что США могут все, поскольку это единственная оставшаяся сверхдержава. И их поддержка — это и финансы, и дипломатическое международное признание... Это же центр мира.

Критерии поддержки, естественно, — демократия, рынок и контроль над ядерным оружием. Гарвардский профессор и мой друг Сергей Плохий написал отличную книгу о распаде СССР. По материалам, которые он рассматривает, получается, что реально американцев в то время интересовал прежде всего вопрос, что будет с ядерным оружием СССР. У кого окажется ядерный чемоданчик. Бейкер отметил это в одном из документов, который я тоже видел у него в архиве. Американский народ нам не простит, написал он, если мы не сделаем все для его безопасности. Ну что ж — это подтверждение американских приоритетов — беспокоиться прежде всего о себе, своей безопасности. Но, замечает С. Плохий, произошел когнитивный диссонанс между целями американцев и ожиданиями российских лидеров. Когда Бейкер приехал на встречу с Ельциным, Горбачевым и другими лидерами только что образованного СНГ, российские лидеры думали, что вот сейчас он предложит им американскую помощь. Ведь они ее заслужили — избавили США от коммунистического монстра! Во всяком случае, так думал Андрей Козырев, руководитель российского МИДа, но, по-видимому, на американскую помощь всерьез рассчитывал и Гайдар. Не исключая, что о ней думали также и руководители Украины и Казахстана. А Бейкер приехал узнать,

в чьих руках находится ядерная кнопка. И вот этот диссонанс сказался самым прямым образом на результатах встречи, потому что его не интересовал ни вопрос о денежной эмиссии, ни вопрос о валютных и других основах существования СНГ и единого пространства. Бейкера все это не интересовало, а между тем его авторитет был для всех постсоветских лидеров не ниже, чем когда-то авторитет политбюро. И что же Бейкер? Он спросил: «А кто у вас контролирует ядерный чемоданчик?». Первая реакция его обескуражила, ему сказали: «Да все мы контролируем». То есть и у Шапошникова кнопка, он был назначен главой вооруженных сил СНГ. И у Ельцина она есть, и у Горбачева. Бейкер остался недоволен такой «ядерной демократией». Видя его разочарование, Ельцин отвел его в сторону (Бейкер об этом с удовольствием вспоминал во время моего с ним краткого интервью) и, смеясь, сказал: «У них-то кнопка фальшивая, настоящая только у меня». Какой был, однако, Борис Николаевич юморист, да?!

Встречался Бейкер и с Горбачевым — это была их последняя встреча в Кремле. Записи этой беседы я не нашел, так что не знаю, о чем они говорили. Но я нашел интересную запись беседы Бейкера с Шеварднадзе. Между прочим, Шеварднадзе был последним министром иностранных дел СССР, после Бориса Панкина. На встрече с Бейкером были помощники Шеварднадзе: Теймураз Степанов-Мамаладзе и Сергей Петрович Тарасенко. Степанов написал о встрече так: Бейкер приехал, порадовал нас. Мы все сидим, настроение похоронное. А он говорит, не переживайте, вы сделали великое дело, через 50 лет здесь все будет в порядке.

Дискуссия

Лейла Мачавариани, специалист-эксперт административного департамента Министерства транспорта Грузии:

— Благодарю вас за выступление, вопрос следующий: как вы оцениваете роль г-на Шеварднадзе в распаде Советского Союза?

Гульжанат Арифмезова, журналист-фрилансер, Республика Дагестан:

— Вы изучаете историю распада, но я заметила такую тенденцию: ностальгировать по Советскому Союзу молодому поколению стало неприличным, а вот люди старшего поколения, по крайней мере у нас в Дагестане, ностальгируют. То есть просто сказать, что там было свое хорошее, а тут плохое — невозможно: либо ты обожаешь Советский Союз, либо ненавидишь, почему так?

Ирина Глинянона, директор регионального центра гражданских экологических инициатив, г. Волгоград:

— У меня вопрос по приватизации предприятий. На этот счет много разной литературы, но хотелось бы услышать от вас. Кто из окружения Ельцина подвинул его на это? Наверняка не от него это исходило.

Владислав Зубок:

— Про Шеварднадзе я мог бы прочесть еще одну лекцию. Когда я обнаружил и прочитал дневник помощника Шеварднадзе, Степанова-Мамаладзе, хранящийся в архиве Гумеровского института, я попал под огромное очарование автора этого дневника и многое от него узнал. Шеварднадзе я интервьюировал в Тбилиси в 1999 году. Скажу коротко: его роль в распаде СССР огромная. Я думаю, он был один из первых, скажем, на уровне политбюро, кто понял, что СССР может распасться. У него был собственный травматический опыт 1956 года (от восстания в Тбилиси в марте). Потом в 1970-е годы он предотвратил еще одно кровопролитие в Тбилиси, когда студенты требовали введения грузинского языка как официального языка Грузии. Но самое главное потрясение для него — события апреля 1989 года, они оказали на него колоссальное воздействие. Применение армии, саперные лопатки, газ «Черемуха» и жертвы среди грузинского населения... Тогда он понял, что Союза может не быть. А Горбачев от себя, мне кажется, эту мысль отгонял. Горбачев был южнорусский оптимист, который считал, что Украина всегда будет с нами, он сам наполовину украинец, и прочее.

Другое дело Шеварднадзе. В дневниковых записях, в заметках Степанова-Мамаладзе я нашел довольно убедительные свидетельства того, что Шеварднадзе не просто это осознал, но и начал выстраивать свою, если угодно, личную дипломатию в этом плане. Ведь никто же не знает, что будет после развала, а он твердо намеревался вернуться в Грузию. А в Грузии известно, что тогда творилось: Гамсахурдия пришел к власти, начал бороться с абхазским и осетинским сепаратизмом, назревала этническая и гражданская война. Шеварднадзе все это учитывал и был готов к новой карьере в Грузии после того, как рухнул Союз. Характерен эпизод, когда в январе 1992 года (или даже раньше) Шеварднадзе возвращается в Грузию, где он еще не имеет власти, власти вообще там никто не имеет. Там «правят» Кетовани, Иоселиани, уголовники, люди, собравшие вооруженные формирования. Но очень быстро Шеварднадзе выстраивает свой авторитет в Грузии, без вертикали. Он делает это, опираясь на свои международные контакты и связи, на своих друзей на Западе, прежде всего в Германии и в США. К нему приезжают Бейкер, Джордж Шульц, бывший министр иностранных дел при Рейгане, и обещают ему помощь. Что меня удивило — и это тоже интересный эпизод для тех, кто интересуется историей распада Советского Союза, — насколько быстро бывший министр иностранных дел СССР становится национальным лидером Грузии и видит главную угрозу национальному суверенитету Грузии со стороны — кого бы вы думали? — ельцинской России. И просит американцев оказать помощь для защиты суверенитета Грузии от агрессивной России.

Да, еще два вопроса. Вначале о поколениях. Во-первых, не все мы, я причисляю себя к старшему поколению, испытываем ностальгию по Советскому Союзу, но то, что это значительная часть нашей жизни, конечно, важно. Ведь это не только воспоминание о молодости, а сравнение с тем, что наступило потом, — тяжелые 90-е, путинские нулевые. Ностальгия появилась даже в Литве. И там среди старшего поколения тоже ностальгия. Литва теперь наполовину пустая, ее молодежь где-то бродит по миру в поисках лучших мест для жизни. Так что это интересная тема...

Вопрос Ирины из Волгограда о приватизации предприятий. Этот вопрос начал обсуждаться еще в 1990 году, если не раньше. Во всяком случае, в конце 90-го и в начале 91-го в газетах писали, что Верховный Совет СССР обсуждал реформу приватизации предприятий. Документы об этом, кстати, доступны, в Государственном архиве Российской Федерации. К концу 1995 года планировалось приватизировать, то есть отдать в частные руки или директорам и трудовым коллективам, около 30–40% государственных предприятий. Намечалось постепенное приватизирование, и ожидалось, что доходы от приватизации пополняют союзные и республиканские бюджеты. Были и другие любопытные предложения, в частности от американских консультантов Ельцина. В 1991 году было предложение, например, не проводить шоковую терапию с освобождением цен, потому что их освобождение

(и многим это было понятно) привело бы к ликвидации накоплений (135 миллиардов рублей), которые были у населения на сберкнижках. А вместо этого предлагалось акционирование предприятий, чтобы использовать эти 135 миллиардов рублей, убедив население покупать акции того или иного предприятия. Не надо путать это с ваучерами Чубайса!

Бобрышов Сергей, проректор по научно-исследовательской работе и инновациям Ставропольского государственного педагогического института:

— Спасибо большое за очень интересный экскурс в проблему. Вопрос о деятельности Коммунистической партии во время распада СССР. С вашей точки зрения, какова была роль первичных партийных организаций в том, что это произошло?

Елена Маркова, научный специалист Забайкальского государственного университета:

— Как известно, холодная война закончилась, а через три года распался Советский Союз, и некоторые люди связывают эти события. И еще, в связи с финансовым кризисом в СССР, я думаю, в то время советское государство, не исполнявшее своих обязательств, было похоже на современную Грецию.

Юлия Гималетдинова, ведущий консультант отдела по работе с кадровым резервом и профессиональной подготовки администрации президента Республики Башкортостан:

Мне интересно ваше мнение: была ли возможность сохранения и трансформации советского государства в нечто иное?

Владислав Зубок:

— Начну с последнего вопроса. Конечно, была, я поэтому и использовал метафору Буццати: какие-то варианты выздоровления для больного были на каждом этапе. Однако решения принимались большей частью самоубийственного характера или слишком поздно, когда больного уже поздно было лечить. В том-то и дело, поскольку до сих пор эта проблема не обсуждается по разным причинам, мы не знаем, какие решения могли приниматься. Самое главное — это полная дезориентация лидеров того времени в основных, базовых вопросах, не столько политических, сколько экономических и финансовых. Вот это совершенно поразительно, тут степень невежества была тотальной. Это ведет к вопросу о финансах, можно ли сравнивать финансовый кризис в СССР с угрозой дефолта в Греции. Знаете, при всей колоссальной разнице, я думаю, это было бы интересно сравнить, потому что никто тогда не понимал, что СССР был первой жертвой глобализирующейся финансовой экономической системы. Если анализировать распад СССР с этой точки зрения, то, безусловно, есть сходство. Хотя западные кредиты играли довольно ограниченную роль в функционировании советских финансов, советской торговли и экономики, но все же играли, чтобы «выстрелить». Потому что зерно, которое закупалось, и другие товары были важны, и вдруг, когда кредитные линии в связи с ситуацией в Литве были прекращены западными банками до выяснения отношений между центром и республиками, это очень сильно ударило по союзному бюджету. Я могу сослаться на слова Николая Ивановича Рыжкова, тогдашнего председателя Совмина, который, не понимая, как работают финансы, в январе 1990 года предупредил Горбачева, что через четыре месяца страна станет банкротом. В то время Горбачев вел переговоры с канцлером Колем и готовил объединение Германии. Единственный политический лидер, который ему пообещал и дал реальную большую финансовую помощь, был Коль. Но сам Горбачев и тогда отказывался признать, что он ведет переговоры с Колем с позиции финансового банкрота.

По поводу холодной войны и распада СССР. Здесь есть риск излишне прямолинейной связи. Это упрощение сложности реального исторического процесса. Все не так просто. Когда я говорил о Геннадии Бурбулисе, который хотел добить тоталитарного зверя, мне кажется, он преувеличивал тоталитарность тогдашней союзной бюрократии. Там было много лоббистов — ВПК и прочих проектов, но уже шло дело к демонтажу системы реформистскими средствами. Сама система развалилась бы очень скоро, к этому все шло. Да, был еще КГБ, безусловно, была Коммунистическая партия, была оголтелая Ком-

партия Российской Федерации, состоящая из железобетонных национал-сталинистов. Но если внимательно изучать, чем они занимались, какие решения принимали, что говорили и какова была реальная их власть, а я это пытался сделать по доступным документам, то понимаешь, что там наступала паника, уныние и одновременно попытка как-то выкрутить в обход водоворота перемен, растущее осознание того, что надо обезопасить себя и захватить собственность. Вот эта мысль о собственности в это время начинает посещать людей «прозорливых» — партаппаратчиков и бюрократию, причем не только в союзных структурах, но и в РСФСР, в автономных республиках — второго и третьего эшелонов власти. И начинает посещать гораздо раньше, чем наивных демократов, идеалистов-либералов и неподкупную либеральную профессуру. Эта мысль о собственности и есть, если угодно, начало перерождения всей номенклатуры во что-то другое — в то, что мы видим сейчас на верху российской власти и в ее бюрократической толще.

Что касается вопроса Сергея из Ставропольского края, его картины, скажем так, самороспуска КПСС. Думаю, так оно и было, в этом сыграл колоссальную роль сам Горбачев, потому что, оставаясь генсеком, он явно вел дело к самороспуску партии. Ну, а что касается первичных партийных организаций, то никакой реальной роли они не играли, так как привыкли действовать со сталинских времен по инструкциям сверху. И своей политики выработать не могли, хотя, безусловно, были исключения, был Гидаспов в Ленинграде, Прокофьев в Москве, была демократическая платформа в КПСС. Александр Николаевич Яковлев предлагал разделить КПСС на реформистскую и остальную. Но это не делалось Горбачевым, он сохранял все рычаги власти, и в результате произошел банальнейший самороспуск КПСС. Компартия не играла ровным счетом никакой роли в дни путча в августе 1991 года и позволила себя упразднить. Все пошли домой, как в известном анекдоте: всем спасибо, все свободны.

Антон Инюшев, корреспондент газеты «Улица Московская», г. Пенза:

— Вы сказали, что факты не подтверждают, будто СССР распался под тяжестью военного бремени. Поясните этот момент, поскольку существует мнение, что СССР погубила именно его раздутая оборонка.

Катажина Сыска, преподаватель Института восточнославянской филологии Ягеллонского университета, г. Краков:

— Меня интересует национальный вопрос. При распаде такого многонационального организма, как СССР, важна идея национального государства. Почему эта идея не сыграла более важную роль?

Евгений Хилус, депутат Совета депутатов г. Мыски, Кемеровская область:

— Спасибо за великолепный доклад. Вы сказали, и меня это поразило, что первые люди страны ничего не понимали в финансовых делах. Была ли все же какая-то фигура, допустим, экономист в тот

момент, который взял бы все в свои руки и смог изменить ситуацию, или нет?

Владислав Зубок:

— Очень интересный вопрос об оборонке, я сам в это верил во время перестройки, так как слышал от старших товарищей только одно, «мы надорвались, военно-промышленный комплекс нас разорил...». Это так, но надо смотреть по цифрам, они доступны, в фонде Виталия Катаева, секретаря военно-промышленной комиссии, и Льва Зайкова, секретаря комиссии политбюро, которая заседала по вопросам сокращения вооружений в конце 1980-х годов. Весь этот архив находится в Гуверовском институте в Стэнфорде. Там все справки, с фактурой. В моем компьютере есть точные цифры советского бюджета из этого фонда, включая не только расходы на вооруженные силы, но и на пенсии военнослужащим, содержание НИИ военно-промышленного комплекса, расходы примерно на 50 закрытых городов военно-промышленного комплекса, на закупки новых вооружений, на контроль над ядерным оружием и прочее. Все это в целом не более 7,5% ВВП. Горбачев на политбюро говорил в конце 1987 года, что, мол, у нас 40% расходов идет на оборонку. Если это так, то да, эти 40% действительно могут раздавить кого угодно. Но в документах у Катаева совсем другие цифры. Понятно, статистика вещь лукавая, это не просто 7,5%, оборонка прожирала колоссальные ресурсы, там работали лучшие кадры. Вся остальная экономика, работавшая на потребление, была на остаточном принципе — что останется от оборонки. И советский бюджет военный был не 20 миллиардов, как об этом писали в печати, а порядка 100–109 миллиардов. То есть разница в пять раз. И все же не эти расходы сокрушили союзные финансы. Советский Союз был баснословно богат сырьем, природными ресурсами и мог их расходовать, не прогорая. Читая сборник Кротова, приходишь к выводу, что советские финансы были сокрушены не военными расходами, а разрушены убийственно неверными решениями. Сперва, в 1987 году, допустили создание пяти спецбанков, потом разрешили создание коммерческих банков. И большинство этих коммерческих банков, как вспоминают сами банкиры, практически сразу попали под власть криминала. Банки эти были нередко похожи на контору «Рога и копыта», банкиры были совершенно необученные, назначенные сверху комсомольские деятели, другие люди из номенклатуры, которые хотели быстро разбогатеть. Последовали финансовые пирамиды. Все эффекты, знакомые нам теперь, умудренным после мирового финансового кризиса, знакомые. К тому же, кроме оборонки, в союзном бюджете были непомерные социальные обязательства и раздувание зарплат. Последнее обстоятельство было для финансов еще разрушительнее, чем оборонка. Раздувание зарплат пошло просто в геометрической прогрессии с 1988 года, когда был принят закон о хозрасчете на предприятиях. В законы о предприятиях какие-то «мудрецы» вписали, что предприятие имеет право расходо-

Руджеро Микаэллес. Квадрига. 1932

вать прибыль по своему усмотрению. Ну, предприятия и расходовали всю прибыль на зарплату директора и на надбавки трудовому коллективу. Вот, собственно, и все. И наступила еще одна проруха в государственном бюджете, гораздо большая, чем Чернобыль, чем землетрясение в Армении в декабре 1988 года, которую залатали только в 1990-е годы. Так что не оборонка погубила СССР. Хотя оборонка была кладбищем ресурсов, настоящей черной дырой!

Еще более интересный, пожалуй, национальный вопрос. Если бы здесь сидел британский историк Джеффри Хоскинг, он гораздо более развернуто ответил бы на него. Почему именно у русских никогда не было оформленного политического национального движения, вопрос сложный. Я отвечу так: демократическое движение, возникшее на основе демократической платформы, межрегиональной группы в 1990 году, после чего Ельцин стал его безусловным политическим лидером, и с ним ассоциировались надежды в России, — это движение делало все, чтобы не стать националистическим русским движением. Тогда как реальные националисты, если вы почитаете «Советскую Россию» того времени, считали, что Ельцин — главный враг России и русского народа. Что это евромасон, наемник Вашингтона, ну, не знаю, что там еще. И, между прочим, он действительно делал все, сознательно и бес-

сознательно, чтобы понравиться Вашингтону. Хотя не вполне понимал, что его там считают националистом. Слово «россияне» появилось в его политическом лексиконе тогда не случайно. Он делал все, чтобы не сформировалось русское национальное движение, и при этом всячески заигрывал с автономиями в РСФСР и с этническими республиками в составе СССР. Кстати, я задал почти такой же вопрос Кондолизе Райс, которая в 1990 году курировала Советский Союз в Совете национальной безопасности при президенте Соединенных Штатов. Я спросил: «Вы боялись русского национализма? Считали Ельцина русским националистом?». Она ответила: «Я считаю, что Ельцин завладел идеей русского национализма и сделал это очень расчетливо (in a very calculating way)». Я боюсь исказить слова, но смысл был такой. Райс поняла, что политическое движение вокруг Ельцина только выглядело как «освободительное» — России от СССР, но таковым не было. Для администрации Буша, конечно, было неожиданно, что Россия считает себя «угнетенной» СССР! Но в конечном счете именно этот лозунг, выдвинутый Ельциным, похоронил Союз.

Да, о тех, которые понимали про финансы. Ну конечно, такие люди были. И не только Гайдар, который пишет в своей книге «Гибель империи» о том, что на политбюро он был в ужасе, когда понял, что никто не понимает ничего в финансах и в макроэкономике. Валентин Павлов, министр финансов в 1991 году, на мой взгляд, незаслуженно забытый, поскольку принял участие в ГКЧП, понимал в финансах, но не имел власти. Понимал, что нужно провести радикальную реформу цен, но для этого нужна была политическая легитимность и политическая воля. А ни Горбачев, ни Ельцин, не были готовы заявить, что они будут нести политическую ответственность за повышение цен. Представьте себе ситуацию: два политических конкурента. Если Горбачев объявит: «Мы начинаем финансовую реформу, повышаем цены», он конченная фигура, и Ельцин победитель. А если это сделает Ельцин, он тоже конченная фигура. Поэтому никому из них не хотелось быть первым. Все откладывалось на потом, до конца 1991 года. Валентин Павлов, безусловно, понимал, что происходит. Виктор Геращенко, глава Госбанка СССР, тоже понимал, судя по его запискам по финансовому вопросу, которые я читал, они находятся в так называемом Фонде-89. Это полторанинский фонд, образовавшийся во время несостоявшегося суда над КПСС, когда собирали все документы, которые только можно, чтобы доказать, что партия была преступной организацией. Читая их, даже я, не финансист, уже пожив немного на Западе, понимал, что это полное ребячество. И только один человек, председатель Госбанка СССР Геращенко, предлагал осмысленный выход, но он тоже не имел политической власти.

Глобальный мир и европейский выбор России*

Я хотела бы начать свое выступление с одного общего замечания, которое может быть в равной степени и его заключением. Сегодняшний полицентричный мир находится под воздействием постоянно меняющегося баланса между двумя тенденциями. Тенденцией к многостороннему сотрудничеству, к решению общими усилиями насущных задач безопасности и экономики, и тенденцией к новой биполярности, которая, если случится, будет существенно отличаться от биполярности прошлого по оси «Восток — Запад». Эта биполярность будет между Севером и Югом, между Западом и антиЗападом, между современным миром и миром традиционным. И огромный вопрос, где в этом меняющемся балансе будет находиться Россия.

Поясню, что я понимаю под современным миром. На мой взгляд, современный или западный мир это, конечно, понятие не географическое. Япония, Южная Корея, Канада, Австралия — это все части западного мира. И этот мир характеризует не столько объем или качество ВВП, сколько политическая система, которая позволяет использовать все человеческие, интеллектуальные и прочие ресурсы для экономического благосостояния граждан, для их нормальной жизни и процветания. Приведу только один показатель. На научно-исследовательские разработки во всем мире на США приходится более 30%, на Европейский союз 24%, на Японию 14%, на Китай 11% и на Россию 2%. Эти цифры говорят о многом. Почему я считаю особо важным европейский выбор России? Япония, несомненно, часть западного мира, но она никогда не будет интегрирована в Европу, потому что цивилизационный критерий

*Надежда Арбатова,
заведующая отделом
европейских политических
исследований
Института мировой
экономики и международных
отношений РАН,
доктор политических наук*

* Выступление на семинаре Школы в Голицыно 24 июля 2013 года.

интеграции — культура. И с этой точки зрения Россия, безусловно, европейская страна. Другое дело, что никогда в своей истории она не была интегрирована в социально-экономическую ткань Европы. Сегодня по-прежнему популярно рассуждение о том, что такое Россия: Европа, Азия или Евразия? Дискуссии об этом длятся уже почти двести лет. Сложились две парадигмы, первая берет свое начало в славянофильстве XIX века. Ее сторонники считают, что, да, Россия отстает от Европы, но отстает не потому, что она хуже Европы, а потому что лучше, духовнее, моральнее, и стране надо идти своим путем. Сегодня выразителем этой идеи является всем известный Александр Проханов, сторонник нового имперского, особого пути для России.

Вторая парадигма берет начало в традициях западников XIX века, которые тоже говорили об отсталости России, но были уверены, что она обязательно догонит европейские государства. Я склоняюсь к этой второй модели, так как считаю, что главный рубеж в этом споре проходит между двумя принципиальными подходами. Кто кому служит: государство народу или народ государству? В чем состоит величие государства — в процветании граждан или в их порабощении? Приведу цифры, которые, на мой взгляд, не требуют комментария. Известно, что Россия обладает самыми крупными запасами пресной воды. Между тем 50% нашего населения не имеет водопровода и канализации, в том числе 10% в городах-миллионниках. Россия самый крупный экспортер газа в Европу, но половина страны у нас не газифицирована.

Что же касается истории, то нужно иметь в виду, что до определенного момента Россия мало чем отличалась

от Европы, будучи ее частью, в географическом смысле этого слова. Были и Новгород, и Псков, и Тверь, которые в свое время развивались так же, как ганзейские города.

Несколько факторов способствовали обособлению России от Европы. Это — автокефалия, строительство «Третьего Рима», обнажившее, по выражению известного историка Андрея Борисовича Зубова, «зыбучие пески необразованности отечества нашего в началах христианства». Это и подчиненность церкви государству, и, конечно, разрушительное влияние Орды.

Начиная с XV века закладывается фундамент особой российской государственности — жесткого авторитарного правления, репрессивного аппарата, подчинения экономики военным целям, мессианской идеологии и имперской внешней политике. Вместе с тем с правления Петра I происходит постепенное встраивание России в Европу, хотя всплески европеизма были и раньше. Например, при Иване Грозном был принят судебник, в котором одна из статей гласила, что «цари могут принимать законы только с одобрения бояр». Это были первые робкие попытки ограничения всевластия монарха. Однако, как только самодержец чувствовал, что развитие государства идет не по тому пути, то есть угрожает его власти, он сворачивал реформы, отсекал самое главное.

Реформы Петра, которые историки оценивают по-разному, в основе своей были имитационными, избирательными и поверхностными. Петру нравились кисейные занавески и герани в немецкой слободе, а больше всего в Европе ему нравились военная индустрия и милитаризм. Зачатки либерализма можно найти в правлении Екатерины Великой (1762–1796). Обнародование ею Манифеста о созыве

Уложенной комиссии для кодификации законов ознаменовало собой рождение концепции просвещенного абсолютизма. Однако она почувствовала угрозу своей власти, когда Панин и Фонвизин предложили ей Конституцию, списанную с порядка, действовавшего в Швеции, и отвергла ее как подрывающую устои самодержавия. Реформа Александра II, великого реформатора, освободила крестьян, но не дала им землю. И такая незавершенность реформаторских процессов была особенностью России вплоть до нашего времени. Горбачев дал политическую свободу, но не дал экономической. Медведев объявил курс на модернизацию, но он принял облик «потемкинской деревни» в Сколково. Иными словами, реформы или выхлещивались, или не доводились до конца. Таким образом, с ранних пор Россия развивалась по принципу два шага вперед — шаг назад. Это было медленное, но все-таки поступательное движение вперед.

Октябрь 1917 года положил конец этому поступательному развитию и отбросил Россию, которая стала очень бурно развиваться в начале XX века, к временам Ивана Грозного. В результате сложилась новая империя, существовавшая на четырех столпах: огромном чиновничьем аппарате, репрессивных органах, военной экономике и мессианской идеологии, существенным элементом которой был поиск врага.

Но вернемся к вопросу, почему европейский выбор России не стал необратимым после распада СССР, когда конец биполярности открыл возможности для ее интеграции в развитый мир. Как представляется, вина здесь поровну лежит и на российских реформаторах, и на Западе.

В чем, на мой взгляд, просчеты российских реформаторов? Первое — они

выбрали самую неподходящую для России модель экономического развития, так называемую модель шоковой терапии, и надеялись, что волшебная рука рынка все сделает сама. В результате это кончилось массовым обнищанием народа, дискредитацией самого понятия рынка и наложило кайноовое клеймо на наш молодой бизнес, поскольку ваучеризация оказалась обманом, а экономика превратилась в набор самоокупающихся сырьевых отраслей. Это была первая серьезная ошибка.

Вторая ошибка состояла в том, что, придя к власти, реформаторы сочли, что сам факт их нахождения у власти гарантирует демократию в России. Конституция писалась непосредственно под Ельцина, под «добраго царя», которому давалась неограниченная власть для проведения рыночных реформ. Институт президентства возвысился над системой разделения властей. Иными словами, не было создано основ для демократического развития России. Закончилось все тем, что государство, которое сформировалось к середине 90-х годов, определилось на службу новоявленной постсоветской номенклатуре.

Наконец, третья ошибка состояла в наивной вере, что Запад, и прежде всего США, существенно помогут России в ее экономических и политических реформах. По этой причине Москва в первой половине 90-х годов фактически встала в фарватер американского курса в международных делах. Вместе с тем, рассчитывая на быструю интеграцию с западными структурами, эти же реформаторы компенсировали свою невнятную внешнюю политику и уступки Западу достаточно жесткой, неоимперской политикой на постсоветском пространстве.

Мурат Гермен. Дубай. 2012

Что же касается Запада, то и он сделал большие ошибки. Во-первых, не понял причины распада Советского Союза и воспринял Россию как проигравшую сторону в холодной войне. В действительности Советский Союз был создан для холодной войны и мог существовать только в условиях конфронтации. По-своему это была логичная система, не подлежащая изменениям. Сталин как профессиональный политик нутром чуял — вынешь один кирпич из этого фундамента, и все здание рухнет. Он понимал, что открытость, прикосновение к другому миру смертельно для его системы. Именно поэтому был нужен железный занавес.

На мой взгляд, эрозия советской системы началась с того момента, когда был уничтожен железный занавес. Постепенно менялась конфигурация этой системы, и пришла горбачевская перестройка, новое политическое мышление. Иными словами, Советский Союз проиграл не холодную войну, а разрядку, когда советскому руководству уже было невозможно оправдывать огромные траты людских и экономических ресурсов на нужды войны. Советский Союз на самом деле погубила разрядка, а Россия выиграла холодную войну, ибо обрела в результате ее окончания свою государственность и суверенитет. Этого Запад не понимал. И он относился после окончания холодной войны к России как к побежденному государству, в большой степени как к Германии и Японии после Второй мировой войны. Разумеется, это вызывало в российском обществе возмущение и неприятие.

И еще одна ошибка состояла в том, что, вместо того чтобы создавать благоприятную среду для развития постсоветской России, продолжать традиции разрядки, Запад стал вмешиваться в наши внутренние дела, буквально до

назначения отдельных людей на определенные должности. Между тем вовне он стал создавать заслоны, одним из которых, в частности, являлось расширение НАТО на тот случай, если вдруг Россия повернет не в ту сторону. Ельцинская политика на пространстве СНГ, конфликты с Украиной и Грузией начали вызывать опасения Запада уже к середине 90-х годов. В целом ни у Европейского союза, ни у США, ни у НАТО не было стратегии в отношении России, хотя в отношении Восточной Европы такая стратегия была. Это оказало исключительное влияние на эволюцию внутренней политики России, которая исторически всегда была гораздо больше, чем у других стран, связана с ее внешней средой. Именно поэтому многие разногласия в дальнейшем между Россией и Западом были predeterminedены. Наряду с «шоковой терапией» и ее последствиями, политика Запада в отношениях с Россией явилась самой серьезной причиной постоянного ослабления российских демократических партий и движений с начала 90-х годов.

Иными словами, европейский выбор России не состоялся. И сегодня мы снова обсуждаем новые концепции евразийства. Я хотела бы сказать об этом несколько слов, потому что это важно. В принципе в региональной экономической интеграции нет ничего страшного, если она развивается на добровольной основе и выгодна всем сторонам. Поэтому и Таможенный союз, интеграция России с Белоруссией и Казахстаном, — процесс нормальный, если все этого хотят. Но эта интеграция не отвечает на главный вопрос: что она может дать России, как она может переориентировать ее экспортно-сырьевую экономку на новые модернизационные рельсы. Белоруссия, извините меня, живет на реэкс-

порте российской нефти, Казахстан сам производитель энергоресурсов. Что они могут дать России в плане модернизации? А нам нужна модернизация. Ну, если это всех устраивает, то, наверное, такую интеграцию можно принять, но ведь планы-то идут дальше — вплоть до создания Евразийского союза. Наше руководство уже сказало Европейской комиссии, что она будете иметь дело не просто с Россией, а с Евразийской комиссией и с Евразийским союзом.

На мой взгляд, сегодня Евразийский союз абсолютно виртуальный проект. Почему? Дело здесь даже не в России, а в Белоруссии, Казахстане. Интеграции не может быть между авторитарными государствами, потому что они, по определению, не готовы жертвовать своим суверенитетом ради создания наднациональных структур. Это ясно, если не забывать о том, как развивалась интеграция в Европейском союзе. Мне очень странно, что наше руководство не обращает внимания на некоторые высказывания Лукашенко. Как-то я летела в самолете, открываю «Независимую газету» и читаю в интервью Лукашенко: «Евразийский союз никогда не достигнет того уровня интеграции, который существует в Союзном государстве». Это довольно странное высказывание, поскольку большинство нашего населения даже не подозревает о том, что оно живет в Союзном государстве вместе с Белоруссией. Или возьмем высказывание президента Казахстана Назарбаева: «Экономической интеграции — да, политической интеграции — нет». Но ведь планы современного евразийства идут еще дальше. Носителями этой идеи являются наши коммунисты, которые хотят не просто вернуться к союзу постсоветских государств, а двинуться прямиком в Азию, к союзу с

Китаем. По их мнению, не Европа наша модель, а Китай. Они говорят, посмотрите на китайскую модель, посмотрите, какой рост! И это было бы смешно, если б не было так грустно, потому что нет понимания сути китайского чуда. Для России это не модель, поскольку такой шанс мы упустили в годы НЭПа, когда наше население в большинстве своем было крестьянским. То, что происходит в Китае, — это, строго говоря, не модернизация, а индустриализация. Россия, когда распался Советский Союз, была высокоразвитой индустриальной страной. Иными словами, китайский путь — это не наш путь, и непонимание этого не может не удивлять. В идеологическом плане евразийство — реакционная охранительная идеология, направленная на то, чтобы увести Россию с модернизационного пути.

И в заключение — об отношениях России с Европейским союзом. На мой взгляд, ЕС — самый впечатляющий интеграционный проект, хотя отношение к нему сильно изменилось. Многие говорят, в том числе и на Западе, что «кризис показал слабость Европы и всего Запада, и центр вселенной теперь перемещается в Азию». То есть отсутствует понимание того, что глобус-то круглый и самая сильная страна в Азии это — США, а также другие страны современного, модернизированного мира — Япония, Южная Корея. Но дело даже не в этом. Кризис, который затронул Запад, и Европейский союз в частности, это не тот кризис, который ведет к деградации системы и ее коллапсу. Это кризис, который является катализатором новых интеграционных проектов, сопровождающийся переосмыслением ошибок, допущенных в ходе осуществления европейского проекта. Поэтому я уверена, что ЕС и Запад в целом выйдут из этого

Умберто Боччони. Унесенные вихрем (№ 108). Май 1912

кризиса гораздо сильнее. И, поскольку европейская интеграция моя непосредственная специальность, добавлю, что в ЕС в последние годы появилось много новых концепций и интеграционных проектов, направленных не только на выход из кризиса, но и на развитие интеграции. Они обсуждаются публично.

И в этой связи еще об одном ракурсе евроазиатской парадигмы. Наряду с дискуссией между западниками и антизападниками у нас идет дискуссия и внутри так называемого западного лагеря. Наши модернизаторы делятся на две группы: европейстов и либеральных экономистов проамериканского толка. Последние говорят, что кризис в Европе случился потому, что она слишком много тратила средств на социальные нужды. На мой взгляд, сегодняшний экономический и финан-

совый кризис — это кризис неолиберальной экономической модели, в рамках которой в Европейском союзе действительно все новые проекты содержат сильный социальный компонент. Это и строительство нового единого рынка труда, и единого рынка здравоохранения, и нового единого рынка экономики знаний. Именно кризис подтолкнул Европу к новым прорывным социальным проектам.

В наших отношениях с Европейским союзом было много падений и взлетов, но были две реперные точки. Первая — Санкт-Петербургская инициатива 2003 года о создании четырех общих пространств. Это была блестящая инициатива, которая придавала нашим отношениям стратегические цели, но обходила вопрос о членстве России в ЕС. Комитет «Россия в объ-

единенной Европе», где я работала вместе с Владимиром Рыжковым, предложил концепцию нового соглашения между Россией и ЕС, построенную на идее создания четырех общих пространств в сфере экономики, внешней и внутренней безопасности, образования и науки. Она была положена в основу переговоров, которые ведутся сегодня по новому соглашению. К сожалению, пока эти переговоры не дали практических результатов. Вторая реперная точка — это совместная инициатива России и ЕС «Партнерство ради модернизации», принятая в 2010 году на саммите в Ростове-на-Дону, в период президентства Медведева. Это тоже была по-своему прорывная инициатива, потому что экономическая модернизация России невозможна без политической модернизации. Вы не можете привлечь иностранные инвестиции, если инвесторы не уверены в том, что завтра у них ничего не отберут в России. Если они не уверены в том, что есть независимые суды, есть независимый арбитраж, есть реальное разделение властей, что и означает политическую модернизацию. К сожалению, эта прекрасная идея — партнерство ради модернизации — пока не состоялась, а постепенно свелась или к узким техническим проектам, или к таким мега-проектам, мыльным пузырям, как Сколково. Вместе с тем понимание, что Россия должна стать современной страной, как мне кажется, есть у части политической элиты. Если оглянуться назад,

президентство Бориса Ельцина имело четкую цель — «избавиться от советского прошлого». Он достиг этой цели с огромными издержками для демократии. Цель президента Владимира Путина в его первые два срока — «восстановление стабильности, экономического равновесия». Он тоже достиг этой цели с огромными издержками для демократии за счет укрепления централизации. Третий наш президент, Дмитрий Медведев, сделал стратегическую ставку на «Партнерство ради модернизации», которое не осуществилось. Сейчас, когда Путин снова у власти, хотелось бы понять стратегическую цель его президентства. Стабильность? Во имя чего и до какого уровня? Об этом императиве модернизации говорил во время своей избирательной кампании сам Путин: «Для России нет и не может быть другого политического выбора, кроме демократии, при этом хочу сказать, даже подчеркнуть, мы разделяем именно универсальные демократические принципы, принятые во всем мире. Демократия — это возможность не только выбирать власть, но и постоянно эту власть контролировать». Что касается экономического развития, то тут он тоже вполне определенно сказал: «Убежден, в цели новой модели роста должна быть экономическая свобода, частная собственность и конкуренция, современная рыночная экономика, а не государственный капитализм». Правильные слова, остается только их превратить в жизнь.

Дискуссия

Денис Бураков, бакалавр МГИМО (У), выпускник Московской школы политических исследований, г. Пенза:

— Надежда Константиновна, спасибо большое за лекцию. Я придерживаюсь таких же взглядов, как и вы, и считаю, что культура — это главное, что нас объединяет с Европой и будет объединять дальше. У меня вопрос. Вы сказали, что Россия в 90-е годы выбрала неподходящую модель экономических реформ. Хочу заметить, Егор Гайдар был явно не глупым человеком и ориентировался на лучшее, что видел в то время, а именно на реформы в Польше. Они произошли за счет шоковой терапии, и полякам удалось создать конкуренцию среди предпринимателей, и за счет этого страна в принципе миновала этап перехода сравнительно плавно. Есть другой пример — Беларусь. Там либеральных реформ не было. А что было бы в России, если бы не было реформ Гайдара? Как вы считаете, какие все-таки реформы нужно было проводить и на что было нужно сделать больший упор?

Надежда Арбатова:

— Понимаете, проблема в том, что реформы, которые осуществлял Гайдар, не были теми реформами, которые проводила Польша. Я хочу вернуться к своему же тезису, а точнее, вопросу: почему все наше реформаторство, начиная с Петра I и кончая Гайдаром, было поверхностным и селективным? Ведь в чем была суть польских реформ? В том, чтобы создать средний класс, класс собственников. Там люди, об этом рассказывают сами поляки, начинали с лотков, продавали пироги или что-то другое, потом приобретали какой-то маленький магазинчик. У нас же сразу был отрезан ваучеризацией слой граждан, которые могли бы стать средним классом, но... Кто у нас стали собственниками? Вспомните — «красные директора» или «ловкие ребята». Грабительской ваучеризацией были ликвидированы сами предпосылки для создания среднего класса. Реформы, которые проводил Гайдар, осудил Джеффри Сакс, который позже написал, что они взяли только часть из того, что было легче всего сделать, — отпустили цены. И не сделали того, что сделали поляки. Так что у нас все было совсем не так, как в Польше.

Но самое главное, выбирая модель реформ, нужно было учитывать историю России, наши традиции. Как мне кажется, нам нужна была европейская социально ориентированная экономическая модель по типу шведской или немецкой. Итогом же шоковой терапии стало обнищание огромного слоя населения. И то, что в обществе сегодня растет ксенофобия, — это отголоски того времени, когда была дискре-

дитирована сама идея рыночной экономики и демократии. Хотя я не стала бы это излишне драматизировать, потому что и в современной Европе, в странах ЕС, в ситуации кризиса наблюдается рост популизма и ксенофобии.

Алексей Крысенко, доцент Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина:

— Вначале по поводу Орды. Дело в том, что в 1240 году Киев фактически перестал существовать. После ордынского нашествия выжила только та часть будущей Украины, которая потом вошла в Австро-Венгерскую империю. И я вам благодарен за то, что вы напомнили лишний раз аудитории, что Россия — страна с великой европейской культурой, с великим европейским прошлым и, я надеюсь, с великим европейским будущим. Это очень важно, потому что в Украине все думающие люди хотят, чтобы Россия оставалась европейской страной, потому что это залог того, что и у Украины все будет хорошо. А этот торг, который идет последний год, он ужасен. Он ужасен по своим возможным последствиям...

Надежда Арбатова:

— Я с вами согласна.

Алексей Крысенко:

— У меня вопрос, который я задавал несколько дней назад другим экспертам. Неужели в отношениях между Россией и Украиной будет сохраняться асимметрия и Россия не увидит в Украине более равного партнера? Мне кажется, не совсем правильный тон в отношениях создает противодействие внутри определенных украинских элит. Между двумя близкими и родными народами за 20 лет не выстроена нормальная площадка для коммуникаций, и мы все более расходимся. Россия теряет Украину, Украина теряет Россию. Если ничего не сделать, то в ближайшие 10–15 лет это будет, возможно, навсегда. И это будет самая большая трагедия в истории наших народов.

Надежда Арбатова:

— Я с вами абсолютно согласна по поводу алармистского сценария и считаю существующую ситуацию действительно очень опасной. Мы даже не осознаем, насколько она опасна. Но я хочу, чтобы вы посмотрели на эту ситуацию немножко с другой стороны. То, что идет такая борьба за Украину, говорит о том, насколько Украина важна России. Вообще, я бы сказала, что на всем евро-атлантическом пространстве нет более важного партнера для России, чем Украина. Я была недавно на Российско-Украинском семинаре, который был организован Верховной радой и нашей Государственной думой вместе с МГИМО. Ну, во-первых, такого количества мракобесов, которое собралось на этом мероприятии, я не видела никогда в своей жизни. Кто там только и чего только ни говорил! И лейтмотив всего этого собрания был такой — все было бы хорошо между Россией и Украиной, все было бы

прекрасно, если бы не Европейский союз, та третья сторона, которая встает между двумя братьями. Но когда мы собрались на отдельной сессии, я сказала, что, конечно, всегда соблазнительно найти виновного, ну давайте посмотрим друг на друга, а мы-то, что, сами совсем без греха? Что было в наших отношениях в 90-е годы? И не в ответ ли на политику России на пространстве СНГ возник ГУАМ? Так что давайте не будем искать виновных, посмотрим на себя, что мы сами сделали. И удивительным образом те же люди, которые кричали в общем зале, вдруг успокоились и стали мне говорить: «Да, нет доверия между нами, надо укреплять доверие». И все забыли про Европейский союз. Я считаю, что Россия, как сильное, большое государство, несет свою долю ответственности за то, что у нас происходит в отношениях с Украиной.

Лейла Мачавариани, специалист-эксперт административного департамента Министерства транспорта Республики Грузия:

— Благодарю вас за выступление. Было очень интересно. Мой вопрос в следующем. Несмотря на то что сейчас происходит процесс снижения напряжения между Россией и Грузией, образ врага в виде Грузии, по различным социологическим опросам среди граждан России, остается на втором месте после Америки. Видимо, опросы проводятся

среди людей, которые в глаза карту мира никогда не видели. Как вы считаете, насколько война 2008 года имела отношение к неоимперской политике, о которой вы говорили?

Надежда Арбатова:

— Ну, во-первых, я все-таки надеюсь, что эти социологические опросы не отражают действительность. Вообще, у меня к социологическим опросам очень осторожное отношение. Важно, кто проводит опросы, среди кого они проводятся, как сформулированы вопросы. Можно сформулировать вопрос так, что вы получите тот ответ, который хотите получить. Я почему-то думаю, что все-таки у наших граждан нет негативного отношения к Грузии. У нас не любят Саакашвили однозначно, но вот к грузинскому народу нет такого отношения.

Вспомните мюнхенскую речь Путина в 2007 году, она произвела очень плохое впечатление на Запад. Ее восприняли как некую конфронтационную речь и переход к какому-то новому этапу в отношениях России и Запада. В действительности он хотел сказать, что Россия уже не может принимать ту модель, те отношения, которые сложились между Западом и Россией в 90-е годы, что мы не будем послушно идти в фарватере западной политики, что мы не примем расширения НАТО на пространство СНГ. Это — «красная линия» для России. Война в Грузии — это была та самая «красная линия».

Я думаю, что вы не сомневаетесь в том, что я человек либеральных взглядов, но я считаю, что планы расширения НАТО на пространство СНГ нанесли огромный ущерб нашим отношениям с Западом. Напомню один момент в истории отношений России и Запада, который имеет непосредственное отношение и к Грузии, и к Украине в контексте расширения НАТО. После террористических актов в октябре 2001 года Путин был в штаб-квартире НАТО и сказал, что Россия готова пересмотреть свое отношение к его расширению, если она будет частью этого процесса. То есть фактически он сказал, что мы готовы, как и другие страны, строить свои отношения с НАТО на договорно-правовой основе. Каков был ответ?

Генеральный секретарь НАТО г-н Робертсон опубликовал статью в «Независимой газете», в которой говорилось, что Россия — это отдельная цивилизация, большая, очень хорошая, но у нее свой путь. И Путин уловил этот сигнал: «спасибо — нет». Иными словами, руководство НАТО допустило тогда ошибку, потому что если России сказали бы, давайте начнем переговоры об условиях возможного членства России в НАТО, этого одного было уже достаточно, чтобы Россия не относилась с таким подозрением к расширению НАТО на Украину, на Грузию.

НАТО — это отдельная тема. Здесь же следует сказать, что НАТО как организация, созданная в годы холодной войны, сегодня испытывает кризис идентичности. Она не определилась с тем, чем она является сегодня. Военно-политическим союзом против внешней угрозы? Тогда скажите — против кого? Военно-политические союзы прошлого создавались против внешней агрессии и плохо приспособлены к

современным глобальным вызовам безопасности. Если НАТО — новая коллективная организация евро-атлантической безопасности, то почему ее расширение обходит Россию? Иными словами, нельзя быть немножко беременным, нельзя быть немножко военно-политическим союзом и коллективной организацией безопасности, или — или. Вот то, что НАТО не определила свою постбиполярную суть, и лежит сегодня в основе кризиса евро-атлантических отношений. Говоря коротко, кавказский кризис не имеет ничего общего с российским «империализмом», это была «красная линия» для России, которую Путин обозначил в 2007 году.

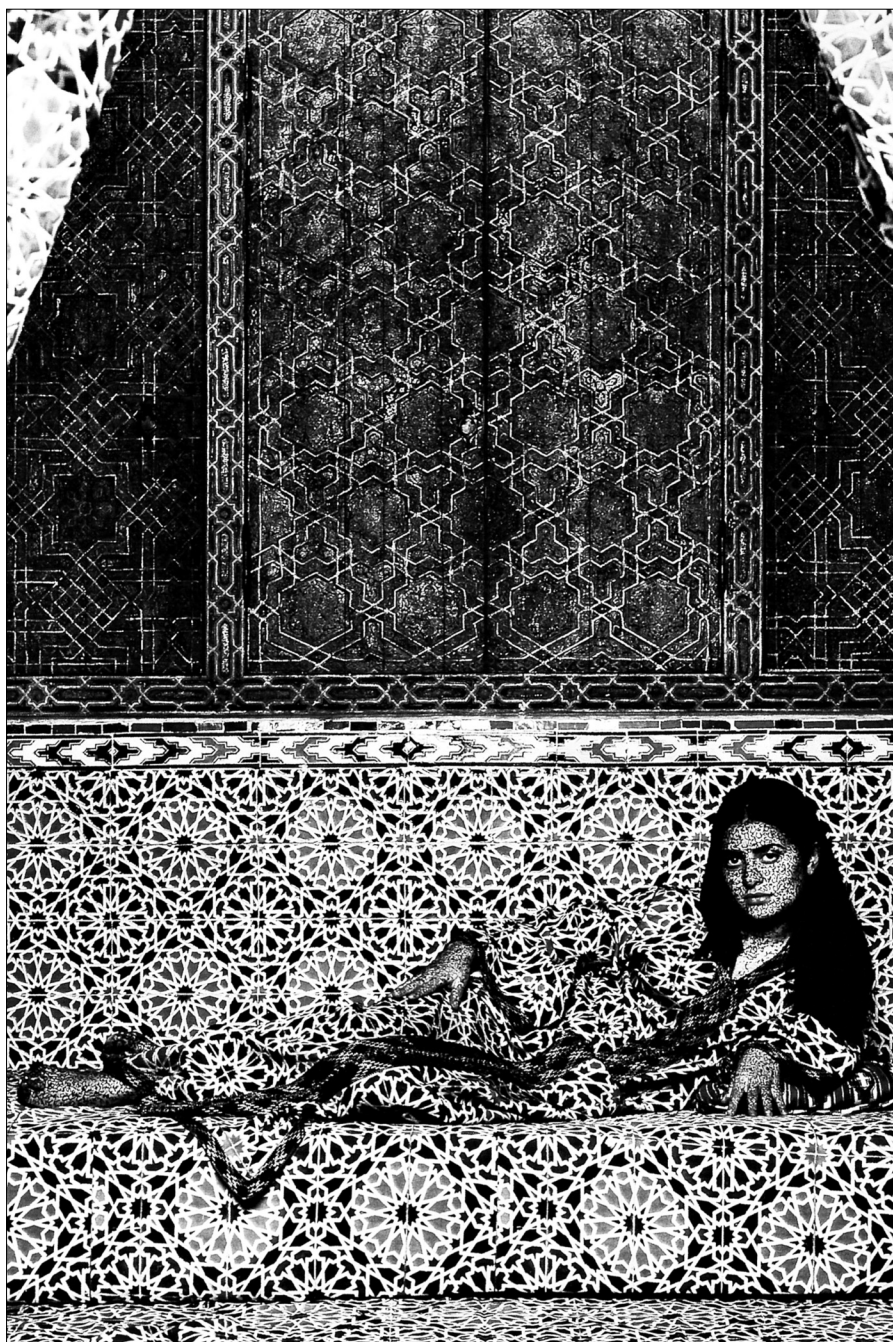
Михаил Бреслер, доцент Башкирского государственного университета, г. Уфа:

— Вы говорили о том, что реформы у нас половинчатые. С моей точки зрения, они просто копировались, то есть делались на основе реформ в других странах, где были успешны. Но при этом без учета мнения населения, а с опорой на ту часть элиты, которая их поддерживала. В том числе и реформа РАН, это совсем замечательно, сегодня сказали по телевизору: через два дня первое чтение, через два дня — второе... То есть удачными такие реформы быть просто не могут, по определению.

Надежда Арбатова:

— Согласна. У нас реформы часто копировали, но приспосабливали их к своим прагматическим целям. Вспомните историю марксизма. Из марксизма в Европе вышла социал-демократия, а у нас большевизм, приспособленный к нуждам элиты.

Реформа РАН касается меня непосредственно, поскольку я работаю в Институте мировой экономики и международных отношений и мы обсуждаем эту тему. Я ее понимаю как попытку окончательно достроить вертикаль власти, потому что Академия наук сохраняла свою автономию. Естественно, РАН — это не какой-то остров процветания в море коррупции. Но это лучшее, поверьте мне, что есть в нашей стране. Даже в советское время никто не мог нажать на Академию и, например, лишить Сахарова звания академика. Реформа нужна, но реформа не должна делаться людьми, которые не знают, что такое Академия, какие у нее проблемы. Все говорят, включая нашего президента, что стареет Академия, но, простите, это не спортивная универсиада, где возраст — неоспоримое преимущество. Можно получить Нобелевскую премию за научные открытия и в 70, и в 80 лет. И если вы хотите притока молодежи, то обеспечьте ей достойные условия для работы. У нас в институте впервые не было конкурса в аспирантуру! Оклад доктора наук — 20 тысяч рублей. Кто пойдет на такой оклад? Но самое неприличное в реформе, я имею в виду ее первый вариант, положение о том, что академика можно лишить звания, если он не будет чему-то соответствовать и будет нарушать какие-то законы. Чему соответствовать, какие законы, кто это будет решать?

Лала Эссауди. Гарем № 16. 2009

Обнадеживают инициативы научного сообщества. Дальневосточники, Новосибирск, Дубна отреагировали на реформу даже более остро, чем Москва.

Сергей Большаков, профессор Санкт-Петербургского государственного университета:

— У меня вопрос о популярности праворадикальных националистических партий и движений в Европе. Чем это объяснить? Каковы объективные причины их появления и их возможное будущее?

Надежда Арбатова:

— Ответ вы можете найти в моей статье «Правый крен Европы», которая была опубликована в газете «Военно-промышленный курьер». Вопрос очень сложный, потому что он связан с целым рядом факторов, не в последнюю очередь с просчетами в осуществлении европейской интеграции, с развитием конкретных проектов. Сегодняшний кризис в ЕС мы воспринимаем обычно как кризис еврозоны, а на самом деле это кризис интеграционного проекта. Мировой экономический и финансовый кризис лишь послужил катализатором тех проблем, которые существовали до кризиса, прежде всего в сфере иммиграции. Европе нужна рабочая сила, между тем Европейский союз так и не выработал единой иммиграционной политики, и даже не только иммиграционной, а интеграционной, то есть направленной на интеграцию приезжих в жизнь европейских обществ. Многие считали, что достаточно дать гражданство, и все сделано, человек уже интегрирован. Так не получается, и потому Меркель, и Саркози, и Кэмерон говорили о провале мультикультурного проекта.

Иммиграция в Европу последней волны происходит в ситуации острого экономического кризиса, увеличивая нагрузку на социальную сферу стран ЕС. В средствах массовой информации ряда европейских стран появляются статьи об иждивенчестве иммигрантов, что неизбежно ведет к трениям между коренным населением и приезжими. Голландия, традиционно одна из самых терпимых стран, проявляет сегодня нетерпимость к иммигрантам. По всей Европе мы наблюдаем триумфальное шествие популистских партий, которые подхватывают эти настроения и умело используют их в политической борьбе. Как правило, популисты чутко реагируют на настроения и озабоченность простых людей, хорошо понимая — дать на них ответ, противоречащий общественным ожиданиям, означает возможный проигрыш на выборах. Обличение пороков общества в доступной для народных масс форме традиционно является самой сильной стороной популистских партий. Выдаваемые ими рекомендации просты и понятны, хотя на практике нереализуемы. Именно национализм и ксенофобия представляют самую большую опасность для развития европейской интеграции, немыслимой без сохранения провозглашаемых ЕС ценностей.

Кроме того, подорвано доверие населения к Брюсселю из-за дефицита демократии, дефицита легитимности в наднациональных структурах. Было недовольство граждан ЕС политикой расширения Европейского союза. Помните, как боялись «польского сантехника»? То, что была принята стратегия одновременного безболезненного расширения и углубления Европейского союза, привело к тому, что и то и другое было достигнуто с большими издержками. Неслучайно в новых странах — членах ЕС столь сильны националистические

настроения — посмотрите на Венгрию. На мой взгляд, нужно было сначала укрепить институты, построить крепкую еврозону и потом уже подтягивать туда новых членов. Когда население находится в постоянном стрессе из-за экономических проблем, неуверенности в будущем, террористической угрозы, преступности, тогда возрастает спрос на политиков-популистов и усиливается ксенофобия — «вот, понаехали тут всякие». Почти так же, как у нас.

Я надеюсь, что к концу года начнется выход Европейского союза из кризиса. Но меня поражает отношение многих в России к кризису в ЕС. Это просто нескрываемая радость по поводу того, что у соседа сдохла корова. Несомненно, кризис нанес очень большой удар по привлекательности европейской модели и европейского выбора для России. Задача Европейского союза — выйти из этого кризиса сильнее, доказать преимущества европейского проекта. Тогда, я думаю, он сможет побороть и ксенофобские, националистические настроения.

Ирина Глинянова, директор регионального Центра гражданских и экологических инициатив, г. Волгоград:

— Как вы считаете, что не понравилось Великобритании в Евросоюзе? Почему там поставлен вопрос о референдуме по поводу ее выхода из ЕС в 2017 году? Хотелось бы услышать ваш комментарий.

Надежда Арбатова:

— Я считаю, что Великобритания не выйдет из Европейского союза. В позиции Великобритании, несомненно, есть элемент торга. Она присоединилась к ЕС позднее, чем другие страны Западной Европы, то есть не входит в число стран-основателей и не выстрадала европейскую интеграцию так, как выстрадали ее континентальные страны. Великобритания всегда была ближе к США. Я не хочу сказать, что это какой-то «троянский конь» в Евросоюзе, но Великобритания всегда очень болезненно и охранительно относилась к своему суверенитету, почти так же как Россия. Мы ведь тоже боимся, что кто-то покусится на наш суверенитет, что все спят и только видят, как бы отнять у нас наш суверенитет, наш газ, нашу нефть. У британцев островная психология, это в какой-то степени другая европейская культура. Кроме того, есть вполне обоснованное недовольство европейскими институтами, в частности Европейской комиссией. Кэмерон, если сравнить его с Блэром, европеист-скептик. Великобритания не входит в еврозону и считает, что было бы лучше, если европейские институты ослабили контроль над странами-членами. Эта позиция свойственна не только Великобритании. Евроскептицизм есть и в Чехии, и в Венгрии. Но я думаю, Великобритания не выйдет из Европейского союза, как и Шотландия и Уэльс не покинут Соединенное королевство. Но это — особая страна в ЕС, и об этом не надо забывать.

Роман Могучий, шеф-редактор радиостанции «КоммерсантЪ-ФМ», г. Самара:

— Вопрос абсолютно прикладной, про визы. Хотелось бы понять все-таки, когда Евросоюз если не отменит, то хотя бы облегчит визовый режим?

Надежда Арбатова:

— Визовый вопрос действительно кардинальный для нашего европейского выбора. Я всегда это говорю моим европейским коллегам, потому что они не понимают значения этого вопроса для наших граждан. Веками у нас контакты с внешним миром были ограничены сначала российской аристократией, потом советской номенклатурой, а сейчас, когда идеологические барьеры разрушились, возникли визовые барьеры, возведенные Европейским союзом, демократическими государствами.

Мне кажется, положение все-таки меняется к лучшему. Больше половины стран в ЕС высказываются однозначно за введение безвизового, не облегченного, а именно безвизового, режима. Какие препятствия? Препятствия часто состоят в том, что нет согласия между министерствами стран ЕС. В Германии МИД — за, а Министерство внутренних дел — против введения безвизового режима. Есть технические проблемы. Частично некоторые уже решены. Например, мы уже подписали договоры о реадмиссии не только с ЕС, но и с другими странами. Это означает, что если из России на территорию Евросоюза попадает человек, скажем, по каким-нибудь фальшивым документам, то вы обязаны его депортировать и несете все расходы. Требуются биометрические паспорта, обустройство в соответствии с европейскими стандартами всех пропускных пунктов. Но мне кажется, что это проблемы вторичные, технические, которые решаемы. Нет еще в Европейском союзе понимания того, как это важно. Чтобы это понять, нужно, видимо, пожить где-нибудь за Уралом и попробовать получить визу в Шенгенскую зону. Мы знаем, как это затратно, и по деньгам, и по времени. И есть еще один психологический момент. У многих лидеров стран ЕС существует мнение, что если они дадут безвизовый режим сейчас, то эта будет некая уступка лично Путину, что в корне неправильно. Почему? Потому что это жест доброй воли по отношению к гражданам России, и именно это поможет России определиться с ее европейской идентичностью. Представьте, человек, который живет бог знает где, сможет поехать с семьей в Париж или в Рим, приобщить ее к европейской культуре. Это имело бы огромное значение для европейского выбора России.

Иными словами, препятствие, на мой взгляд, политико-психологическое. Смешно думать, что с отменой виз преступная мафия хлынет из России в Европу, мафия уже вся там, кому надо, все уже уехали. Мне кажется, что в ЕС есть убежденность, что когда Россия движется в противоположную сторону от Европы, дать ей визовый режим будет неправильно. Но это заблуждение, потому что чем лучше наши отношения с Европой и с Западом в целом, тем лучше наша внутренняя ситуация, а чем лучше внутренняя ситуация, тем лучше международные отношения. Это такое уравнение безопасности и взаимозависимости.

*Владислав Иноземцев,
доктор экономических наук,
заведующий кафедрой
мировой экономики
факультета
государственного управления
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Главное противостояние XXI века: с кем быть России?

На 2014 год приходятся два значимых юбилея — 100-летие начала Первой мировой войны и 25-летие фактического завершения войны, традиционно называемой холодной. Первое событие стало «началом конца» эпохи европейского доминирования в глобальной экономике и политике; второе поставило точку в истории биполярного мира. Итоги как Первой мировой, так и холодной войн не были приняты проигравшими, после Первой мир был ввергнут еще в один конфликт, ставший самым жестоким в истории человечества. Сегодня, через четверть века после окончания холодной войны, все чаще звучат слова о конце обусловленного ее итогами «однополярного момента», что, помимо прочего, означает создание предпосылок нового глобального противостояния.

Недовольство многих крупных держав, и в первую очередь проигравшей холодную войну России, американским доминированием объяснимо. Как в свое время писал Г. Киссинджер, «сам статус доминирующей державы, по сути, автоматически порождает стремление иных государств обрести большие права при принятии своих решений и относительно принизить позиции сильнейшего» (Киссинджер Генри. Нужна ли Америке внешняя политика? — М.: Ладомир, 2002. — С. 325–326). Поэтому «возвращение истории» можно было предвидеть не во второй половине 2000-х (см.: Kagan, Robert. *The Return of History and the End of Dreams*. — New York: Alfred A. Knopf, 2008), а уже в середине 1990-х. Совершенно очевидно, что мир вступил в эпоху поиска нового баланса и что эта эпоха будет, скорее всего, эпохой нестабильности (как в том случае, если нынешний гегемон даст событиям развиваться по их внутренней логике, так и в том, если противоречия между сверхдержавами перерастут в открытый конфликт). Именно по-

этому идея возрождения многополярности всегда казалась мне опасной, а путь к ее утверждению — тернистым и малопредсказуемым.

Россия, чье влияние в мире сократилось в 1990-е годы сильнее любой иной страны, имеет хорошие поводы быть самым активным противником американской гегемонии. Однако поводы — это не всегда причины. Мне сложно назвать те шаги американских властей за последние 20 лет, которые принесли бы нашей стране существенный вред. В 1990-е годы американская экономическая политика обеспечила США подъем, который фактически вытянул мир из кризиса 1997–1998 годов. В начале 2000-х вторжение в Ирак, как бы оно ни уязвило наш политический класс, привело к дестабилизации на Ближнем Востоке и запустило рост цен на нефть, которому Россия обязана своему «вставанию с колен». Нынешняя реакция США на кризис 2008–2009 годов поддерживает на плаву всю мировую экономику, сырьевым придатком которой Россия стала по своей собственной, а не чьей-то иной воле.

Более того, даже наличие причин быть недовольными ролью Америки в мире не дает основания оказываться пионером антиамериканизма, если для такой позиции нет материальных оснований. А их, увы и ах, нет. Да, доля США в мировой экономике снизилась за последние 50 лет с 37,7 до 25,4%. Но доля СССР/России упала еще сильнее — с 6,9 до 2,2%. Можно сколь угодно долго рассуждать об американском упадке, но что-то подсказывает мне, что Ч. Краутхаммер был прав, когда в 1991 году написал: «Если бы Римская империя рушилась теми же темпами, какими сдает свои позиции Америка, вы, скорее всего, читали бы эту колонку полатыни» (Krauthammer, Charles. Bless

Our Pax Americana // *Washington Post*, 1991, March 22, p. A25). Россия не имеет сегодня союзников, которые готовы за ней пойти (по случаю купленные Белоруссия и Украина — не в счет); идеологии, которая казалась бы кому-то не то чтобы приемлемой, но даже понятной; технологии и интеллекта, которые могли бы сделать ее полюсом глобального экономического роста. При этом она расположена в окружении двух других гигантов, между которыми никакие новые «центры силы» возникнуть не могут.

Но и это не самое важное. Более принципиальным мне кажется иной момент. Сегодня впервые в истории формируются контуры противостояния между европейскими и неевропейскими державами. Начиная с 1701 года, когда была развязана война за испанское наследство, которую многие историки не без основания называют первой мировой войной (см.: Davies, Norman. *Europe: A History*. — New York: HarperCollins, 1998. — P. 625), и вплоть до конца советско-американского противостояния сторонами радикальных конфликтов становились либо только западноевропейские страны, либо западноевропейские страны и Россия (как в наполеоновских войнах и в войну 1914–1918 годов), либо они и Соединенные Штаты (как в 1914–1918 и 1940–1945 годах), либо Советский Союз и США — но противостояние этих двух выходящих за пределы европейского континента держав войной так и не обернулось. В XXI столетии главным оппонентом Америки становится Китай — и это способно изменить характер и ход нового глобального конфликта.

Я оставляю более серьезным специалистам по конфликтологии и истории вопрос о том, насколько сам по себе этот факт может сказаться на событиях

Джерардо Доттори. Ключевой политик будущего. 1928

ближайшего времени — мне хотелось бы сосредоточиться на более прозаической проблеме. На протяжении последних 500 лет Россия не состояла в союзах, в которых она не играла бы доминирующей роли. Начиная с Семилетней войны (1756—1763) она была главным двигателем любых коалиций в Европе. Именно она положила конец притязаниям Фридриха II, сыграла

решающую роль в победе над Наполеоном, до октября 1917 года несла основное бремя в войне против кайзеровской Германии. В годы Второй мировой войны Советский Союз, может быть, и был экономически слабее Соединенных Штатов, но он, несомненно, внес самый весомый вклад в победу антигитлеровской коалиции, да и подвергся атаке со стороны Герма-

нии до того, как Америка вступила в войну. В случае развертывания противостояния между США и Китаем Россия, если и займет одну из сторон, в любом случае окажется не на ведущей роли — и это будет для страны совершенно новым состоянием: ведь мы всегда привыкли спрашивать себя: «Кто с нами?», но никогда не пытались выяснить: «С кем мы?».

В такой ситуации стоит со всей серьезностью задаться вопросом: если противоречия между Соединенными Штатами и Китаем углубятся (а все чаще высказываются мнения не только о том, что они неизбежно углубятся, но и о том, что Китай сегодня в отношении США повторяет движения Германии в отношении Англии в 1909–1913 годах (см.: Luttwak, Edward. *The Rise of China vs. the Logic of Strategy*, Cambridge (Ma.). — London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2012), какую позицию стоит занять Москве? Следует ли и далее убеждать себя в выгоды участия на вторых ролях в ШОС и развивать конфронтацию с Америкой или пересмотреть свои позиции?

Сегодня Китай является второй в мире военной державой после США по всем позициям, кроме стратегических ядерных сил. Его военные расходы в 2012 году составили 166,1 млрд долларов и выросли с 2000-го в 7,5 раз (по данным SIPRI: <http://portal.sipri.org/publications/pages/expenditures/country-search>, сайт посещен 22 декабря 2013); американские составили 680,4 млрд долларов и выросли за тот же период в 2,3 раза (рассчитано по: *Economic Report of the President 2013*, Washington (DC): United States Government Printing Office, 2013, table B-80, p. 419). Если процесс будет продолжаться теми же темпами, расходы двух стран сравняются через 12 лет. Имея Россию в

союзниках, Китай будет обладать самой мощной военной машиной в мире еще раньше. Судя по его последним демаршам, Китай не остановится в притязаниях на то, чтобы в ближайшем будущем стать главной военной державой в Азии. Уже сейчас КНР имеет военные соглашения с Пакистаном, Мьянмой, Бангладеш, Шри-Ланкой, Мадагаскаром и даже с Сейшелами, Мальдивами и Маврикием, а его воинские контингенты присутствуют в регионе от Мьянмы до Судана, что вызывает растущую обеспокоенность Индии и Японии (см.: Emmott, Bill. *Rivals. How the Power Struggle between China, India and Japan Will Shape Our Next Decade*. — New York, London: Harcourt Brace, 2008. — P. 59–61).

Несомненно, что Соединенные Штаты предпримут все от них зависящее, чтобы не допустить превращения Китая в соперничающую с Америкой морскую державу на Тихом океане и будут наращивать военнополитическое сотрудничество с Японией, Южной Кореей, Филиппинами, Индией и другими своими потенциальными союзниками в Тихоокеанском регионе.

На мой взгляд, наступает подходящее время для того, чтобы без лишних эмоций оценить плюсы и минусы от того или иного позиционирования России в Азии. Важнейшими предпосылками для такого осмысления я назвал бы два обстоятельства.

С одной стороны, нужно скрупулезно и не впадая в разного рода идеологемы, проинвентаризировать представления о «закате» Соединенных Штатов, которые мы так любим повторять и тиражировать. Как совершенно справедливо отмечает в своей новой книге И. Иоффе, сейчас мир переживает уже пятый приступ шизофренического

обострения пересудов об американском упадке: первый фиксировался после запуска СССР первого спутника, второй — в годы вьетнамской войны, третий — в конце 1980-х на фоне стремительного подъема Японии, четвертый — в начале 2000-х из-за невозможности Америки утвердить свое имперское величие в новых войнах за рубежом (см.: Joffe, Josef. *The Myth of America's Decline*. — New York, London: W.W.Norton & Co., 2014. — Р. 3–32). Сейчас принято говорить о бесконечных долгах США, о кризисе их экономики и росте Китая. Но стоит вспомнить, что с тех пор как делались предыдущие пророчества, СССР рухнул; меньшинства были успешно интегрированы в американское общество; Япония давно перестала претендовать на первый номер в мировой экономической иерархии — да и экономический рост у американских «неудачников» в IV квартале 2013 года составил 4,1%, а у «успешной» России — менее 1%. На протяжении более двухсот лет Америка демонстрирует чудеса приспособления к постоянно изменяющимся условиям, и, судя по тому, как умело она использует преимущества глобализации, ее ресурс не исчерпан. Политический союз против нее с Китаем сегодня напоминал бы экономический альянс СССР с Японией в середине 1980-х годов — и тот и другой не помогли бы союзникам добиться доминирования в той или иной сфере. Я не говорю о том, что экономический рост КНР может замедлиться по мере появления в стране широкого среднего класса или вообще обратиться вспять в случае начала крупного кризиса перегруженных долгами государственных предприятий — пока речь идет только о том, что Америка далеко не исчерпала своих возможностей ни в одной из существенно важных сфер.

С другой стороны, нужно понять потенциальные выгоды сотрудничества с каждым из соперников. Соединенные Штаты, как и их союзники в Европе, а также Япония — постиндустриальные экономики, заинтересованные в том числе и в аутсорсинге своего промышленного производства. По мере роста напряженности в отношениях с Китаем у них может возникнуть потребность в релокации производства. Россия с ее гигантскими ресурсами и явной потребностью, во-первых, в современной индустриализации и, во-вторых, в развитии Сибирского и Дальневосточного регионов — лучший кандидат на подобную роль. Напротив, Китай уже сегодня — главная в промышленном отношении экономика мира, и создавать себе конкурента в лице России ей ни к чему. Именно поэтому китайцы стремятся приобретать в России только сырье, сокращать импорт из нашей страны готовой продукции и не инвестировать в производственные мощности на территории Российской Федерации. Можно и дальше умиляться росту нашего товарооборота с КНР (с 2000 по 2013 год он увеличился с 6,2 до 91,3 млрд долларов), но не стоит забывать при этом, что положительное сальдо в торговле России с КНР в 4,3 млрд долларов за эти годы сменилось отрицательным в 16,3 млрд долларов. Ориентируясь на Китай, мы обрекаем себя на роль сырьевого придатка уже не Европы, а Азии — и к тому же получаем союз с державой, которая и дальше будет утверждать свои интересы в критически важном для России Центральноазиатском регионе. Даже если я был бы сторонником прочного союза демократической России с авторитарным Китаем и убежденным противником американской гегемонии, я не понимаю, какие экономические выго-

ды наша страна может извлечь из политического альянса с КНР. Практика показывает, что наращивание объемов товарооборота и перенос производств на более дешевый китайский рынок прекрасно удастся и странам, совершенно не склонным идти с Пекином на углубленный политический диалог.

Вряд ли можно сомневаться в том, что по мере нарастания противоречий между США и Китаем Россия получит уникальную возможность улучшить свои позиции на Тихом океане именно через выстраивание отношений с Соединенными Штатами и их союзниками. Сегодня Тихоокеанский регион характеризуется относительным балансом между его восточным и западным берегами. Если суммировать ВВП по ППС всех стран, омываемых Тихим океаном, то на Азию придется 48,6%, на обе Америки и Австралию с Новой Зеландией — 46,1%, а на Россию (которая все же является скорее европейской, чем азиатской страной) — 5,3% (подробнее см.: Kuznetsova, Ekaterina and Inozemtsev, Vladislav. *Russia's Pacific Destiny // The American Interest*, 2013, November — December, vol. IX, № 2, p. 67–73). Перевес Азии не очевиден, а уж доминирование Китая (если учесть экономическую и технологическую мощь Японии и Кореи) тем более. В условиях такого баланса роль России для стран европейской культурной традиции особенно велика, что, вероятнее всего, может обусловить и цену, которую они готовы будут заплатить за обретение такого стратегического союзника. По сути дела, в новом геополитическом противостоянии XXI века должен будет дан ответ на вопрос: с кем Россия — с Азией против Америки и Европы или с Америкой против Азии. И этот вопрос представ-

ляется мне самым существенным для нашей страны в этом столетии.

Проблема ориентации России в отношениях с Китаем или Соединенными Штатами особенно важна потому, что она сегодня отражает «старый как мир» геополитический спор между сторонниками «континентального» и «океанического» подходов.

Ориентация на Китай означает на деле ориентацию не на восток, а скорее на юг (так как на восток от России лежит как раз Тихий океан и находящиеся за ним Канада, Соединенные Штаты и Мексика [а чуть ближе — Япония]). Такая ориентация будет предполагать, что в сознании нашей политической элиты возобладают идеи «евразийства», и мы посвятим десятилетия поиску у российской государственности азиатских корней, потратив десятки, если не сотни миллиардов долларов на финансовую поддержку несостоявшихся государств южной части постсоветского пространства. Ориентация на юг укрепит нашу вассальную зависимость от Китая, так как Россия в лучшем случае окажется поставщиком сырья для китайских предприятий, а если очень повезет — еще и транзитером их продукции на европейские рынки, но не более. Покажите мне хотя бы одно высокотехнологичное предприятие, построенное в России с участием китайского капитала, и я, быть может, изменю свою позицию. Особо стоит отметить, что ориентация на юг уводит Россию от ее естественного преимущества — выхода к двум основным океанам, Атлантическому и Тихому. По сути, сегодня подобными возможностями обладают только США — в мире, где 52% глобального валового продукта производится на расстоянии не более 100 миль от морского побережья, считать Киргизию и Таджикистан серьез-

Марко Багноли. Стрелок из лука. 1995

ными активами по крайней мере странно. Союз с Китаем, таким образом, предполагает «самозакапывание» России в евразийском «хартленде» вместо максимального расширения «окон» в мир — как на Западе, так и на Востоке.

Напротив, ориентация на Соединенные Штаты, и в более широком смысле на Запад, открывает перед Россией совершенно новые перспективы. В случае создания прочного союза между Россией, США и Японией возникает своего рода североти-

хоокеанский альянс, по мощи и возможностям сопоставимый с североатлантическим. Россия обеспечивает инвесторов для развития своих восточных территорий, совместно с союзниками контролирует столь дорогой нашим политикам Северный транзитный коридор, наращивает взаимодействие с североамериканской зоной свободной торговли. Более того — возникает перспектива дальнейшего союза с европейскими партнерами Соединенных Штатов, и в этом случае появляется уже не зона благоденствия от Нормандии до Владивостока, а своего рода «Северный альянс», который будет обладать подавляющим преимуществом над «мировым югом» по всем параметрам — от стратегических ядерных сил до технологий, финансовых резервов и запасов сырья. По сути, Россия в данном случае получает возможность на равных войти — и даже быть приглашенной, а не навязавшейся — в клуб самых развитых стран мира, стран, обладающих общей с ней культурной традицией. Европа в такой ситуации воссоединится с обеими своими «окраинами»: российской и американской. Новый блок будет обладать несомненным иммунитетом к любым посягательствам извне.

Конечно, сегодня крайне сложно предсказать, чем обернутся расклады,ваемые ныне политические пасьянсы через двадцать или тридцать лет, но, если уж мы начали с воспоминаний о богатом на конфликты XX веке, стоит провести еще одну аналогию.

С начала 1920-х годов в Европе складывалась ситуация, во многом схожая с той, которую мы наблюдаем сегодня уже в мировом масштабе. Две великие державы — Германия и Советская Россия — вышли из войны с наибольшими потерями и в значительной мере изолированными от остального

мира. С момента их первого договора в Рапалло они стали друг для друга «естественными союзниками». Сколько было сказано добрых слов в адрес друг друга и сколько желчи вылито на гнусных британских и американских империалистов! В Москве коммунистические лидеры прямо заявляли о том, что фашизм, как и коммунизм, — это идеология, а «идеология не может быть ни побеждена, ни запрещена». В Берлине нацисты согласовывали с русскими свои планы раздела Польши, а потом обе армии братались на новых границах. И все это в той или иной мере делалось потому, что Британская империя оставалась главной политической силой тогдашнего мира, а Соединенные Штаты — экономической сверхдержавой. Чем все закончилось, хорошо известно. Когда иллюзии от успехов «мирного возвышения» окончательно застигли Гитлеру глаза, началась война, в которой Советский Союз оказался союзником двух капиталистических стран, в отношении которых совсем незадолго до того испытывал непримиримую классовую ненависть. Мораль проста: можно принимать «европейские ценности» или нет; можно быть сторонником либеральной демократии или относиться к ней со скепсисом; можно восхищаться «духовностью» или обличать забывший о нравственности мир, но существуют геополитические реальности. Реальности, которые никто не отменял и которые российские политики многими своими действиями существенно актуализировали в последние годы. И ими не нужно пренебрегать. О них нужно говорить прямо и открыто, без иллюзий и идеологических прикрас. Возможно, такой беспристрастный анализ может привести и к иным выводам, но было бы хорошо услышать аргументы в пользу альтернативной позиции.

*Иван Крастев,
председатель Центра
либеральных стратегий
(София, Болгария),
научный сотрудник
Гуманитарного института в
Вене (Австрия)*

Подъем и упадок демократии? Меритократия?

Сегодня в большинстве государств у власти находятся выборные правительства. Большинство высших должностных лиц в крупнейших банках и транснациональных компаниях — это люди талантливые и яркие, с отличием окончившие лучшие университеты мира. Однако ни подъем демократии, ни возвышение «меритократов» не снизило озабоченности общественности тем, что «рынки функционируют не так, как ожидалось, ибо они неэффективны и нестабильны; что политическая система не сумела сгладить тяжелые неудачи рынка; и что экономические и политические системы несправедливы в своей основе».

Итак, что вызвало сегодняшний кризис: неработоспособность демократических режимов или провал меритократической элиты?

Это демократия, глупый?*

Слова, которые более столетия назад звучали справедливыми относительно монархии — «это понятная форма правления, [потому что] большинство людей воспринимают ее, и вряд ли где-либо на земле они готовы воспринять иное»**, в настоящее время применимы к демократии. Демократический идеал неоспорим, и воля народа, выраженная в свободных и честных выборах, почти повсеместно воспринимается как единственный источник законной власти. В XXI столетии демократия распрощалась с большинством своих критиков, но, к сожалению, не с внутренними противоречиями.

* Здесь и далее в подзаголовках отсылка к предвыборному лозунгу президента Клинтона 1991 г. — «Это экономика, глупый». (Прим. перев.)

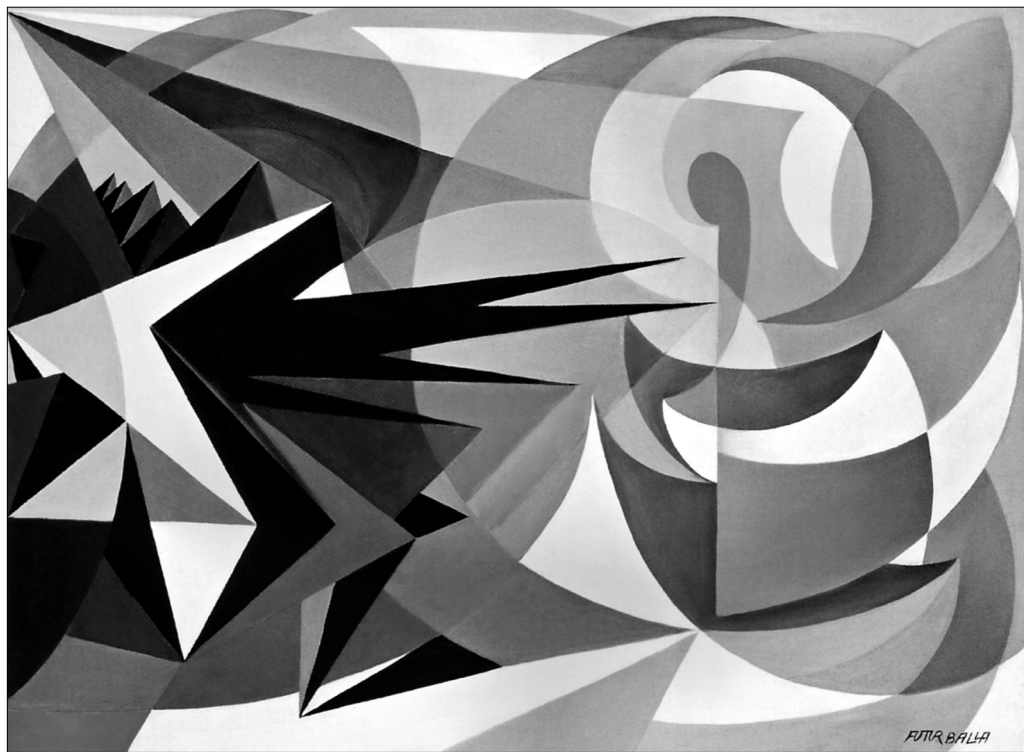
** См.: *Columbia World of Quotations*. Columbia University Press, 1996.

В июне 2006 года, когда Роберт Фрико с триумфом победил на выборах в Словакии и сформировал правительство в коалиции с радикальными националистами Яна Слоты, словацкий Конституционный суд заявил, что некий гражданин подал иск об аннулировании всеобщих выборов. Истец утверждал, что республика не сумела учредить «нормальную» систему выборов и, следовательно, нарушила конституционное право граждан на разумное управление. В глазах истца избирательная система, которая привела к формированию столь разношерстной коалиции, как современное словацкое правительство, не могла быть «нормальной».

Иск одинокого словака был не лишен смысла. Право на мудрое управление может противоречить праву голоса. Вот отчего либералы так часто нервничают по вопросам демократии. Поистине, люди суеверные, которые знакомы с трудами влиятельного либерала XIX столетия Франсуа Гизо (1787–1874), могли бы заподозрить, что последний возродился в облике словацкого гражданина, требовавшего ответа от Конституционного суда.

Именно Гизо и его коллеги — «доктринеры», используя все свое красноречие, утверждали, что демократия и система надлежащего управления могут сосуществовать только при режиме ограниченного избирательного права. На их взгляд, подлинный носитель суверенитета не народ, а разум. Таким образом, голосование необходимо рассматривать в терминах способностей, а не прав. В XIX веке проявлением способностей было наличие собственности или образования; лишь те граждане, которые обладали должным уровнем образования или собственностью, могли быть наделены правом голоса. Современным последователям Франсуа Гизо существенно сложнее определить значение «способностей» — сегодня почти каждый гражданин получил некое образование, и одновременно многие люди с неохотой делятся сведениями о своей собственности. В подобных обстоятельствах единственная гарантия, что носителем суверенитета станет разум, — это избирательная система, при которой каждый может голосовать, но голос избирателя необязательно влияет на все сферы государственного управления. Именно такое положение вещей постепенно установилось в Европейском союзе.

Хотя все мы готовы согласиться, что демократия подразумевает способность граждан влиять на принятие решений, затрагивающих их жизнь, в действительности это не так. Мы часто выступаем потребителями решений, принятых правительствами, которые мы не выбрали. В мире глобализации мы больше чем когда-либо зависим от решений других, в том числе людей, которые никогда не были и не будут частью нашего сообщества. Следовательно, возникает естественное стремление предупредить принятие неверных решений лицами, облеченными властью. По правде говоря, демократия никогда не была исключительно успешной системой для предупреждения ошибок. Однако на институциональном, психологическом и интеллектуальном уровнях она облегчает труд по *исправлению ошибок*. По

Джакомо Баллаю. Пессимизм и оптимизм. 1923

своей сути демократическое общество — это общество *самокоррекции*. Оно позволяет гражданам действовать на основе коллективного опыта и выносить из него уроки. Поэтому не случайно демократические конституции — это главным образом руководства по предупреждению возможной катастрофы. Так, из Основного закона ФРГ становится ясно, что этот документ преследует цель не позволить персонажам, подобным Адольфу Гитлеру, прийти к власти в Германии демократическим путем. Таким образом, легитимность и успех демократии зависят не от ее способности принести людям процветание (автократическим режимам это удастся не хуже) или счастье (увы, нам известно немало несчастных демократических стран), но от ее способности корректировать свою политику и формулировать общую цель. Именно это основное преимущество демократии сегодня находится под сомнением. Главный вопрос в том, в состоянии ли национальные демократии сохранить способность к самокоррекции, будучи зажаты между могущественными рынками и недовольными избирателями.

В книге, озаглавленной «Парадокс глобализации», гарвардский экономист Дэни Родрик* утверждает, что у нас три возможности

* Dani Rodrik. *The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy*. Norton, 2011.

сгладить трения между национальной демократией и глобальным рынком. Можно ограничить демократию во имя повышения конкуренции на международных рынках. Можно ограничить глобализацию в надежде повысить демократическую легитимность у себя в стране. Можно, наконец, придать глобальный характер демократии за счет национального суверенитета. Однако невозможно добиться «гиперглобализации», демократии и самоопределения одновременно. Тем не менее именно к этому, похоже, стремятся многие правительства. Они желают, чтобы люди обладали правом голоса, но не позволяют им следовать «популистской политике». Они желают снижения трудовых затрат и нередко игнорируют проявления социального протеста, но отказываются публично поддержать авторитарную «твердую руку». Они выступают за свободу торговли и экономическое взаимопроникновение, но хотят быть уверены, что при необходимости (в момент кризиса, подобного сегодняшнему) они смогут вернуться к национальному контролю над экономикой. Поэтому, вместо того чтобы сделать выбор между суверенной демократией, глобализированной демократией или покровительствующим глобализации авторитаризмом, круги политической элиты пытаются переформулировать демократию и суверенитет таким образом, чтобы невозможное стало возможным. В результате возникает демократия без выбора, суверенитет без смысла и глобализация без легитимности.

То, что до вчерашнего дня было соревнованием между двумя различными системами государственного управления — демократией и авторитаризмом, эволюционировало в соревнование между двумя формами «отсутствия альтернативной политики». В демократической Европе девиз состоит в том, что «не существует политической альтернативы» жестким экономическим мерам, и хотя избиратели могут сменить правительство, они не в силах изменить экономическую политику. Брюссель перевел в конституциональное поле многие из макроэкономических решений (вопросы бюджетного дефицита, уровня государственного долга) и де-факто вывел их из избирательной политики.

В России и Китае то и дело говорится об «отсутствии политической альтернативы» современному правительству. Правящая элита обладает большей гибкостью и свободой в экспериментах с экономической политикой, однако из уравнения устранена возможность бросить вызов властям предрежающим. Чтобы не позволить гражданам избрать «не то правительство», выборы либо находятся под контролем, либо фальсифицируются, либо запрещаются во имя «надлежащего государственного управления». В последние годы в этих странах мы наблюдаем рост нетерпимости к политической оппозиции и инакомыслию.

Так, непросто понять, становятся наши демократии неуправляемыми в силу того, что существенно возросло влияние общественности на процесс принятия решений, или, напротив, потому что голос граждан

утратил свою силу из-за растущего влияния мировых финансовых рынков и удаления демократического принципа самоуправления из пределов политики.

О диалектике

«рынок — государство / хозяин — слуга»

Хотя история служит лучшим аргументом в пользу содружества демократии и свободного рынка — большинство процветающих обществ основаны на рыночной демократии, всякому специалисту, изучающему демократические процессы, известно и о точках напряжения между рынком и демократией. В то время как демократия провозглашает равенство всех граждан (все взрослые граждане обладают правом голоса), свободное предпринимательство ставит полномочия человека в прямую зависимость от произведенной им экономической выгоды или находящейся в его владении собственности. Поэтому справедливо предположить, что средний избиратель в демократическом обществе выступит в защиту богатых, только если он сочтет, что это увеличит его собственные шансы на повышение благосостояния. Если капиталистическая система не пользуется общественной поддержкой, демократия не потерпит неравенства, проистекающего из рыночных отношений. Представители правых политических кругов часто выражают обеспокоенность тем, что демократия разрушит свободный рынок. Одновременно левые не устают повторять, что неравенство доходов, как неизбежное следствие рыночных отношений, несет опасность выхолащивания демократического процесса. Однако в исторической перспективе трения между демократией и рынком были трениями между национальным рынком и национальной же демократией. В последние три десятилетия рамки этой дискуссии изменились кардинально.

Осенним днем 2011 года Сильвио Берлускони, в последнем акте своего пребывания на посту премьер-министра Италии, проехал по улицам, заполненным толпами протестующих, которые выкрикивали ему вслед «клоун» и «позор». Улицы перед президентским дворцом бурлили от тысяч демонстрантов, размахивавших итальянскими флагами, с хлопком открывавших бутылки шампанского — семидесятипятилетний медиамагнат направлялся на встречу с президентом Италии, чтобы подать ему прошение об отставке. В одном месте хор в сопровождении импровизированного оркестра исполнял «Аллилуйю». В другом месте ликующие манифестанты выстраивались в «паровозик». Раздавались автомобильные гудки, прохожие распевали песни. Все выглядело как своего рода революционный момент. Но в действительности это было не так. Падение Берлускони вряд ли можно назвать классическим триумфом «воли народа». Пожалуй, то был триумф могущественных финансовых рынков. Коррумпированную клику Берлускони изгнала из высоких кабинетов не воля

избирателей. Сигнал «Берлускони должен уйти» был подан с финансовых рынков, которые вступили в альянс с бюрократическим аппаратом в Брюсселе и руководством Европейского центрального банка во Франкфурте. Именно они выбрали и преемника Берлускони — возглавившего итальянский кабинет министров технократа Марио Монти, бывшего комиссара ЕС. Наверное, люди на улицах Рима ощущали эйфорию и беспомощность одновременно. Берлускони ушел, однако в раздираемой кризисом Италии избиратель утратил статус значимой фигуры. Празднование народом падения режима Берлускони напоминало энтузиазм итальянцев, с воодушевлением встречавших победоносную армию Наполеона в 1796 году. Люди на улицах были не протагонистами, а наблюдателями исторических событий.

В капиталистических демократиях правительство по-прежнему зависит от доверия избирателей... тогда как рынки продиктуют экономическую политику правительства вне зависимости от того, кто победит на выборах

Справедливо утверждение, что в капиталистических демократиях правительство по-прежнему зависит от доверия избирателей. Однако природа этой зависимости изменилась. С точки зрения работы правительств в посткризисной Европе мы наблюдаем странное разделение труда между избирателями и рынками. Избиратели способны решить, кто войдет в состав правительства, — их голоса определяют победившую партию, тогда как рынки продиктуют экономическую политику правительства вне зависимости от того, кто победит на выборах. В ходе ожесточенных дебатов в Европе о будущей институциональной архитектуре еврозоны становится понятно, что новые правила еще более ограничат способность избирателей влиять на решения в экономической сфере. Попросту говоря, рынки хотят быть застрахованы от глупых шагов и решений избирателей. Однако, следуя гегелевской диалектике отношений «хозяин — слуга», слабые национальные демократии вечно играют шуточки с всевластными финансовыми рынками, подобно случаю с Италией, где уже спустя год после прихода к власти поддержанного рынками Монти избиратели присудили победу оппозиционно настроенному комическому актеру Беппе Грилло и... Сильвио Берлускони, ибо, чем более рьяно политики стремятся лишить избирателей права совершать ошибки, тем больше избирателей оказываются склонными к парадоксальному голосованию.

Когда люди голосуют по любому поводу

В 1972 году американский социолог и психолог Уолтер Мишель провел революционный эксперимент, призванный помочь в понимании того, что определяет успех в жизни. Опыт был обманчиво прост. В дет-

ском саду Бинга в кампусе Стэнфордского университета каждому ребенку предлагали конфету (зефир). Ребенку обещали вторую конфету, если он готов был воздержаться от сладости в течение определенного времени. Цель эксперимента состояла в том, чтобы измерить, сколько времени каждый ребенок может противостоять искушению и как это соотносится с будущими успехами ребенка. В противовес господствовавшему тогда мнению, постулировавшему чистый интеллект в качестве единственного залога успеха в жизни, опыт Мишеля указывал на то, что разум в основном зависит от самоконтроля. (Результаты эксперимента доказали правоту исследователя.) С точки зрения будущих успехов способность воздержаться от поедания конфеты оказалась важнее результатов теста на уровень интеллекта. Так значит, это самоконтроль, глупый!

Опыт Мишеля вряд ли удивил бы протестантских богословов, которые давно утверждают, что жизнь на земле есть не что иное, как сопротивление «зефиру». Ирония, однако, в том, что как раз в то время, когда Мишель продемонстрировал, что успех в значительной мере обусловлен «способностью не позволять себе того или иного», западный мир уже двигался в обратном направлении.

Социолог Дэниэл Белл задавался вопросом, может ли полная победа рынка оказаться в конечном итоге опаснее распространения социалистических идей. Он опасался, что, если логика рынка возобладает в других сферах человеческой деятельности, например в политике или культуре, капитализм может прийти к самоуничтожению.

Не схожая ли логика просматривается в современном кризисе управления? «Рынки — это машины для голосования, — сказал однажды экс-президент «Ситибанка» Уолтер Ристон, — они функционируют посредством референдумов». Разве распространение демократического принципа самоуправления посредством общего голосования за пределы политической сферы — то обстоятельство, что сегодня мы голосуем практически по любому поводу, — не привело на практике к делегитимации институтов представительской демократии и эрозии качества управления?

Сегодня мы голосуем практически по любому вопросу — выбирая лучшую песню, худший кинофильм или наиболее профессионального дантиста. Для молодого поколения опыт демократии необязательно связан с политикой. Демократия, можно сказать, вездесуща. К примеру, все более демократическим становится футбол. В 2008 году команда английской третьей лиги «Эббсфлит» сделала важный шаг в направлении футбольной демократии: за скромную плату в 35 фунтов болельщикам было предложено право управлять командой, то есть голосовать посредством сети Интернет и в режиме реального времени по всем важным вопросам, связанным с функционированием клуба. Компетенция участников охватывала все от перевода игроков и управления бюджетом до дизайна сувениров с эмблемой клуба. Тридцать две тысячи участников из 122 стран стали членами «величайшей футбольной фантазии». В целом людям предоставили возможность

«напрямую» управлять футбольными клубами, как раз когда они стали терять влияние на политику правительства. Проблема в том, что безудержное распространение демократии одновременно стерло границы между различными сферами человеческой деятельности (теми, которые должны управляться посредством голосования, и теми, в которых необходима профессиональная компетентность) и одновременно подорвало легитимность демократических институтов, подлежащих всеобщим выборам.

Десять лет назад британское социологическое агентство YouGov провело сравнительное исследование группы молодых людей, увлекающихся политикой, и схожей группы лиц, активно участвующих в телепрограмме (реалити-шоу) «Большой брат». Обескураживающее открытие состояло в том, что британские граждане чувствуют себя лучше представленными в шоу «Большой брат». Им проще было идентифицировать себя с персонажами телепрограммы и обсуждаемыми в ней идеями. Они сочли шоу более открытым, прозрачным и представительным. Формат реалити-шоу давал им ощущение значимости и соучастия — которое должны были, но не сумели обеспечить демократические выборы. Логическое следствие подобных психологических и социальных установок — это, с одной стороны, снижение избирательной активности (в том числе явки избирателей) в западных демократиях и, с другой стороны, наметившаяся тенденция снижения избирательной активности людей малоимущих, безработных и молодых — то есть тех, которые теоретически должны быть более других заинтересованы в использовании политической системы для перемены своей участи.

Таким образом, парадоксальным результатом вытеснения демократического принципа самоуправления за пределы политического поля стало то, что теперь мы голосуем по любому поводу, но при этом политическая власть избирателя снизилась.

Это элиты, глупый!

В чем истоки столь сильной неприязни к меритократической элите — вот еще один ключевой вопрос, на который надлежит ответить. «Меритократия, — писал Ральф Дарендорф, — звучит как нечто исключительно положительное. Это понятие означает правление лиц, обладающих заслугами, достоинством (*merito*), самых талантливых и самых образованных. Кому не захочется жить при меритократии? Последнюю следует, безусловно, предпочесть плутократии, при которой статус определяется богатством, геронтократии, когда к власти приходят одни престарелые, или даже аристократии, при которой роль играют лишь унаследованные титулы и вотчины». Пожалуй, философы Платона были одними из первых известных нам меритократов, требовавших власти на основе своих знаний и компетентности. Сложность окружающего нас мира подводит рациональную основу под ожидания, что общество предпочтет видеть у власти людей наиболее образованных и

Фортунато Деперо. Молотобойцы. 1923

компетентных, то есть меритократов. Однако все оказалось гораздо сложнее. Легитимность экспертов и профессионалов стала одной из первых жертв растущей сложности. Немалыми были и социальные издержки меритократического принципа формирования правящего класса. Примечательно, что сам термин «меритократия» был введен в обиход не в полузабытом древнем трактате о благом правителе, а в заглавии антиутопического сочинения британского социолога Майкла Янга «Возвышение меритократии», опубликованного в середине прошлого столетия. В представлении Янга меритократическое общество — это не мечта, а кошмар. Это общество с огромным неравенством в доходах, где граждане утратили чувство политического сообщества, где демо-

кратия превратилась в бутафорию и перспективы социальной мобильности перекрыты своекорыстной элитой, вытесняющей из общественно-политического поля всех остальных. Многие из апокалиптических предсказаний Янга сегодня стали реальностью. Возвышение меритократического принципа означает, что сегодня в мире больше богатства, но и больше неравенства, чем 30 или 40 лет назад. К 2007 году, за год до кризиса, 0,1% американских семей имели доход, в 220 раз превосходящий средний доход 90% населения страны. В 2011 году 20% населения США владели 84% совокупного богатства. Такое положение наблюдается не только в Соединенных Штатах. Глобализация привела к снижению неравенства между государствами, однако она почти повсеместно увеличила неравенство внутри стран. За последнее десятилетие в эгалитаристской Германии неравенство росло быстрее, чем в большинстве развитых капиталистических стран. Рост неравенства в доходах сопровождается снижением социальной мобильности. В действительности неравенство присутствует в разных формах. Данные исследований свидетельствуют, что дети с хорошей успеваемостью из бедных семей с меньшей вероятностью получают образование в колледже, чем дети из богатых семей, которые хуже учились. Но, даже окончив колледж, выходцы из бедных семей преуспеют в жизни с меньшей вероятностью, чем не успевавшие в учебе дети богатых. Вкратце, образование действительно содействует успеху в жизни, но оно выступает скорее как привилегия, нежели как социальный лифт.

В течение ряда лет образцом демократического общества, которым управляет меритократическая элита, служили Франция и Япония. Однако неудача двух этих обществ в адаптации к условиям глобальной конкуренции стала дополнительным доводом против подобных принципов управления государством. Нередко отсутствие практического опыта и оторванность от жизни приводила меритократическое правительство к политическим просчетам. И хотя многие обозреватели с готовностью относят успехи коммунистического Китая к сосредоточенной на меритократии философии управления, правда в том, что в Китае меритократия — это часто язык обоснования той иной политики, а не совокупность критериев для принятия оптимальных решений. В этом смысле показательно, что ни в России, ни в Китае карьерный успех губернаторов не обязательно сопровождается высокими экономическими показателями соответствующих регионов. Данное обстоятельство не означает, что в Китае не ценятся образование и опыт. Оно лишь показывает, что патронажные отношения в этом обществе важнее. Любопытно, что из 250 членов комитетов Коммунистической партии в провинциях Китая — элитарной группы, в которую входят партийные боссы и губернаторы, — 60 человек утверждают, что они обладают ученой степенью (внушительный процент), но при этом 50 человек из упомянутых 60 получили степень, уже занимая высокую должность. Это означает, что обладание докторской степенью увеличивает карьерные шансы в Китае, однако при этом пребывание в высших эшелонах власти намного увеличивает шансы получить ученую степень.

Как растущее расслоение общества на богатых и бедных, так и неприязнь к элите особенно явственны в посткоммунистическом мире. Сегодня многие восточные европейцы считают, что щедрые плоды окончания холодной войны пожал не народ, а «вырвавшаяся на свободу» номенклатурная элита. Люди считают, что демократия запустила процесс, избавивший экскоммунистическую элиту от страха (чисток), от чувства вины (за свое богатство), от довлевших над ней идеологии, общественных обязанностей, чувства преданности родине и даже от необходимости управлять. Можно с уверенностью утверждать, что во многих восточноевропейских странах посткоммунистическая элита вызывает большее раздражение, чем ее коммунистические предшественники. Так почему коммунистические элиты прошлого воспринимаются сегодня как меньшее зло по сравнению с посткоммунистической элитой? Одна из причин состоит в том, что, несмотря на жестокость коммунистической элиты, она была более доступной — представители госаппарата были обязаны в той или иной мере общаться с простыми гражданами. Таков был идеологический императив и предварительное условие партийного контроля над обществом. Однако такова была и действительность, на которую неизбежное влияние оказывали дефицит, неформальные договоренности, обмен услугами, сделки на черном рынке, партийные связи, посредством которых люди перемещались в социальном поле.

Двадцать лет назад даже член партийной номенклатуры должен был поддерживать добрые отношения с зеленщиком, если ему нужны были свежие фрукты. Он, скорее всего, откликнулся бы на просьбу зеленщика, попроси тот его об услуге. В извращенном мире экономики дефицита зеленщик сам решал, кому достанутся лучшие плоды. Он был ничтожен и могуществен одновременно. Но если коррупция коммунистической системы несла зеленщику определенные выгоды, в эпоху посткоммунистической коррупции он стал жертвой. Революции 1989 года дали ему свободу слова, передвижения, голоса и потребления. При этом он утерял свое ограниченное, но не ничтожное влияние на элиту. Власть избирателя более абстрактна, чем влияние, которым зеленщик пользовался в силу своих связей. Теперь никому не нужно дружить с зеленщиком ради свежих фруктов. Он более не может просить об услуге влиятельных клиентов. И у него нет контакта с политическим классом — современный политик говорит с избирателями посредством телевидения и слушает их посредством социологических опросов.

Джон Роулз выразил мнение многих либералов, сказав, что быть неудачником в меритократическом обществе не так болезненно, как в явно несправедливом, лишенном равенства обществе. Согласно его мнению, справедливые правила игры способны примирить человека с неудачей. Однако либералы — далеко не всегда проницательные психологи или специалисты по внутренней жизни неудачников. В действительности гораздо мучительнее быть неудачником в обществе, где человек вынужден нести полную ответственность за свой провал, чем

в обществе, где очевидным образом возможным виновником ваших неудач была система.

Итак, в нашем взаимозависимом мире элиты в гораздо меньшей степени, чем раньше, зависят от граждан. Традиционная аристократическая элита имела определенные обязанности, и традиции несения службы прививались дворянам с детства. То обстоятельство, что поколения предков, глядевших на дворян с портретов в родовых имениях, выполняли эти обязанности, побуждали относиться к таковым серьезно. В Великобритании, например, число выходцев из высшего класса общества, погибших на полях Первой мировой войны, превышало число погибших — выходцев из низов. Новая элита не приучена жертвовать. Дети этих людей не гибли на войнах. Сама природа и «конвер-

*Новая элита не приучена жертвовать.
Дети этих людей не гибли на войнах.
Представители элиты не зависят от
образовательной системы своей страны
или национальной системы
здравоохранения. Они утратили
способность разделять чувства
и страсти своих сообществ*

тируемость» новой элиты делает ее практически независимой от давления государства. Представители элиты не зависят от образовательной системы своей страны (их дети ходят в частные школы) или национальной системы здравоохранения (они могут позволить себе больницы более высокого класса). Они утратили способность разделять чувства и страсти своих сообществ. Для многих людей такая независимость элит равнозначна утрате гражданами способности влиять на политику.

Неприемлемой современную элиту делает как раз ее конвертируемость и осознанное стремление зарабатывать деньги «так, как угодно», не будучи никому должным и находясь за пределами всякого общества. Поэтому свобода — это и счастье, и проклятие новой элиты. Свобода позволяет ей уйти от давления на местном (национальном) уровне и обрекает ее на нелегитимность. Лучший пример — острая ненависть в обществе к финансовой элите. Землевладелец не в силах унести с собой из страны землю, а промышленник старого образца не убежит с фабрикой. Финансист перемещает капитал с большой легкостью. Новая элита полна самоуверенности в силу своей мобильности и *непринадлежности* к какому-либо сообществу. Отношения между людьми и меритократической элитой начали напоминать отношения между современными футбольными клубами и их болельщиками. Именитые клубы тратят баснословные деньги, чтобы заполучить лучших игроков и порадовать болельщиков. Проблема в том, что только постоянные успехи и победы могут гарантировать команде преданность трибун, ведь ничто больше не объединяет игроков и их болельщиков. Они не уроженцы одного квартала. У них нет общих друзей. Большинство игроков в ведущих футбольных командах даже не при-

Энрико Прампolini. Всплеск рыбы. 1915

надлежат к одной стране. Болельщики готовы приветствовать свои клубы в пору триумфа, но с большой вероятностью оставят их в дни поражений. Меритократическая элита — это элита наемническая. Ее представители не принадлежат к сообществу, но желают снискать уважение, восхищение или даже любовь. То, как представляют себя новые «глобальные элиты», сродни картинке, которую Маркс нарисовал для пролетариата в «Коммунистическом манифесте» — они суть производительная сила общества; их отчизна — весь мир, и будущее принадлежит им. Тогда как «национализировать» элиту мечтает не только президент Путин, но и представители многих протестных движений, возникших в Европе в недавние годы. Именно отсутствие у элиты чувства корней и сопричастности к делам общества вызывает к ней такое презрение.

Парадокс нелегитимности меритократических элит свидетельствует о том, что подлинная власть и влияние происходят не из независимости элиты от общества, а, напротив, из ее зависимости. Люди доверяют вождям не только за их компетентность, но и потому что верят, что во время кризиса они останутся на корабле, а не бросятся к спасательным шлюпкам. Подозрительность в отношении элиты вызывает как раз ее «конвертируемая компетентность», приспособленность с равным успехом управлять банком в Болгарии и в Бангладеш. Люди справедли-

во опасаются, что в бедственную пору меритократы предпочтут уехать, а не нести вместе со всеми тяготы кризиса. В глазах народа то обстоятельство, что элита «приватизировала» социальный «аварийный выход», сделало этот слой общества не только менее легитимным, но и гораздо менее могущественным.

«Елена», удостоенный премий кинофильм российского режиссера Андрея Звягинцева, прекрасно иллюстрирует динамику отношений между элитой и массами во фрагментированном обществе. Сюжет фильма прост. Это история супружеской четы. Елена — женщина за шестьдесят, замужем за богатым, добившимся всего собственными силами (и вышедшим на пенсию) бизнесменом. Постепенно становится понятно, что ее муж — это, как принято сейчас говорить, человек из «1%» общества, повстречавший свою жену из «99%» (она была медсестрой, ухаживавшей за ним в больнице после инфаркта). Их отношения не назвать любовью. Они спят в разных спальнях, отдельно завтракают и смотрят разные телепрограммы. Она ухаживает за ним, но в свободное время следит и за семьей своего сына от другого брака, беспутного неудачника, живущего в панельном доме на гнилой окраине. Когда богатый муж отказывается заплатить за институтское образование внука Елены (потому что он того не заслуживает) и, следовательно, помочь ему уклониться от армии, Елена принимает решение — она подкладывает таблетки фатальной для мужа «Виагры» к его лекарствам. Семья ее сына переезжает в фешенебельную московскую квартиру покойника. Такова аллегория классовой борьбы в меритократическом XXI веке: ни стачек, ни революций — только разгневанная медсестра и смерть от «Виагры».

Выход

Парадокс современного мира состоит в том, что демократизация общества ироничным образом привела к снижению политического влияния избирателей и росту социального неравенства, тогда как глобализация раскрепостила элиты, но лишила их легитимности и способности управлять. Если до 1970-х годов распространение демократии сглаживало неравенство в обществах, то подъем демократии в настоящее время (в противовес Токвилю) сопровождается ростом неравенства в доходах. Джон Данн убедительно показывает, что именно разрыв между идеалом эгалитаристского общества и идеалом демократии объясняет притягательность демократии сегодня. Именно счастливое открытие, что сегодня выборы не только не таят угрозы для богатых, но также открывают некие перспективы почти для всех членов общества, служат залогом устойчивости и успеха демократии. Тогда как меритократия нередко служит оправданием для растущего социального неравенства (разрыв в доходах вызван технологическими переменами), именно демократия делает неравновесные режимы политически возможными.

Таким образом, размышляя сегодня о странных взаимоотношениях между демократией и меритократией, можно сделать предваритель-

ные выводы. Логично предположить, что сегодняшний мир родился из сочетания демократического и меритократического принципов. Это означает, что выход из современного кризиса управления состоит не в одном повышении уровня гражданского участия и не в росте технократии и передаче процесса принятия решений в руки более компетентных бюрократов. Более того, не слишком полезным окажется и дальнейшее взаимопроникновение демократии и меритократии. Пожалуй, ключевой вопрос состоит в переосмыслении самого значения политики в современном мире глобализации. Управляемым обществом делает наличие общей цели и по меньшей мере минимальная социальная сплоченность.

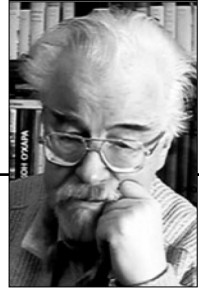
В годы холодной войны в условиях необходимости держать закрытой границу с коммунистическими странами, западные демократии оставляли проницаемыми границы между социальными классами. В эпоху устойчивых национальных демократий политическая сила гражданина-избирателя была обусловлена и тем, что он одновременно был гражданином-солдатом, гражданином-рабочим и гражданином-потребителем. Имущество богатых зависело от готовности рабочих защищать капиталистический порядок. Гражданин-избиратель был необходим, так как защита страны зависела от его готовности выступить против врагов родины. Он был важен, так как его труд обогащал страну. Наконец, он был нужен, так как потребление им товаров и продуктов служило двигателем экономики. Чтобы понять, почему нынче граждане западных стран не могут с легкостью контролировать политиков демократическими средствами, нужно проанализировать процессы размывания различных внеизбирательных форм зависимости политиков от граждан. Когда граждан-воинов заменяют беспилотные самолеты и профессиональные армии, то существенно ослабевает один из основных факторов заинтересованности элиты в общественном благосостоянии. Наводнение рынка дешевой рабочей силой в лице иммигрантов, а также «аутсорсинг» производства снизили готовность элит к сотрудничеству со своими согражданами. В пользу снижения влияния граждан на правящий класс говорит и то обстоятельство, что во время недавнего экономического кризиса поведение фондового рынка США более не зависело от потребительской способности американцев. Упадок влияния гражданина-воина, гражданина-потребителя и гражданина-рабочего объясняет утрату избирателями власти, но также и растущую неуправляемость современных демократий.

Парадокс современной демократической ситуации превосходно выражен в замечании Стивена Холмса, профессора права в Нью-Йоркском университете: «Как возможно сохранить элиту, которая была бы легитимна на глобальном и местном уровнях одновременно?».

*Перевод с английского
Марка Дадяна*

Работа на себя

Александр Волков,
доктор исторических наук

Много лет назад, в шестидесятые годы, я опубликовал книжицу под таким заголовком. Она сначала даже не прошла цензуру, сняли с производства, потому как в то время идея «работы на себя» считалась крамолой: на общество надо работать, на строительство коммунизма, а не в собственных интересах! Редактор книги Алла Тимофеевна Шаповалова оказалась упрямой и пробила-таки эту брошюрку, используя некие свои связи в верхах. Под тем же заголовком вышла у меня статья в «Новом мире». Здесь и там обосновывалась мысль, что *наемный* труд становится малоэффективным, что надо создавать формы производственных отношений, основанные на *хозяйской* заинтересованности в деле каждого работника, на его интересе к эффективности производства и ответственности за результат. Конечно, система доказательств при этом опиралась на высказывания классиков марксизма-ленинизма, в частности, что социализм создает такую возможность — работы на себя.

Недавно один мой старый друг в письме ко мне посмеялся над всеми нами,

наивно рассуждавшими о рынке, кооперации и вот этой самой социалистической идее работы на себя, формах ее реализации. «Мы мало знали и мало понимали тогда». Наверное, в его самоиронии есть немалая доля истины, но, упомянув и «работу на себя», он спровоцировал новые мои размышления на эту тему.

Да, мы стали свидетелями краха «реального социализма», пережили и жестокое время становления рынка в нашей стране, оказавшееся совсем не таким, как представлялось в мечтах. Мы начитались новой литературы о современной экономике, ее законах и убедились, что жизнь идет иначе, чем виделось в наших иллюзиях. Официальная же экономическая и социальная теория, господствовавшая в стране, просто перевернулась с ног на голову.. А мы-то теперь счастливы? Не думаю...

Слушаю заявления наших нынешних высокопоставленных руководителей, влиятельных экономистов. Все настойчивее звучит: *действующая экономическая модель исчерпала себя!* Темпы роста в стране падают, если в 2011 году они составляли 4% с хвостиком, в 2012-м — 3 с хвостиком, то в 2013-м всего 1,4%! Самым серьезным бед-

Джакомо Бала. Вдовье покрывало на фоне пейзажа. 1916

ствием стало *неравенство*, затрагивающее большинство людей и свидетельствующее не столько о том, что они многое не могут себе позволить, сколько об ощущении униженности. Ведь неравенство в доходах воспринимается до какого-то уровня нормально, каждый знает какие-то пределы своих возможностей, но у нас оно стало кричащим, возмутительным, поскольку даже естественное *право на жизнь* у разных категорий граждан уже не одинаковое: одни могут получать за деньги услуги высокотехнологичной медицины, а другие нет! Люди не хотят смириться с чиновничьими зарплата-

ми в 460 тыс. рублей при средней в 15–20 раз меньше, с частными доходами в миллионы, воровством миллиардов рублей или долларов, а вместе с тем чувствуют и небрежение их интересами, их мнениями, фактическое отстранение от решения принципиально важных политических и экономических проблем. Показательна в этом смысле история Болотной площади.

Что-то похожее, касающееся устарения прежней парадигмы развития и моделей экономики, происходит не только у нас. Нарастание неравенства не только внутри стран, но и между регионами

мира, богатыми и бедными странами. Необычный кризис, начавшийся не в производстве, а в финансовой сфере, но подорвавший даже самые мощные экономики. Угрозы дефолта для многих стран и натужное спасение от него усилиями наиболее развитых государств, а вместе с тем недовольство этим их населения. Необходимость иммиграции и проблемы с иммигрантами, передрыги с долгами США и снижение кредитного рейтинга всего Евросоюза... Много чего заставляет говорить о тупиковых ситуациях экономического развития на уровне принципов его организации. А вместе с тем — публикации ученых о кардинальных изменениях в системе экономических отношений и потребности их пересмотра.

Мы начитались за это время о том, что собственники материальных средств производства вступают на рынке труда в отношения с иными, чем прежде, собственниками рабочей силы. И эти отношения приобретают совсем иной вид, чем во времена, когда из толпы жаждущих работы у ворот каждой фабрики выкликались любые имена, и счастливицы с радостью кидались в эти ворота... Дело в том, что работа у конвейеров была однородной и не требовала уникальных знаний и опыта. Теперь требует...

Читали работы известного английского журналиста, экономического аналитика Чарльза Лидбитера, который писал о необходимости такой экономической модели для Европы, при которой *предпринимательство* не обязательно означает лишь обогащение немногих, оно предполагает также большее вознаграждение каждому, кто участвует в процессе создания богатства, то есть должно приносить *выгоду*

всем участникам экономического процесса. А вместе с тем — модели, которая учитывала бы, что в Европе сохраняют значение идеи равенства и социальной справедливости*.

Вот передо мной еще статьи и книги, в которых бывший чиновник правительства Великобритании Джефф Малгэн, венесуэльский экономист Карлота Перес, другие авторы рассуждают о том, что будет «после капитализма». Читаешь их, и возникает мысль: а не о той же ли проблеме идет речь, что мы писали прежде, говоря о работе на себя? Только на некоем ином уровне, в условиях, обостряющих проблему неравенства, и вместе с тем высокотехнологичного производства, требующего творческого, креативного, как модно говорить теперь, отношения к труду, и даже серьезных научных знаний, научного творчества в самом его процессе. Несомненно, что формы взаимоотношений непосредственных участников производства и владельцев средств производства должны становиться иными, чем прежде. Такими, при которых даже наемный работник равнодушен и к средствам производства, и к результатам труда! Он хочет быть более самостоятельным в своей деятельности, хочет добиваться наилучших результатов, чтобы гордиться ими, плодами мысли и рук своих, а тем самым и создавать условия для продвижения по карьерной лестнице, обретая все более *высокий статус в обществе*. Не говоря уже о качестве жизни!

Некоторые европейские страны прошли этап своеобразного приобщения персонала предприятия к использованию средств производства, к управлению производственным процессом,

* См.: Чарльз Лидбитер. *Новая экономика Европы*. Пер. с англ. Д. Васильева. — М.: МШПИ, 2000.

особенно в традиционных отраслях промышленности, через различные формы участия в управлении. Наиболее выразительный пример — ФРГ. С 1951 года там уже действовала система совместного (или согласованного) управления (так я назвал бы трудно переводимое *Mitbestimmung*). Увлечены им были профсоюзы и левые партии, но эта система была введена законодательно. Она включала действие на предприятиях производственных советов, которые обладали значительными правами в сфере охраны и условий труда, организации разного рода социальных служб, защиты интересов наемных работников. Но более важный момент — участие представителей персонала, членов производственных советов, посланцев профсоюзов в наблюдательных советах фирм. Особенно — в форме паритетного представительства работодателей (акционеров) и наемного персонала. Члены наблюдательных советов обладали уже куда более значительными правами. Они обсуждали проблемы развития бизнеса, инвестиционные проекты, договоры с другими фирмами, в том числе международными — практически все жизненно важные вопросы предпринимательства.

Примерно с начала восьмидесятых годов зона действия *Mitbestimmung* начинает сужаться, поскольку в производстве многое меняется. Вилли Брандт, с которым мне довелось беседовать на эту тему, заметил: что-то не получается теперь с паритетным участием. Причин тому множество, и это особая тема разговора. Замечу пока, что в других странах использовались иные формы участия — через доверенных лиц (Финляндия), шоп-стюардов (Великобритания), передача наемным работникам части акций и другие.

Более популярной и распространенной формой взаимодействия собственников и наемных работников давно уже была та, что называлась «конфликтное сотрудничество» — понятие, если мне не изменяет память, родившееся в Италии (*cooperazione conflittuale*), но принятое в Англии и ряде других стран. Суть отношений такого рода обусловлена *дуализмом интересов сторон*, управляющих и управляемых: у них есть некие общие интересы, но лишь в том случае, если управляемые, а не только управляющие получают выгоды от успеха общей деятельности. Однако та и другая стороны имеют еще и собственные интересы, не просто различающиеся, а часто противоположные. Поэтому сторонники конфликтного сотрудничества в Италии и в других странах подчеркивали: да, переговоры и компромиссы возможны и даже неизбежны, но только после того, как стороной управляемых, тех, кто не является крупным собственником и не имеет решающего голоса в принятии решений, выработаны собственные четкие требования и развернута упорная борьба за них.

Мы не хотим, говорили представители британских профсоюзов, разделять с хозяевами ответственность за управление предприятиями, они так или иначе определяют решения в этой сфере, но мы считаем важным все же влиять на эти решения с позиций своих интересов и боремся за свои требования. Надо сказать, что им многого удавалось добиться. В частности, в сфере распределения доходов.

Очевидно, что статус работника определяется отнюдь не только его положением непосредственно в производстве, на предприятии... Некоторое время назад мы испытывали большой интерес к «шведской модели», которая представлялась нам некой формой социализма,

основанного на капиталистическом, рыночном во всяком случае, производстве и на распределении, носящем в чем-то социалистический характер. Потом этот интерес иссяк, поскольку как раз *элемент социалистичности*, переросший в опасное перераспределение созданного богатства, подвел шведов. Безграничное почти перераспределение снижало даже стимулы к труду и в конечном итоге отодвинуло страну с первых мест в Европе и мире — в производстве и благосостоянии граждан. А у нас возобладало стремление строить экономику на капиталистических основах. Пересмотр «шведской модели» привел к выводам (в частности, в книге Гуннара Веттерберга «Новое общество», одного из участников специального анализа этой проблемы), что достижения Швеции были связаны скорее не с формой перераспределения, а с тем, что для нее с давних времен характерна *культура отношений власти и народа*, допускающая и поощряющая его вовлечение в управление страной на всех уровнях. С 1560 года шведский риксдаг (парламент) собирался неизменно с постоянным представительством крестьян, которые вносили свои предложения законодателям и принимали участие в решениях. Эва Остерберг, профессор Лундского университета, в своих исследованиях вовлечения граждан в деятельность центральных и местных органов управления, волостных, коммунальных, приходских, а также судебной системы, писала: «Крестьяне прирастали своими железными задами к скамьям на судебных заседаниях и в приходах, столь же упрямые, как профсоюзные боссы за столом переговоров. Кровавые восстания, «дикие» за-

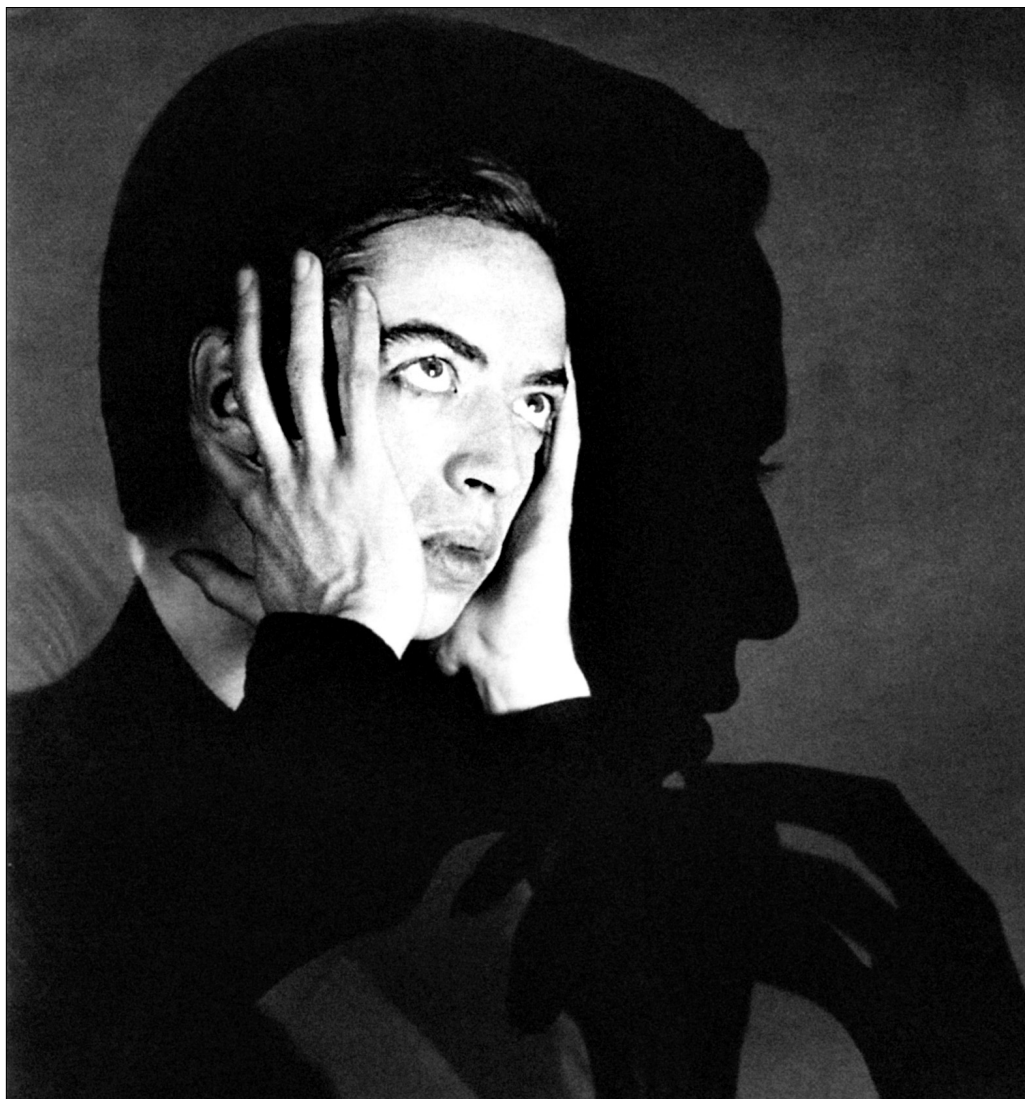
бастовки и правительственные перевороты в течение многих столетий не были характерны для шведов»*.

То есть шведский народ, отвечая на предоставленное ему право участия, в свою очередь, не использовал против власти насильственные действия, тогда как в Германии в XIV–XIX веках случилось более 130 крестьянских бунтов. Вот с этим своим достоянием шведы и стали связывать перспективы совершенствования своей национальной модели.

Немецкий исследователь, специалист по политическим коммуникациям Даниель Деттлинг, председатель правления некоммерческого консалтингового агентства «Берлинполис фюр морген», подчеркивает: «Нельзя забывать, что материальное благополучие граждан — это только один из аспектов их социальной защиты и интеграции в широком понимании». В перечне ценностей в наши дни, отмечает автор, лидируют честность, естественность и доверие. Идет движение в сторону создания «Я и Мы-общества», развивается гражданская инициатива с целью укрепления связи обоих компонентов — личного и общественно-го. Что это означает?

«Люди все менее активны в религиозной или профессиональной сферах по каким-то идеалистическим мотивам, из желания пожертвовать собой ради великого дела или из альтруизма, любви к ближнему и сострадания. Современные жители мегаполисов... образованные люди, добровольно проявляя инициативу, хотят не только в чем-то поучаствовать, что-то обсудить и организовать, но и получить какую-то отдачу — развиваться и совершенствоваться как лич-

* Цит. по: Веттерберг Гуннар. *Новое общество. О возможностях общественного сектора. Пер с шведского Н. С. Плевако.* — М.: Московская школа политических исследований, 1999. — С. 295.

Эдмунд Кестинг. Образ балетного танцовщика. 1933

ность. Работа на благо других не должна вступать в противоречие с желанием самореализации»*.

Вместе с тем меняется понятие государственности и понимание демократии и политики. Для современного концепта гражданского общества неприемлема точка зрения, согласно которой «если есть проблемы в обще-

стве, то этим должны заниматься исключительно государство и семья». Такое понимание государственности сформировалось в условиях немецкой модели социальной рыночной экономики, которая была очень успешна после Второй мировой войны. С одной стороны, благодаря ей поднялась экономика (основной задачей которой

* Даниель Деттлинг. Будущее гражданского общества // Общая тетрадь (Вестник Московской школы политических исследований). — М., 2006, № 4 (39). — С. 65, 63.

было получение прибыли), с другой стороны, было создано социальное государство, которое занималось распределением этой прибыли. Эта модель поддерживалась за счет естественных ресурсов — семьи, традиции, религии, ценностей и норм, которые, казалось, никогда не иссякнут.

Но в последнее время такая модель испытывает огромное давление как изнутри, так и извне. Отчасти потому, что люди стали зачастую дистанцироваться от политики, появляется усталость от политических партий, усиливается неприятие тенденций в современном мире (глобализации, индивидуализации, мультикультурализма). Их тревожат такие актуальные проблемы, как безработица, проблемы совмещения семейной жизни и профессиональной карьеры, качество школьного образования, бедность и одиночество, нищие городские кварталы. В Германии две трети граждан не верят, что правительство или оппозиция в состоянии решить эти проблемы, отмечает Деттлинг. Почему так происходит? Причиной является прежде всего эрозия социального государства, утеря им легитимности, как в культурном, так и в экономическом отношении.

Таким образом, новый концепт гражданского общества подразумевает иные, чем прежде, качества человека: это не пассивный, находящийся под опекой индивид, а ответственный и самостоятельный гражданин. В рамках концепта делается ставка не на отношения зависимости индивида от государства, а на культуру активного участия людей в общественных процессах. Ответы на новые вызовы, связанные с атомизацией общества и социальным обособлением людей, может дать только гражданское общество. Жизнь любого коллектива становится более качествен-

ной, если граждане социально активны и сообща что-то предпринимают.

Эти размышления отнюдь не предполагают новые попытки создания социально однородного общества, они исходят из реальности, но предполагают ее развитие благодаря общественной активности граждан, возвышение их роли в обустройстве жизни, которое удовлетворяло бы их в гораздо большей степени.

Как же общественная активность, взаимодействие граждан в конкретных делах, оказывается способной разрешать, в частности, проблему социального неравенства? Можно показать кое-что на примере деятельности наших наиболее успешных Товариществ собственников жилья (ТСЖ). Известно, что ТСЖ оказываются наиболее эффективными тогда, когда в доме живут люди примерно одинакового, а главное — высокого достатка. Они могут сообща, собрав необходимые средства, благоустроить подъезды, построить, скажем, спортивные площадки, сауны — все, что угодно, что душа пожелает. Но если в доме живут и состоятельные люди, и пенсионеры, и многодетные семьи с низким уровнем доходов? Здесь могут возникать конфликты: одним хочется многого, другие неспособны за это заплатить. Каков тут выход из положения? Одни приходят к тупику и начинают разговоры о том, что нужно расселяться, что каждая семья должна искать себе дом, где собирался бы однородный состав жильцов. Однако другие решают иначе: состоятельные жильцы собираются и принимают решение построить нечто для общего пользования, для всех за свои средства, что не является для них, при их доходах, таким уж чувствительным ущербом, серьезным бременем. И, быть может, обращаются к соседям с предложением по мере сил поучаствовать трудом в создании той же

детской или спортивной площадки, чего-то еще. Скажем, специально развести цветы для подъездов и для двора. Общее дело сплачивает людей, они находят способы сотрудничества ради лучшего обустройства своей жизни, и от этого повышается уровень общего благополучия, создается благоприятная атмосфера общения семей. Точно так же, по такому же принципу проблемы расслоения и неравенства могут решаться в масштабе квартала, района, а главное — страны.

Вопрос в том, какая настроенность возобладает в обществе: стремление успешного человека выделиться, покрасоваться на фоне аутсайдеров, либо, напротив, проявить скромность и более того — стремление помочь ближнему. Настрой, иерархия ценностей, преобладающая в обществе, определяют очень многое, хотя, конечно, совершенствование собственно экономических механизмов крайне необходимо. Общественные институты конструируют образы социального мира и так или иначе внедряют их в сознание сограждан. Если люди конструируют социальное пространство определенным образом, то эти конструкции реальны по своим последствиям, — так формулируется известная «теорема Томаса», одного из видных американских социологов.

Нечто похожее читаем у другого замечательного американского исследователя: «В демократическом обществе сейчас, — писал Крейн Бринтон в середине XX века в своей книге «Истоки западного образа мысли», — существует убеждение, что каждому члену этого общества дано играть определенную роль в сложном процессе, который ведет к тому, что медленно,

сбивчиво и, пожалуй, непредсказуемо желания людей и формы, в которых они выражают эти желания, видоизменяют существующую действительность и наши представления о ней»*. Так что, быть может, и не такая уж невозможная вещь — трансформация прежнего нашего идеалистического представления о возможности «работы на себя» в нечто более реалистичное, отвечающее и общественным потребностям, и современным реалиям жизни?

Симптомом вызревания новых потребностей у граждан нашего современного общества стала уже упомянутая мною Болотная площадь, вернее — события, на ней развернувшиеся. Там с протестом против того, что многое решается без их участия, вопреки их воле, при унижительном игнорировании их мнения, выступили не только и прежде активные граждане, но и некие новые слои, ранее пассивные. Я наблюдал это даже на близко знакомых людях. Те, кого можно, хотя и с достаточной мерой условности, отнести к среднему классу, только образуемому в нашей стране, прежде отмахивавшемуся от политики, мол, «грязное дело», считавшего даже модной эту отрешенность, ценившего только профессионализм, теперь будто очнулись: нет, так нельзя! Молодые, но уже опытные, знающие себе цену, много получающие за свой труд, путешествующие по миру и всем интересующиеся, владеющие Интернетом и уже использующие его для общения и самоорганизации, вышли на улицы с цивилизованным заявлением о своих требованиях и жизненных представлениях. Нет, они не хотят бунта и революций, но они начинают понимать, что они — сила, которую власти не могут не слушать и не услышать.

* Крейн Бринтон. *Истоки западного образа мысли*. Пер. с англ. В. Франка. — М.: Московская школа политических исследований, 2003. — С. 10.

Политическая культура и трудности демократизации в России

Но, если бы закон, или государь, или бы какая-либо власть подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной непоколебим.

А.Н. Радищев

Если у России и есть какой-либо «особый путь», то этот путь лежит к демократии, в основе которой свобода гражданина. Разумеется, российская демократия не может быть такой же, как либеральные демократии Франции или Канады, как и не может одна демократия быть точной копией другой. Вероятнее всего, демократическая Россия будет похожа на латиноамериканские страны, где из-за наследия прежних авторитарных режимов глава государства наделяется широкими властными полномочиями. Однако, несмотря на это, и Аргентина, и Колумбия, и Чили больше не являются авторитарными. Эти страны связывают свое будущее со свободой и справедливостью, благодаря становлению гражданского общества и независимых институтов, преграждающих путь диктатуре.

Насколько важна политическая культура для демократии, и почему демократия невозможна без гражданского общества? В 1963 году американские обществоведы и политологи Габриэл А. Алмонд и Сидней Верба охарактеризовали гражданскую культуру Англии как «плюралистическую культуру, основанную на консенсусе и разнообразии, разрешающую изменения посредством модерации»*. В силу изоли-

Денис Бураков,
бакалавр МГИМО (У),
выпускник Московской школы
политических исследований

* Речь идет о книге «Гражданская культура», в которой Алмонд и Верба развивают тезис о взаимозависимости политической культуры и демократии. На примере пяти стран (Великобритании, США, Италии, Мексики и Германии) авторы исследуют вопрос о том, как стабильность демократии сочеталась с общественным отношением к ней. Хотя многие гипотезы о роли культуры в процессе демократизации впоследствии были опровергнуты научным сообществом, книга остается классикой политической науки. См.: Almond G., Verba S. *The Civic Culture*. Princeton: Princeton University Press, 1963.

рованности английского общества от континентальной Европы Британия смогла быстрее прийти к единству по большинству вопросов, касающихся национальной самоидентификации. Но что более важно, гражданская культура вкупе с эффективными институтами, появившимися в результате Славной революции 1688 года, позволила Англии со временем стать, по выражению Роберта Даля, «полиархией»* — либеральной демократией под названием Соединенное Королевство. Успех Англии на пути к демократии был затем повторен большинством европейских стран в течение первых двух волн демократизации XIX и XX веков. В ходе третьей волны, начавшейся в 1974 году после падения португальской диктатуры, сообщество демократий пополнилось странами Азии, Африки и Латинской Америки, где демократия ранее была немыслима и теоретически невозможна.

Хотя существующая в нынешнем виде демократическая теория не способна дать точный ответ на вопрос «что порождает демократию», тезис о невозможности существования «демократии без демократов» стал аксиомой в политической науке. Отсутствие демократической политической культуры в таких обществах, как Азербайджан, Бахрейн или Китай, непосредственно связано с низким уровнем свобод и жестокостью режимов в подавлении инакомыслия. Несмотря на то что протесты в Бахрейне в ходе «арабской весны» сплотили вокруг себя гражданское общество, народные волнения были подавлены силами безопасности Саудовской Аравии. Само по себе гражданское общество не способно оказать силовое противодействие репрессивным режимам. Но оно может контролировать власть после перехода к демократии, способствуя укреплению демократических институтов и предотвращая возврат к авторитаризму**.

Насколько важным является существование гражданского общества и политической культуры для постсоветской демократии? Какие факторы позволяют России и другим странам сохранить демократию? После изучения российской внешней политики и международных отношений в стенах МГИМО я решил обратиться к этим вопросам в своей магистерской диссертации, над которой работаю в настоящее время в США. Меня волнует вопрос, какие политические и экономические институты необходимы для успешного перехода от авторитаризма к

* Под «полиархией» Роберт Даль имел в виду идеальную форму демократического устройства и высшую точку в политическом развитии каждого государства. В политической науке эквивалентом этого термина выступает «либеральная демократия», под которой имеется в виду форма правления, характеризующаяся полной или почти полной подотчетностью государства гражданам. См.: Dahl R. *Polyarchy: Opposition and Participation*. Yale University Press, 1971.

** Этот аргумент взят из работы Хуана Линца и Альфреда Степана о консолидации демократических режимов. Авторы считают, что помимо рыночной экономики и честных выборов, консолидированная демократия включает в себя гражданское, политическое и экономическое общества, эффективный бюрократический аппарат и верховенство права. См.: Linz J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. P. 7–15.

демократии в странах СНГ. В этом очерке я рассматриваю ряд факторов, мешающих движению нашей страны к демократии.

Во-первых, демократию как общественно-политическое устройство сложнее всего, на мой взгляд, построить в государствах с этноконфессиональными проблемами. Появившаяся в результате кризиса феодализма западная политическая модель nation-state (нации-государства) стала первым образцом демократии в современной истории. Однако эта модель не нашла применения в большинстве бывших европейских колоний после Первой и Второй мировых войн. Новые государства на политической карте мира родились авторитарными из-за невозможности прийти к национальному консенсусу путем демократической процедуры*. Так, находящаяся сегодня в состоянии гражданской войны Сирия была одной из тех стран, где власть с 1960-х годов до недавнего времени держалась на доминировании одной конфессиональной группы над суннитским большинством. К сожалению, Россия из-за ее этноконфессионального состава не предрасположена к демократии. Хотя во времена Ельцина региональные элиты были способны де-факто лоббировать свои интересы на национальном уровне, состязательный федерализм пал жертвой последующей внутренней политики. Но без реального федерализма, как и без политической свободы, Россия вряд ли сможет стать современным, успешным государством.

Как создать такую политическую систему, в которой национальные республики России могли бы на равных участвовать в демократическом процессе? В рядах оппозиции ответа на этот вопрос нет. Хотя очевидно, что именно оппозиция должна была бы приложить усилия для того, чтобы объединить региональных лидеров и избирателей в национальных республиках вокруг проекта свободной России. Тогда при наличии общенациональной гражданской культуры проблема сепаратизма утратила бы какую-либо значимость.

Наиболее сложно прививать демократическую культуру в беднейших регионах России из-за низких стандартов жизни населения; над повышением благосостояния наименее имущих граждан и искоренением расслоения должно работать государство. В своем трактате «О политической экономии» в XVIII веке Жан-Жак Руссо писал: «Самое большое зло уже совершилось, когда есть бедные, которых нужно защищать, и богатые, которых необходимо сдерживать... Вот почему одно из самых важных дел правительства: предупреждать чрезмерное неравенство состояний...»**. Неравенство опасно для любого общества, так как именно оно приводит к подмене общественной выгоды частной, к взаимной ненависти граждан, их безразличию к общественному благу. В неравенстве лежит корень социального конфликта.

* Исключением является Индия. На сегодняшний день не существует научного объяснения того, почему эта страна, невзирая на ее этноконфессиональные проблемы и не самое удачное геополитическое положение, остается демократией.

** Жан-Жак Руссо. *О политической экономии* // Трактаты. — М.: Наука, 1969. — С. 124–125.

Джузеппе Гуэрреши. Пророк № 4. 1969

Вторая неприятная истина касается вопроса о реформах снизу. Авторитарные режимы, будь то режим Пиночета в Чили или режим Ли Кван Ю в Сингапуре, не допускают вмешательства в свои дела со стороны оппозиционно настроенных граждан и несистемной оппозиции. Все силы авторитарного режима зачастую уходят на маргинализацию оппозиции, подавление гражданской активности и предотвращение мобилизации населения (т.н. *collective action*)*. Попытки граждан противостоять репрессивной машине авторитарного режима заканчивались трагически в большинстве случаев, как, например, в Южной Корее в 1980 году**. Смена политического режима в сегодняшней России, как и в любом авторитарном государстве, может начаться только сверху. Полагая, что демократическое устройство является конечной фазой общественного развития, а авторитарное — начальной, американские политологи О’Доннелл и Шмиттер в книге «Стадии выхода из авторитарного правления» подчеркивают: «Не существует политического перехода, начало которого не являлось бы следствием раскола между умеренными и консерваторами внутри самого авторитарного режима»***. После всплеска протестной активности в России в декабре 2011 года умеренные силы политического режима согласились на фиктивную либерализацию, пойдя на уступки, чтобы сбавить накал общественного недовольства. Однако после консолидации во власти консерваторов в лице Владимира Путина и его окружения режим начал «закручивать гайки», а умеренные члены режима были вытеснены на второй план. Между тем именно умеренное крыло режима способно начать либерализацию политической системы, а не «марши миллионов» или иные кампании против правящей партии.

Третья «неудобная правда», наиболее важная для демократии в России, обусловлена зависимостью российской экономики от ресурсной ренты.

Продолжающийся с брежневских времен экспорт углеводородов стал для страны «ресурсным проклятием»****. Ни одно государство мира,

* Коллективное действие — термин, используемый во многих общественных науках (социологии, антропологии и др.) для объяснения такого явления, как социальный протест. См.: Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. — Harvard: Harvard University Press, 1965.

** В 1980 году военная хунта в Южной Корее ввела войска в город Кванджу для подавления мирного протеста против прихода к власти нового диктатора Чон Ду Хвана. По неофициальным данным, тогда погибло до двух тысяч мирных демонстрантов, в основном студенты.

*** Гильермо О’Доннелл и Филиппе Шмиттер были одними из первых зарубежных политологов, кто подробно проанализировал влияние эндогенных фактов на демократизацию авторитарных режимов. См.: O’Donnell G., Schmitter P. *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

**** «Ресурсное проклятие» — политэкономический термин, используемый для объяснения неэффективности экономических и политических институтов в странах с крупными запасами природных ресурсов. В последние годы появилась научная литература о том, как вылечиться от «ресурсного проклятия». См., например: Humphreys M., Sachs J., Stiglitz J. *Escaping the Resource Curse*. — New York: Columbia University Press, 2007.

отмеченное подобным «проклятием», не смогло создать стабильный демократический режим, основанный на экстрактивных экономических институтах*. Все западные страны, обладающие запасами природных ресурсов, встали на путь демократического правления задолго до появления мирового рынка. А богатые ресурсами страны, включившиеся в мировые экономические процессы во второй половине XX века, с годами стали богаче и авторитарнее. Но конец авторитарных режимов — как, например, режима шаха Пехлеви в Иране, оказывался значительно страшнее, чем в странах без ресурсного капитала. Причина в ресурсной ренте, вокруг которой разгорается политическая борьба. Природные ресурсы и рента вкупе мешают России и другим государствам создать эффективную экономику, способную служить фундаментом для демократического политического устройства. Развитие политической ситуации в Ливии после свержения Муаммара Каддафи, возможно, дает некоторое представление о возможностях демократии в государстве, ориентированном на извлечение ренты.

Таким образом, перед Россией стоят три важные задачи: развитие федерализма, реформирование авторитарных институтов и переход к эффективной экономической модели. От решения именно этих вопросов будет зависеть будущее российской демократии. Но без граждан, способных контролировать власть и свободно голосовать, демократический режим продержится недолго. Поэтому цель гражданского общества — обсуждать эти проблемы, искать решения и изучать опыт других государств, сталкивавшихся с похожими трудностями на своем пути к демократии. Конечно, в России есть и другие проблемы, такие как бедность, низкие темпы прироста населения, коррупция, сложные отношения с внешним миром и нашими ближайшими соседями. Но наивно было бы полагать, что их можно преодолеть при отсутствии эффективных институтов и граждан, требующих их решения. Заставить власть создать такие институты, вернуть политическую свободу и соблюдать права каждого гражданина России — важнейшие задачи, стоящие перед гражданским обществом сегодня. Без нас, свободных граждан, демократия в России невозможна. Те же, кто готов и дальше жертвовать свободой ради безопасности, выражаясь словами Бенджамина Франклина, в конечном счете не получают ни того, ни другого.

* Экстрактивные экономические институты — такие институты, с помощью которых небольшая группа извлекает ренту за счет большинства. Этот термин взят из работы экономиста Дэрона Асемоглу и политолога Джеймса Робинсона. Подробнее см.: Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail: Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. — Boston: MIT Press, 2012.

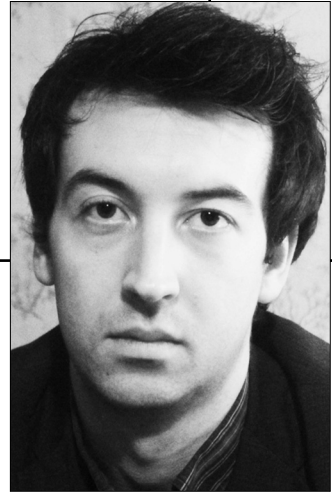
«Цифровая революция» как импульс демократии

С конца XX века началась эпоха Интернета и других современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые навсегда изменили формат получения и обмена информацией. В результате менее чем за 15 лет каждый пятый человек на земле получил доступ к Интернету, что не могло не повлиять в том числе и на развитие демократических процессов.

С появлением персональных компьютеров, в 1980–1990 годы, пользователи, имеющие доступ к глобальной Сети, стали выступать в качестве независимых медиа (блоги, Живой Журнал и т.д.). Это считалось революционным прорывом с технологической и социальной точек зрения. Последствия наступающей цифровой демократии часто характеризовались наблюдателями как «тотальная революция», касающаяся политики, и как технологическое решение проблемы доверия граждан к правительству, а также как инструмент регулирования институциональной системы.

Иначе говоря, в последние десятилетия мы стали свидетелями нескольких волн «цифровых революций»: в 1980-х — начало эпохи теледемократии. По утверждению экспертов, широкое распространение телевидения породило надежду, что благодаря телевизионным сетям граждане смогут быстрее ориентироваться в политике. Затем станет возможным преодоление барьеров (географического, социального и пр.) с целью реализации форм непосредственной демократии, без посредников, таких как партии, отдельные политики и пр.

В начале 1990-х появились новые перспективы — рождение онлайн-сообществ в Интернете. Ожидалось, что эти сообщества смогут полностью устранить разрыв между городом и деревней, наладив между ними постоянную социальную коммуникацию и взаимную социализацию.

*Филипп Корбат,
аспирант РГПУ
им. А.И. Герцена,
факультет
социальных наук*

Рубеж XX–XXI веков стал временем интернет-бума. Возможности «цифровой демократии» вышли на новый уровень. Основная идея — перспектива участия масс в политике и принятие решений через Интернет. При этом полагали, что в некоторых областях граждане могут наряду с институциональной политикой государства создавать независимое пространство политической реальности*. Вскоре произошел резкий рост социального участия и использования Интернета как средства для выработки политики (онлайн-петиции, блоги, гражданская журналистика и так далее)**.

Таким образом, «цифровая революция» привела к формированию информационного общества с новыми ценностями и возможностями, бросая вызов традиционной политической парадигме государственной власти и бюрократическому управлению. Великие научные открытия всегда ведут к технологическим революциям, которые глубоко влияют не только на экономику и культуру общества, но и на теорию и практику политического участия и управления. По аналогии с агропромышленной революцией цифровая революция положила начало структурным изменениям. Информационные технологии стали катализатором изменений в области организации труда, образования, социальной структуры и политики.

Всемирная сеть становится все более универсальным и эффективным средством коммуникации. Число интернет-пользователей в мире выросло с 10 млн в 1993 году до 870 млн в 2004-м

(14% населения земли), а в конце 2012 года было уже 2,3 млрд человек***. Количество абонентов мобильных телефонов в начале 2014 года составляло больше 7 млрд****. Но не только число пользователей росло быстрыми темпами, качество обмена информацией также постоянно совершенствуется и движется в сторону конвергенции различных ИКТ. Интеграция мультимедийных информационно-коммуникационных сетей постоянный процесс, что в конечном счете сказывается и на политическом процессе.

Последствия быстрого роста объема и качества политической информации, ее влияние на развитие демократических процессов мало предсказуемы. Их интернетификация зависит в большой степени от институтов, и общие закономерности взаимодействия информационно-коммуникационных технологий могут рассматриваться с этой точки зрения. Но очевидно, что сами по себе ИКТ являются лишь средством для достижения каких-либо целей, не обладающим априори ни демократическими, ни какими-либо другими свойствами. Сами по себе это нейтральные инструменты. Тем не менее постановка задачи, определенные институциональные рамочные условия могут способствовать использованию ИКТ для развития демократии, в том числе в рамках виртуальных групп обсуждения актуальных проблем общества. Граждане географически не ограничены, собираясь в виртуальные форумы, чтобы дискутировать на различные темы, выдвигать решения,

* Shapiro A. *The Control Revolution: How the Internet is Putting Individuals in Charge and Changing the World We Know*. — New York: Public Affairs, 2000. — P. 12.

** O'Reilly T. *What Is Web 2.0*. [Электронный ресурс] O'Reilly Media, Inc. <<http://www.oreillynet.com/pub/a/oreilly/tim/news/2005/09/30/what-is-web-20.html>>.

*** ИТАР-ТАСС [Электронный ресурс] Число пользователей Интернета достигло в мире 2,3 млрд человек <<http://www.itar-tass.com/c19/543062.html>>

**** Международный союз электросвязи <<http://tasstelecom.ru/news/one/17227>>

критиковать действия чиновников и т.д. Этот процесс влияет на эффективность общественного активизма.

Классическая западная модель демократии опирается на законы, процедуры, правила, обеспечивающие разделение властей: законодательной, исполнительной и судебной. Система сдержек и противовесов между ветвями власти помимо их взаимного контроля поддерживается также электоральным контролем граждан, средствами массовой информации, деятельностью гражданских акторов. Информированность участников этого процесса — неотъемлемое условие его эффективности, или, другими словами, качества демократии. Отсутствие информации, ее дозирование государством — это проблема, которую можно решать с помощью новых технологических возможностей. Интернет обеспечивает платформу для неформальных видов политической деятельности, которые трудно реализовать в отрезанном от информации мире.

Услуги, предоставляемые компьютерными сетями, например проведение электронных опросов, референдумов, открытых онлайн-дискуссий и т.д., способны максимально приблизить граждан к процессу принятия решений, то есть через дебаты, демонстрацию мнений, точек зрения, экспертизы реализовать совещательную форму демократии.

Объединение духа древних Афин (прямой демократии) с технологиями XXI века может дать необходимый импульс демократии. Идея свободного обсуждения массами актуальных тем в Сети

была воплощена в так называемой коммунитарной концепции Говарда Рейнгольда. В своей фундаментальной работе о виртуальном сообществе* Рейнгольд говорит, что виртуальные сообщества являются социальными агрегатами, которые серьезно влияют на общественные обсуждения. Политическое значение виртуальной Сети, по мнению автора, лежит в способности бросить вызов существующей политической иерархии монополий на мощные средства массовой коммуникации и, возможно, таким образом возродить прямую демократию. В виртуальной Сети граждане могут собраться вместе, дискутировать, обсуждать, советовать, координировать, собирать подписи и составить мнение, игнорируя географическое и временное пространство, что сейчас происходит во многих странах, в том числе и в России.

Участие в виртуальных сообществах может привести к формированию прямого волеизъявления демократическим путем как можно большего числа граждан, без необходимости представительского фильтра в виде парламента или других традиционных институтов. В виртуальных форумах обсуждения дебатов могут быть организованы синхронно или асинхронно. Участники консенсусной дискуссии могут гибко связывать аргументы, создавать перекрестные дискуссии, а затем переходить к групповому обсуждению, создавая одновременно итерационный и интерактивный процесс обмена мнениями с возможностью корректирования общей воли, которая станет приемлемой для всех.

* См.: Rheingold, Howard. *Virtual Reality*. — New York: Summit, 1991; Rheingold H. *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier* // Addison-Wesley, 1993.

Умиротворение без модернизации

Мария Липман,
главный редактор
журнала *Pro et Contra*,
Московский центр Карнеги

В 2013 году центр Карнеги издал книгу «Россия-2020»*. Такие тексты устаревают быстро. С другой стороны, я и мой коллега Николай Петров в процессе работы над книгой как ее составители и редакторы сосредоточились не на прогнозе, который невозможен, а скорее на анализе текущей ситуации, на выявлении актуальных тенденций в обществе и на предложении различных сценариев развития ситуации в России. Это сборник, в котором участвуют почти тридцать отечественных и зарубежных авторов, каждый из которых представил свое видение проблем в соответствии со своей научной специализацией. В нем есть и экономическая, и политическая части, часть, посвященная обществу, и так далее. Какие-то тенденции, мне кажется, мы обрисовали правильно. А в том, что касается конкретных сценариев, здесь сложнее, так как неожиданности случаются, о чем я и собираюсь рассказать.

Напомню вначале об одном эпизоде, который произошел в апреле 2013 года на радиостанции «Говорит Москва». Передача была посвящена российской истории, речь шла главным образом о советском прошлом. Ее участниками были доктор политических наук Сергей Черняховский и доктор исторических наук Владимир Лавров. Их дискуссия закончилась дракой в прямом смысле, хотя это уже не очень молодые люди, доктора наук.

* См.: Липман М., Петров Н. (ред.) *Россия-2020: Сценарии развития*. — М.: РОССПЭН, 2013. — 588 с. Книга представляет собой комплексный анализ перспектив развития страны на десять лет, выполненный международной командой исследователей. Среди рассматриваемых сюжетов: «Россия в мире», «Политэкономия и экономика», «Политическая система, партии», «Государство, политические элиты», «Федерализм, регионы», «Общественные процессы и гражданское общество». Каждый сюжет раскрывается двумя независимыми исследователями — отечественным и западным. — Прим. ред.

Они до такой степени не могли договориться об оценках советского прошлого, что прибегли к последнему аргументу. Пришлось вызвать полицию...

И еще один эпизод, который произошел в июле, когда один из депутатов Думы предложил отменить праздник 12 июня — день принятия Декларации о государственном суверенитете России (1994) — как начала российской государственности и заменить его каким-нибудь другим, более важным событием для истории России. Завязалась дискуссия. Другие депутаты Госдумы тоже считали, что праздник надуманный, надо его отменить, ввести какой-то другой. Были два предложения. Одно относится к IX веку*, другое — к X. Одно — основание российской государственности, другое — крещение Руси**. Возникали и другие предложения. То есть очевидны неразрешимые разногласия по поводу того, откуда собственно берет начало российское государство.

Но согласия нет не только по поводу ключевых событий далекой истории России, разногласия в обществе обостряются по самым разным вопросам российской и советской истории и действительности. Отсюда часто диаметральный подход к вопросу о создании единой концепции учебника истории — задаче, поставленной жестким приказом самого президента, и т.д.

Особенно в последний год государство, часто на самом высоком уровне, высказывалось по таким вопросам, по которым оно гораздо реже или вообще не высказывалось в последние два с лишним десятилетия. Например, о семейных ценностях, о литературе и искусстве, о религии, о Русской православной церкви, о содержании школьной программы и пр.

Почему это происходит? Как мы прожили период после развала Советского Союза? При Ельцине в обществе существовали очень глубокие и жесткие разногласия. Они проявляли себя в политике. Напомню, что тогда президенту Ельцину противостояла оппозиция, которая называлась непримиримой. Политическое противостояние привело к вооруженной борьбе оппозиционных сил в октябре 1993 года. Одновременно не прекращалась соответствующая этой борьбе идеологическая дискуссия, в частности по отношению к советскому прошлому.

Когда президентом стал Путин, он поставил себе задачу умиротворить общество, как-то умерить политические разногласия во имя стабильности. Задача в принципе конструктивная и легитимная — стабильность нужна, а жесткие политические разногласия вплоть до кровопролития, разумеется, этому препятствуют. Шаг за шагом была выстроена политическая монополия. Оппозиция, которая раньше называлась непримиримой, стала «системной». И эта смена терминов мне кажется чрезвы-

* Начало русской государственности датируется 862 годом, когда на правление в Новгород был приглашен варяг Рюрик с двумя своими братьями. — Прим. ред.

** Предположительно 988 год. — Прим. ред.

чайно важной. Она передает характер политической жизни в России. Путин довольно быстро помирился с коммунистами, что было бы совершенно немыслимо для Ельцина. А в сфере идеологическо-ценностной произошла последовательная маргинализация дискуссии. Не то чтобы она была запрещена, но идея власти была в том, чтобы снизить градус разногласий и дискуссий непримиримых оппонентов. А с другой стороны, политические аргументы оппозиции перестали восприниматься большинством населения, которое пережило опыт либеральных реформ.

Очень большой упор в связи с этим был сделан на единство нации. Не случайно правящая партия называется «Единая Россия». Не случайно праздник, который

*Согласия нет не только по поводу
ключевых событий далекой истории
России, разногласия в обществе
обостряются по самым разным вопросам
русской и советской истории и
действительности*

был введен именно в путинское правление, 4 ноября*, называется «Днем народного единства». А праздник революции 7 ноября 1917 года был вовсе отменен, несмотря на то что, согласно опросу Левада-Центра, 63% жителей России отмену не одобрили.

В самом начале президентства Путина достаточно механически были соединены флаг, герб и гимн из символов трех разных эпох, трех разных смыслов. Это была попытка опять-таки примирить разногласия, показать, что все атрибуты государственной символики имеют отношение к истории России.

В общем, этот проект оказался вполне успешным. Общество приняло в основном политику умиротворения. Но я хотела подчеркнуть, что это было именно умиротворение, а не основанный на дискуссии консенсус противоположных сторон. Собственно, никакого целостного представления о векторе России не было предложено.

Про советский период можно сказать, что тогда действительно была очень цельная, целостная концепция с абсолютно бесспорной датой начала государственности с момента Великой Октябрьской социалистической революции, с национальными героями, понятно, прежде всего Лениным. Этот национальный герой и после смерти остается все это время на Красной площади в Мавзолее. И была «единственно верная» идеологическая теория, из которой собственно выросло все: и государственность, и интерпретация искусства, и система государственных праздников, и история человечества, и методология науки. В общем, это был идеологический проект. Не хочу его оценивать, говорю лишь о том, что была полная ясность. Никакой двусмысленности в том, какой наш главный праздник и откуда начинается наше государство, в советском обществе не было.

* 4 ноября 1612 года народное ополчение Минина и Пожарского освободило Москву от польских интервентов.

Миммо Ротелла. Классика+модерн. 1962

А теперь посмотрим на другие страны, на страны посткоммунистические или постсоветские. Практически все бывшие республики Советского Союза начинают свою государственность и отмечают в качестве государственного праздника День независимости от СССР. Эта независимость датирована 1991 годом или очень близким к нему началом 1992-го, то есть связана с распадом СССР. Оттуда начинается их новая государственность, хотя история таджиков, например, или узбеков может насчитывать тысячелетия. То же самое можно говорить и о странах посткоммунистических.

В России же произошел колоссальный разрыв с прошлым, а ясности не образовалось. И если в странах постсоветского пространства день независимости ясно определен, то для России понятие независимости скорее ассоциируется с событиями, по поводу которых нация скорее скорбит, а президент считает распад СССР самой главной геополитической катастрофой. И 12 июня праздновать день принятия Декларации о госсуверенитете России как день независимости никак не получается. Это массовый когнитивный диссонанс, который не находит разрешения. А вот 4 ноября, объявленное главным государственным праздником, превратилось в позорную для России традицию «Русского марша». Произошло это потому, что государство не предложило ясной интерпретации того, что мы собственно празднуем, чье это единство, кого с кем, и почему именно эта дата так важна.

В новой России никаких новых героев не появилось. Они никогда не появляются в мирное время или вне экстремального напряжения сил государства. В рейтингах общественных опросов народ продолжает ставить на первые места Сталина. А те новые герои, имена которых были бы связаны с новой России, может быть, и есть, но опять-таки по их поводу никакой дискуссии в обществе не существует.

Остается неясность и в том, является ли Россия национальным государством, если нет Советского Союза. Де-факто она является многонациональным государством, но идеи российской нации пока так и не возникло.

То же касается, например, ориентации России в мире. Россия это Европа или Азия? Или она посередине? Эта неясность у нас существует по крайней мере с середины XIX века, но она не прояснена и сегодня. Сейчас власть склонна скорее к дрейфу на Восток, хотя еще недавно было движение к Западу.

Неясен и экономический выбор. По опросам общественного мнения, большинство наших сограждан считают плановую экономику лучше рыночной. Их чуть-чуть больше половины. Зато гораздо больше тех, которые говорят, что крупные средства производства, предприятия, должны принадлежать государству.

Как на это реагирует государство? Уклончиво. Оно играет на патерналистских чувствах, это удобно. Но оно тем не менее не отменяет рыночную экономику. Напротив, выгода от нее и от разворовывания бюджета достается прежде всего тем, кто находится у власти или близок к ней.

Тем временем общество становится более разнообразным: религиозные, этнические, культурные, материальные, региональные и прочие различия на протяжении двух десятилетий после конца жесткого коммунистического режима только углублялись.

И вот тут в конце 2011 года происходят массовые протесты. И именно здесь обозначился поворот в сторону другой идеологии. Государство, с мая 2012 года, ответило на эти протесты по двум направлениям. Одно — это применение силы, репрессии, это те уголовные дела, которые идут еще сегодня. Но есть и другая реакция. Это дискредитация той части общества, которая участвовала в митингах, натравливание более консервативной части общества на более модернизированную. Это обвинение вторых в аморальности, непатриотичности, подрыве традиционных ценностей, служении Западу и прочих разрушающих стабильность делах. Но уместно тогда разобраться в том, каковы правильные ценности, каковы сейчас главные опоры идеологии?

Более или менее отчетливо они характеризуются тремя смыслами. Это патриотизм советского образца, ключевым элементом которого является представление о непогрешимости государства и безусловной лояльности граждан. Это антизападничество и особенно антиамериканизм. И это социальный консерватизм, который хотя и был частью риторики властей, никогда так интенсивно, как в последнее время, не эксплуатировался.

Социальный консерватизм — это антитолерантность, неприятие всего чужого, нового и незнакомого. Это ценности антизападные, это представления о том, что Россия — осажденная крепость.

В советское время выработкой идеологии занимался ЦК КПСС — неотъемлемая часть, плоть от плоти всей системы. Сегодня в качестве опоры идеологии, по сути, используются ценности церкви, но, собственно, идеологом в определенном смысле может быть только сам Путин. Никто, даже патриарх, вся РПЦ не могут быть независимыми источниками ценностного авторитета в России, хотя здесь патриарх стоит в верхней части статусной пирамиды, занимает 8-е место в рейтинге наиболее влиятельных людей в стране.

Социальный консерватизм в России культивируется. Подобно тому как в советское время навязывался атеизм, теперь навязывается уважение, неременный и обязательный пиетет к Русской православной церкви. Даже принят закон, который санкционирует оскорбление чувств верующих.

Проблема состоит в том, что, погрузившись в идеологию, Кремль так и не прояснил многие вопросы, которые оставались проблемными, неясными. Никакой последовательной политики, риторики, некоего повествования о деятелях российской истории не возникло. Во всяком случае нет такого текста или такой системы образов, которые последовательно предлагались бы нации. Правда, Путин предложил Военно-историческому обществу поискать каких-то новых героев, подобно заданию создать учебник с непротиворечивой концепцией истории, написанный хорошим русским языком...

Не появилось ясности и относительно того, что же такое русская нация. В период, который предшествовал избранию Путина на новый президентский срок, он написал или произнес в виде речей целый набор текстов, в которых буквально заклинал сограждан против этнической неприязни. И это очень хорошо и правильно в многонациональной стране. Он говорил о том, что добиваться в России доминирования одной нации — это гибель страны, наша судьба в многонациональности. Причем отношения толерантности, в том числе национальной, придется строить на совершенно иных, чем прежде и ныне, идеологических императивах. Надо понимать, что так называемая дружба народов в советские времена, которая позволяла сохранять целостность государства, была построена на страхе, массовой материальной поддержке.

В перспективе российское общество будет вынуждено заниматься философией развития государства, той же идеологией, которая вообще отрицалась с начала 90-х годов. По-видимому, будет отходить в прошлое и стираться из памяти советское наследие. Будет постепенно оставаться все меньше людей в сфере государственного управления, которые формировались в советскую эпоху. Несомненно, будут проблемы и в поддержке патерналистского сознания, в частности потому, что у государства может не хватать материальных ресурсов для выполнения в полном объеме социальных программ. Будет, несомненно, нарастать разнообразие — региональное, культурное, этническое, религиозное и всякое другое. Никуда не денется в России урбанизация, движение населения в крупные города, с востока на запад. И это тоже, конечно, будет приводить к тому, что постепенно будет трансформироваться сфера нравов и поведения той части населения, роль которого в общественных делах станет более существенной. Здесь, возможно, будут появляться новые лидеры.

При этом надо признать, что если мы предполагаем более существенную роль общества в сфере идей, нравственных императивов, норм поведения, ценностей, то, глядя из сегодняшнего дня, на мой взгляд, идеи либерализма будут занимать скромную роль. К сожалению, больше шансов освоения массовым сознанием идеи традиционалистской морали, национализма, как государственного, так и, что более опасно, национализма этнического.

*Аркадий Островский,
глава московского бюро
журнала Economist*

Власть слова

Возможно ли с помощью речи, слов, без применения жесткой силы так манипулировать сознанием масс, навязывать взгляды, мнения, решения, чтобы оказывать нужное действие на общество, формировать благоприятный власти политический дискурс или наоборот? Попробуем это понять исходя из некоторых примеров давней истории СССР, событий накануне и после его распада.

Семь десятилетий Советский Союз держался на двух столпах. Первый — насилие, которое осуществлялось в разные периоды с разной интенсивностью. Пик репрессий приходится на сталинский период советской истории. Второй опорой режима, не менее важной, была идеология. Инструментами воздействия на сознание людей были средства массовой информации, которые тогда назывались средствами пропаганды и агитации. В этом смысле советская власть ничего не скрывала.

Массовые репрессии, в сущности, заканчиваются со смертью И.В. Сталина не только по причине его физической смерти, но и по причине внутриэлитного понимания, что так продолжаться больше не может, потому что такой способ решения проблем подвергает угрозе жизни самих членов верхушки, реальных участников политического процесса. Поэтому, в сущности, начиная с 1953 года заключается негласный пакт среди советской элиты, чтобы больше насилие не использовалось в качестве средства решения политических внутриноменклатурных вопросов. Это важно. Этот консенсус сохраняется до сих пор.

В 1957 году, когда политическая группа в Кремле (все они соратники Сталина, включая Хрущева), возглавляемая Молотовым, пытается свергнуть Хрущева, он отправляет этих людей в отставку. Их ссылают, отправляют послами, на пенсию, но не расстрели-

вают. Спустя семь лет и сам Хрущев при отставке остался жив.

Этот своеобразный пакт продолжал действовать в том числе и после путча 1991 года, когда кроме тех, кто покончил жизнь самоубийством, никто не был расстрелян или посажен на долгий срок, включая председателя КГБ Крючкова. Этот пакт был соблюден и в 1993 году, после второй попытки путча, совершенной Хасбулатовым и Руцким, когда ни тот ни другой не получили длительных сроков и вскоре вышли на свободу. И вот он продолжается до сегодняшнего дня и является залогом относительной вегитарианскости власти.

Но угроза репрессий сохранялась в «генетической» памяти страны и поддерживала стабильность.

Вторым фактором, который поддерживал систему, была идеология, во всех формах — печатное слово, зрительные образы, культура вообще. Причем печатному слову принадлежало особое место, потому что большевизм в каком-то смысле был культовым религиозным учением со своими печатными источниками. Шли баталии из-за интерпретации слов Ленина, точно так же как в религии они ведутся по интерпретации Библии, Корана или Торы. То, что Горбачев начинает свою перестройку с печатных СМИ, выбирает для этого несколько изданий, это абсолютно в логике власти, хотя Горбачеву и вообще этой эпохе очень часто предъявляют претензии в смысле выбора способа реформации. Он, мол, пришел реформировать большевистскую церковь, а не уничтожить ее, установить прямую связь с идеями ленинизма, а не сокрушить идеи. Главная претензия заключается в том, что он начал перестройку со СМИ, с гласности, вместо того, чтобы начинать ее с экономики. Было бы, мол, гораздо разумнее сначала реформиро-

вать экономику, а потом уже приступить к настройке политической системы, к идеологии.

Мне кажется, что эта претензия абсолютно не обоснованна. Потому что надо понимать, что экономикой управляла невероятно мощная и влиятельная группа людей, которые Горбачеву не дали бы с места двинуться, если бы он начал, например, с рыночных реформ. Его бы просто уничтожили до того, как он успел бы что-либо сказать. А поскольку речь шла именно о реформации политической, то все поддерживали, поскольку никто не понимал в тот момент, что это затронет личные финансовые и экономические интересы элит, обеспеченные не денежными знаками, которые не имели в Советском Союзе практически никакого значения, по крайней мере в верхней части номенклатурной пирамиды. Деньги в лучшем случае были отражением статуса человека, а не средством поощрения. А главным были пайки в разных формах, служебные льготы, в условиях дефицита это было, конечно, важнее, поскольку на деньги все равно нельзя было ничего купить. Хотя в азиатских республиках, в Грузии, Армении, Азербайджане, где были квазирыночные условия и деньги имели гораздо большее обращение, за деньги можно было гораздо больше купить, чем в других регионах.

Поэтому Горбачев начал с того, с чего было возможно начать. Политика — это действительно пространство возможного. Другое дело, что ни он, ни те, кто дал ему такую возможность (включая КГБ), за исключением, может быть, совсем немногих уникальных для того периода истории людей (включая Александра Николаевича Яковлева), не понимали, чем дело кончится. А кончилось оно тем, чем и должно было кончиться. Если репрес-

сивный столп ослаблен, а в этот момент ослабляется вторая опора (ложь, идеология), то конструкция неминуемо начинает сыпаться. Что в скором времени и произошло.

Почему то, что происходит в конце 80-х годов, в общем, оказывается более или менее бескровным? В 1988 — начале 1989 года часть номенклатуры, которая занималась партийно-хозяйственной деятельностью, получает очень мощный сигнал. Именно из печатных СМИ. Коммунистическая партия больше не собирается централизовать все ресурсы у себя, она занимается странной деятельностью по децентрализации и дает определенную автономию, чего раньше с ней не случалось. Выходит несколько указов, в частности Указ о предприятии. Это был невероятно важный документ, потому что он, в сущности, давал заводам и фабрикам определенную свободу действий в реализации произведенных продуктов, в планировании. Все это рассматривалось как некая демократизация с политической точки зрения. А с точки зрения людей на местах, директоров этих предприятий, это был сигнал к тому, что можно частью этой собственности, которая считается общественной (но только считается), распоряжаться как частной.

И в 1988—1989 годах начинается очень важный, с одной стороны, и отвратительный и страшно опасный с точки зрения экономики процесс, когда возникает стихийная приватизация, которая продолжалась приблизительно 2—2,5 лет, вплоть до прихода правительства Егора Гайдара. Когда красные директора и все те, кто были идеологами, в том числе коммунистического режима, в том числе начальник Гостелерадио Леонид Кравченко, начинают без всякого закона о приватизации, без всяких ваучеров и прочего растаскивать собственность. Они делают это

через кооперативы, через фирмы, через трейдеров. Об этом не любят говорить, но, вообще говоря, главный этап разворовывания государственной собственности происходит задолго до конца Советского Союза. И к 1991 году он идет уже просто полным ходом. Поэтому приватизация 1992 года, которую разрабатывал Чубайс, была направлена во многом не на то, чтобы все распродать, а чтобы ввести этот процесс хоть в какие-то рамки, чтобы государство от этого действительно что-то получало. Этот процесс происходит. Понятно, что идет разворовывание. С другой стороны, это обеспечивает достаточно бескровную смену режима и поддержку перестройки и последних ее этапов, в том числе поддержку Ельцина со стороны партийно-хозяйственной номенклатуры. Потому что она видит в Ельцине гаранта того, что она сохранит контроль над собственностью. И это очень важно.

Еще раз подчеркиваю, что проводником всего этого, рупором повестки дня были печатные СМИ. Ключевая роль принадлежала, кто помнит, газете «Московские новости» и журналу «Огонек».

На первых этапах реформирования лидировали люди поколения Горбачева, родившиеся в 1929—1931 годах «великого перелома». Это люди искренних коммунистических взглядов. И, может быть, самое главное, что это были люди из семей отцов-основателей большевизма, их отцы были соратниками Ленина, в большой степени пострадавшими от сталинских репрессий. И эти люди поклялись, так сказать, на крови отомстить и вернуть идеи большевиков к их основам. Они во многом были «советской аристократией», так называемой номенклатурой, которые во многом управляли в ту

перестроечную пору процессами реформирования в стране.

Этот процесс привел к тому, что в августе 1991 года случился путч. К слову, в дни августовского путча произошла очень важная смена — не только политическая, но и поколенческая. Бу-квально за несколько месяцев сменилось поколение людей, которые пришли к рычагам и власти, и средств массовой информации. На смену отцам пришли их дети 1955—1957 годов рождения, люди следующего поколения. Ярким примером был

переход роли главной газеты, которая была главным перестроечным изданием «Московские новости» к сыну Егора Яковлева Владимиру Яковлеву, главному редактору возникшей в 1990 году газеты «Коммерсантъ».

О газете «Коммерсантъ» я хотел бы дальше поговорить ввиду ее особой судьбы и роли. Она появилась в момент, когда еще никаких коммерсантов, никакого капитализма в России всерьез не существует. Но это та самая газета, которая задает во многом правила, по которым этот капитализм и будет существовать в России в следующие 15—20 лет. Это газета, которая изначально планировалась как моделирующая экономическое и социально-политическое пространство.

Называя свою газету «Коммерсантъ», Владимир Яковлев и те, кто начинал вместе с ним, апеллировали к историческому прошлому. Была такая газета «Коммерсантъ» в 1910-х годы XX века. Газета была довольно слабая, но суть не в этом. Суть в том, что они апеллировали к какому-то моменту в русской истории, который был до 1917 года. Газета издавалась, что и было заявлено в шапке, с 1909 года, не выходит с 1917

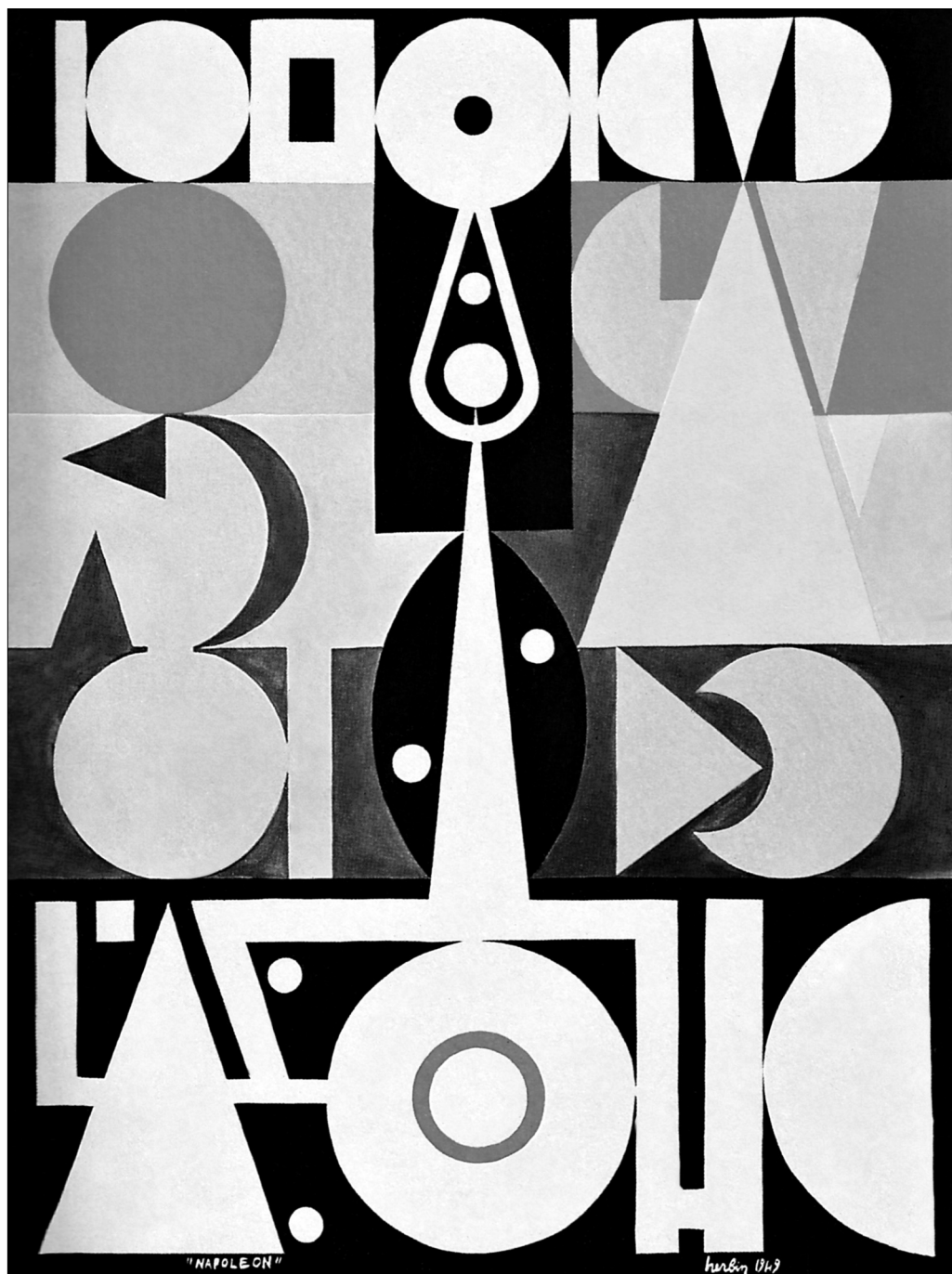
по 1990-й по причинам, не зависящим от редакции. В этом предупреждении был глубокий смысл. Была апелляция к какому-то мифическому времени. Был заявлен 1909 год, хотя тогда было модно ссылаться на 1913 год, год до Первой мировой войны, как на некое

*Горбачев начал с того, с чего было
возможно начать. Другое дело, что ни он,
ни те, кто дал ему такую возможность
(включая КГБ), не понимали, чем дело
кончится*

золотое время (и во многом это было действительно так) для русского капитализма. Газета не выходила с 1917 по 1990 год, и поэтому эти годы мы заключаем в квадратные скобки, изымаем их из нашего опыта. Потому что не имели к нему отношения.

«Коммерсантъ» начинает выстраивать очень красивую историю про то, какой должна быть нормальная жизнь. Слово «нормальная» становится главенствующим, потому что идеология отменяется. Любая идеология не нужна. Еще не очень понятно, что нужно, но уже понятно, что не нужно. Не нужна публицистика, не нужен пафос, не нужна позиция, не нужна правда. То есть все то, что нужно произносить с тремя восклицательными знаками. Всего этого не нужно, в том числе про нравственность, про высокие идеалы.

Что же нужно? Нужна настоящая деловая газета, которая будет давать только сухие факты. В которой не будет пафоса. «Коммерсантъ» первым вводит стебную интонацию, как некую реакцию на патетизм своих отцов. По заголовкам, собственно, газету и узнают. Был, например, заголовок: «Моссовет велел мясу дешеветь. Мясо не хочет». О чем

Огюст Эрбен. Наполеон. 1949

это? Есть некий Моссовет, есть какие-то коммунисты, которые думают, что они чего-то там решают, и вот они решили, что мясу положено дешеветь.

Это один мир. А есть второй мир, в котором есть кооперативы, в котором есть «Коммерсантъ», новая зарождающаяся буржуазия. И вот мясо не желает

подчиняться приказам. То есть это два разделенных между собой мира.

А что есть во втором мире, что, собственно, «Коммерсантъ» говорит? Есть спокойная интонация, есть наш замечательный колумнист Максим Соколов, который изъясняется слогом несколько витиеватым, но таким доброжелательным, словно это позиция человека, который заснул в 1909 году, а в 1990-м проснулся. Это такой русский интеллект, который вообще не очень понимает, что тут за это время произошло. И пытается своим слогом описать новую для него странную реальность. Отчего, конечно, возникали и юмор, и ирония. Но в этом и была игра, что мы описываем жизнь такой, какой, нам кажется, она должна быть. И мы не просто ее описываем, мы ее организуем. В этом парадокс ситуации: отвергая все, что делали их отцы, в сущности, они повторяли тот же самый опыт. Потому что их газета становится абсолютным организатором коллективного сознания.

В жизни, которую описывает и структурирует «Коммерсантъ», есть встречи, презентации, есть продажи, есть лизинг и клиринг. Еще никто таких слов не знает! Какой лизинг, какой клиринг? Вспомните, что происходит в стране в 1991 году. Даже в момент либерализации цен и либерализации торговли в 1992 году. Россия находится на грани голода и гражданской войны, как мы узнаем очень скоро, в 1993-м, до какой степени она на этой грани. Потому что, конечно, то, что начнется в октябре 1993 года, будет двумя неделями гражданского противостояния, гражданской войны.

Но «Коммерсантъ» этого не описывает. Он описывает совершенно другую, прекрасную жизнь, какой она должна быть. Это история про русский капитализм. И, конечно, главное место от-

водится самому коммерсанту, которому нужно читать газету утром за завтраком, поедая яичницу с беконом или горячие круассаны с джемом под ароматный кофе. Они там чего-то решают, спорят, какие-то Верховный Совет, правительство, а мы тут делом занимаемся.

Я не хотел бы, чтобы это выглядело обличением, потому что описываю в данном случае, а не обвиняю. В этом, конечно, была огромная позитивная роль в том смысле, что устанавливался приоритет частного и деятельного над государственным. В этом заключался тренд 90-х годов и его отличие от того, что начинается с 2000-х. Тренд 2000-х — это подавление частной инициативы государством.

Единственная проблема, как я сказал, со всем этим способом описания реальности заключается только в одном: этой реальности нет. Потому что жизнь на улице совсем другая. Какая? Я думаю, многие помнят и знают. Жизнь довольно бедная. Никаких, конечно, банков постоянных нет. Никакого государства нет. Все на белую нитку сшито и так далее.

Что еще очень важно понять? Что отвергает «Коммерсантъ» и что он утверждает? Он берет на себя ответственность и роль устроителя русского капитализма. Что отменяется и что не входит в этот капитализм? Здесь нет места понятию честности, сюда не входят правила, конкуренция, доверие, нравственность. Эти понятия устранены как устаревшие. Устранены слова, поскольку они идеологически окрашены и дискредитированы.

Сама газета «Коммерсантъ», которая утверждает этот образ буржуазности, возникает совсем не так, как положено возникать настоящей капиталистической газете. Она возникает из кооператива. Кооператив называется «Факт».

Его основал Владимир Яковлев вместе с Глебом Павловским. Начинают с того, что распространяют информацию о кооперативах. Информацию добыть в Советском Союзе тяжело. Они на этом начинают делать какие-то деньги и очень быстро понимают, что особо много заработать не получается. Пробуют продавать пакеты документов для регистрации кооперативов. Потом приходят к совсем простым вещам, которыми тогда занимаются все, — к продаже компьютеров. Собственно, основные первые деньги делаются на продаже компьютеров. Дальше возникает идея создания газеты и информагентства, которое будет называться «Постфактум». Для этого нужны большие подъемные деньги и нужна совсем другая техника. Это 1990 год. Советский Союз находится под эмбарго США, который запрещает распространение любой компьютерной техники в Советский Союз, потому что он является врагом в холодной войне. То есть холодная война закончилась, но постановление правительства осталось. Поэтому просто так купить компьютер нельзя, это надо пробивать. А Москва в этот момент просто наводнена западными бизнесменами, капиталистами, среди которых много американцев. Они понимают, что все тут рушится, что вот-вот откроется какой-то гигантский рынок, просто второй Китай и что тут нужно немедленно что-то делать, просто присутствовать. Многие из них привыкли иметь дело с советскими организациями, Внешторгом. Но вдруг почему-то их партнеры начинают опаздывать на встречи, не приходять, вообще заняты совершенно другим. Они заняты своей приватизацией. И эти бизнесмены, приезжая в Советский Союз, не понимая, с кем здесь теперь нужно встречаться, как и о чем договариваться,

видят перед собой возникающих сотрудников кооператива «Факт», в том числе Владимира Яковлева, которые говорят: «Вот мы и есть те, с кем надо договариваться теперь. Мы и есть посредники». И начинают играть посредническую роль между западными американскими деньгами и советскими производителями или покупателями чего бы то ни было.

Дальше начинается еще более интригующая история про то, как американский бизнесмен по имени Томас Битнер, крупный торговец зерном и не только, знакомится с Владимиром Яковлевым, узнает о его решении создать информационную империю, дает на это по тем временам просто гигантские деньги, кажется, полмиллиона долларов. В обмен на это, как ни странно это сейчас звучит, «Коммерсантъ» будет переводиться на английский язык, и все права на его распространение будут у этого бизнесмена.

Кончается это все очень быстро, так же как большинство такого рода сделок тогда в России. Деньги «Коммерсантъ» получает, закупает компьютеры, а кооператив «Факт» переименовывается в акционерное общество «Факт» и американский бизнесмен остается ни с чем.

А потом по второму кругу этот же продукт продают французской компании, занимают деньги у крупного отечественного деятеля Александра Смоленского, который начинал с того, что подпольно печатал Библию и получил за это срок в советское время...

Я к чему это все рассказываю? Все это не кажется тогда ни постыдным, ни неправильным. Просто так это работало. Никаких правил не было и не должно быть. Каждый делал то, что ему позволяла хватка, быстрота реакции. Кто ухватил, тот и прав.

На этом контрасте между словом и делом и на этих принципах основыва-

ется капитализм в России, и это один из самых драматичных сюжетов современной русской истории...

Я не говорю об институтах, таких как независимый суд. Потому что независимый суд создать в одночасье нельзя. Нельзя подписать указ, что в России будет независимый суд, потому что его не будет посредством этого указа. Нельзя этого постановить. Можно только сделать так, что общество и его элита примет такой суд как абсолютную необходимость. То есть только через восприятие того, что это должно быть... Что такое институт? Институт это же не здание построить! Университет — это не здание, а люди, которые его наполняют. Точно так же и институт — это не указ, это восприятие. Правила не устанавливаются не потому, что кто-то вовремя не подписал указ, а потому что нет внутреннего ощущения, что без этих правил невозможен капитализм вообще, именно поэтому не возникают институты. А не потому, что кто-то кому-то взятку принес.

Так вот, правила как условия существования капитализма в России начинаются с идеологием, со слова, с установок. Идеология, которую отмечают, конечно же, играет огромную роль. Вдруг выясняется, что без идеологии и без ограничений ничего сделать нельзя. Потому что когда нет идеологии и внутренних, нравственных прежде всего, ограничений, если отменяются понятия, а не только слова, то тогда, в сущности, можно все, и тогда происходит то, что мы и наблюдаем в последнее время в России. А именно соединение отсутствия этих правил, установок и институтов с абсолютной властью денег. Деньги возводятся теперь в абсолютную категорию, становятся главной и единственной идеологией.

То, что мы имеем, не является результатом какой-то контрреволюции, которая случилась в России непонятно когда. А является закономерным (слово, которое очень любит «Коммерсантъ») состоянием транзита на определенном его этапе. «Коммерсантъ» вообще был очень оптимистичной газетой вначале и утверждал, что мир прекрасен, потому что он закономерен. В этом плане вообще печатное слово и смыслы имеют огромное значение. Отметая слова, смыслы, мы сметаем, конечно, огромные ограничения.

Так вот, мне кажется, что важнейший поворот последнего времени заключается именно в том, что постепенно приходит понимание того, что без этих ограничений, без возникновения какой-то новой идеологии невозможно ничего построить и куда-то двигаться. Что все упирается не в конкретных политиков и даже не в наличие или отсутствие формальных институтов (в Советском Союзе тоже была конституция), а в самоограничения и в то, что присутствует внутри нас или не присутствует. И это «внутри» должно, конечно, соответствовать личным интересам. Потому что когда ты понимаешь, что без этого ни тебе лично нормально не будет, ни детям твоим нормально не будет здесь, ни имущество свое ты здесь не сохранишь... Потому что никакая полиция не сможет сохранить твою частную собственность, если нет консенсуса в обществе, что она неприкасаемая. Вот без всего этого, без выработки идеологической этих постулатов, мне кажется, ничего сделать нельзя. И понимание этого приходит сейчас. Это поздно, но лучше поздно, чем никогда.

31 октября верующие-протестанты отмечают День Реформации. Почти 500 лет прошло со времени событий в Германии, которые изменили жизнь для значительной части христианской церкви на Западе, серьезно повлияв и на ее восточную часть. Носили ли эти события исключительно религиозный характер? Даже при беглом анализе становится понятно, что нет. Реформация была сложным явлением, которое включало в себя и политическую, и социально-экономическую трансформацию общества. Очевидно, что Европа вышла из Реформации с принципиально новым институциональным устройством государственной и общественной жизни. Что лежало в основе реформационного движения, и к чему в конечном итоге оно привело.

*Игорь Князев,
кандидат исторических наук,
епископ Евангелической
Лютеранской церкви
Аугсбургского исповедания
(Россия)*

Реформы, изменившие мир

К моменту, когда монах-августинец Мартин Лютер вывесил свои знаменитые тезисы на двери замковой церкви в Виттенберге, Германия представляла собой раздробленную страну, где полновластными хозяевами себя чувствовали лишь римский понтифик и его представители. Религиозная жизнь простого народа была довольно скудной. В ней не было опыта постижения Евангелия, проникновения в веру, зато было огромное количество «святынь», которым нужно было поклоняться за довольно большие деньги (как говорил Лютер, если собрать по церквям страны гвозди, которыми распинали Христа, то их хватит, чтобы подковать всех лошадей в Германии). Церковные службы, да и все прочие обряды, связанные с Церковью, проводились на непонятном большинству людей языке (латыни). Обязательства христианина того времени включали в себя покупку индульгенций в как можно большем количестве и полную покорность служителям Церкви. Монастыри и приходы того времени — источник получения доходов. Церковные должности покупаются и продаются. Масса епархий никогда в жизни не видела своих епископов. Предприимчивые люди берут кредит у банкиров, покупают епископский палий* и затем «отбивают» понесенные издержки и извлекают прибыль за счет введения новых церковных сборов и налогов. Католическая церковь того времени — это

* Атрибут облачения епископа в виде длинного плаща без рукавов. — Прим. ред.

самый крупный феодал, сосредоточивший в своих руках огромную власть.

Что касается сферы экономических и общественных отношений, то здесь нужно отметить главное: Европа того времени — это конгломерация государств с «подвижными», часто меняющимися границами, единой, связанной семейными узами аристократией и примерно одинаковым уровнем жизни. Экономика того времени — архаичная, аграрная, где вся прибавочная стоимость создается в сфере производства продуктов питания и ремесленном производстве, его обслуживающем. Германия при этом находилась в худшем положении по сравнению с соседями. Здесь не было сплоченной элиты, готовой бороться за самостоятельность и выход из-под власти Рима. Поэтому германские княжества служили главным источником доходов папского двора и именно отсюда он выкачивал средства для реализации своих амбициозных проектов.

В это время уже ощутимо набирают силу политические процессы, отражавшие амбиции разбогатевших горожан и ремесленников, которые сумели заработать капитал, но не имели возможностей получить представительство во власти и элите. Родовая аристократия также не удовлетворена своим положением. Растут запросы потребления, хочется еще большей роскоши, но старая экономика и косная система, исчерпавшая ресурс развития, не могут эти запросы удовлетворять. Наступает эпоха великих географических открытий, процесс экспансии совпадает по времени с началом строительства национальных государств в том виде, какими мы привыкли их видеть.

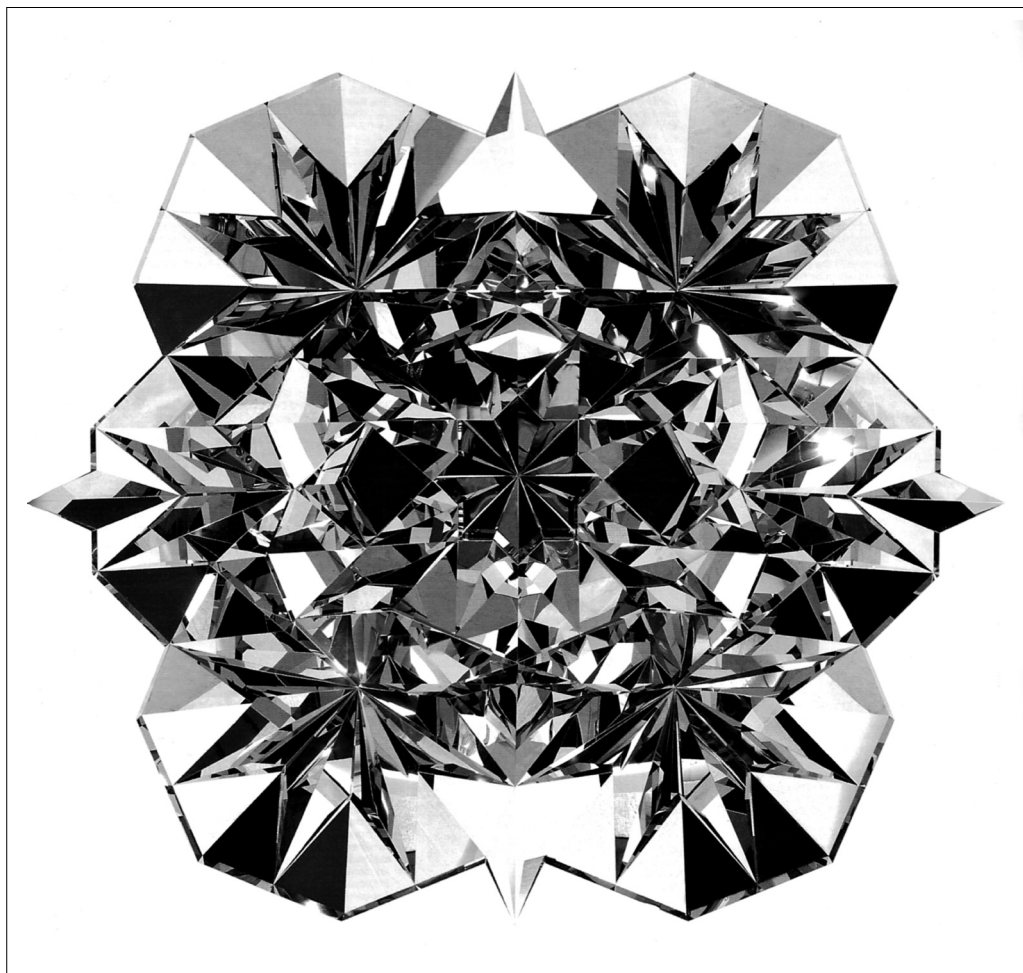
Очевидно, что процесс развития общества, общественный прогресс, остановить нельзя. Его можно на какое-то время затормозить, но, повторяю, не остановить. Авторитарные и тоталитарные модели успешны лишь на коротких исторических отрезках, на длинных дистанциях они заведомо проигрышны (причем чем дольше процесс авторитарного правления, тем тяжелее выход из него и тем выше издержки трансформации). К времени выступления М. Лютера мы видим, как огромное напряжение, сформированное в религиозной, политической, общественной, экономической сферах, достигает одной из своих высших точек.

Лютер не был первым реформатором, но он стал успешным реформатором. Почему? Потому что его выступление и реформы пришлось на самый благоприятный для этого исторический момент. Момент, когда ни «верхи», ни «низы» не устраивало существующее положение и все в напряжении ожидали какого-то повода, который послужит спусковым механизмом давно ожидаемых изменений.

Коротко ситуацию перед Реформацией можно описать так.

1. Церковь — государственная, государство — церковное

Существующая форма правления — соединение светской и духовной властей в одном лице (Рим).

Тимо Нассери. Эпистофа МТ 1. 2009

2. Государство либо небесное, либо земное

Дуализм светского и духовного для обычного человека (мирянин не может реализовываться в двух этих сферах — или ты монах и служишь Богу, или ремесленник и служишь мирскому). Отношения человека с Богом — опосредованные. Простой человек не может получить спасения вне Церкви. Посредник между человеком и Богом — священник. Для спасения недостаточно только веры, нужны жертвы, подчинение иерархам, поклонение святым предметам (причем это не гарантии спасения, а лишь условия, дающие шанс на него).

3. Общий упадок духовных и светских институтов

В Церкви, ставшей частью феодальных отношений, тотальная коррупция, продажа и покупка таинств, церковных должностей и званий.

4. Тирану нужно покоряться

Социальные институты воспринимаются как данность, не подлежащая изменениям.

5. Кем родился, тем и умрешь

Сообщества представляют собой объединения по кастовому типу, полностью отсутствуют социальные лифты.

6. Свободны только князь в замке и прелат в монастыре

Замки и монастыри — обособленные и хорошо укрепленные места жизни власти, духовенства, аристократии — как единого целого. Феодалная зависимость не дает развиваться городам, крестьяне «привязаны» к феодалу и к земле.

7. Работа — позор!

Отношение к труду как к занятию второсортных христиан. И духовная, и светская аристократия, следуя традициям римских патрициев, считала, что работа — это удел социальных и духовных низов. Достойны лишь служба у государя или феодала да хорошо оплачиваемое посредничество между сильными мира сего.

8. Авантюрный капитализм

Капитал приобретается любыми средствами, и его приобретение и накопление рассматриваются как необходимое условие для роскошной жизни и получения удовольствий. Никому нет дела до того, кто и каким путем заработал деньги.

9. Человек и природа — не объект для изучения

Область научных исследований ограничена (человек создан Богом и изучать его нельзя, как и большую часть мира; творения Божия надо просто принимать).

10. Власть централизована, сосредоточена в руках одного человека и его окружения

Все собираемые в виде налогов деньги уходят в «центр», который, по сути, просто «выкачивает» ресурсы с подконтрольных территорий. Община верующих существует номинально, центр церковной жизни — церковная администрация. Верующий в церкви исполняет роль статиста — плательщика сборов, зачастую не имея представления даже об основах подлинной христианской веры.

Таким предстает общество традиции и догмы, основа стабильности которого — принятие догм и соблюдение традиций.

И вот, наступает 31 октября 1517 года. М. Лютер прибывает к церковной двери свои тезисы, которые разносятся по всей Германии. Это так давно ожидаемое всеми событие, что спор двух монахов о практике продажи индульгенций (спор Лютера и присланного из Рима для продажи индульгенций И. Тетцеля) в считанные дни превращается в событие национального масштаба.

Не буду останавливаться на общем ходе реформационных процессов. Заинтересованный читатель найдет по этому поводу массу источников. Итак, к укоренению каких идей и созданию каких институтов приводит Реформация? Какой стала Европа после реформ? Какую модель общественного устройства европейские переселенцы — протестанты принесли в Новый Свет?

1. Труд — дело чести

Труд становится объектом восхваления. Отныне он воспринимается как естественный ответ на милость Божию, как благодарность Богу, как прославление Творца. М. Лютер: «Весь мир можно заполнить служением Богу, не только церкви, но и дома, кухни, погреба, мастерские, поля».

2. Власть теряет сакральность и становится светской

Упраздняется власть Рима, больше нет единой светско-духовной власти. Власть начинает спускаться на уровень местных сообществ. Принимается правило, по которому церковь управляет только в сфере духовных вопросов.

3. Все равны перед Богом

Провозглашается принцип священства верующих. Все равны перед Богом. Каждый не только может, а обязан изучать Библию, быть священником в семье, сообществе. Отныне человек может быть ремесленником, крестьянином, и быть христианином «первого сорта». Ремесленник и князь равны перед Богом, занятие высоких должностей и священнического звания не дает больше прав на спасение, а лишь налагает больше обязанностей. Богослужение проводится на национальном языке, люди побуждаются к самостоятельному изучению Священного Писания, духовной литературы. Между человеком и Богом нет посредников. Теперь служитель Церкви, пастор или епископ — это «сервисный» человек. Его выдвигает на служение община. Отныне он не представитель могущественного монарха и первосвященника — римского папы, а человек, поставленный для служения общине. Конечно, есть порядок и обряд его поставления, но он такой же, как все, и все такие же, как он. Пастор и епископ избираются на служение верующими и ими же смещаются, если служат плохо. Грандиозный поворот. Служитель подотчетен общине и отвечает перед ней не только за свое служение, но и за образ жизни, который ведет. И, самое важное, теперь прямые отношения с Богом у каждого верующего, который читает и изучает Библию и наставляет в вере своих детей. Для спасения достаточно веры. Человек не может купить свое спасение ни деньгами, ни связями. Спасаются все, кто верит в Бога.

4. Лишите нас свободы собраний, и вы лишите нас Евангелия

Упразднение монархического принципа церковного устройства и принятие положения о священстве всех верующих вызывает к жизни демократическое устройство и институтов власти в том числе. Механизмом формирования власти становятся выборы. Выборы базируются на принципе свободы. Джон Нокс*: «Лишите нас свободы собраний, и вы лишите нас Евангелия».

5. Тирану нужно противостоять

Социальные институты становятся инструментом общества, правитель, превысивший свои полномочия, перестает быть правителем (тирану нужно противостоять).

* Нокс, Джон (1513–1572), крупнейший шотландский религиозный реформатор, заложивший основы пресвитерианской церкви. — Прим. ред.

6. Появляются социальные лифты

Бурный рост мелкого и среднего предпринимательства, появление промышленных предприятий и института выборов сопровождается включением в элиту новых талантливых и инициативных людей.

7. Бурное развитие городов

Начинается развитие городов, население которых более свободно, уходит в прошлое феодальная зависимость.

8. Современный капитализм

Капитализм становится «современным». Принимается только тот капитал, который заработан честно, цель его накопления — использование на общественное благо, обязательная передача потомкам; поощряется аскетизм в среде обеспеченных людей.

9. Наука свидетельствует о величии Творца

Появляются науки, в первую очередь естественные. Провозглашается принцип: физический мир и человек свидетельствуют об упорядоченности творения и поэтому подлежат изучению. Появляется современная медицина.

10. Центром религиозной жизни становится община верующих

Она избирает служителей, она и отстраняет их, в случае неисполнения обязанностей. Перемещение центра религиозной жизни в общину приводит к ее новой роли в общественной жизни. Начинает меняться принцип сбора и распределения налогов. Европа переходит к модели, когда большая часть налогов — это доходы и расходы местного уровня и примерно 20% — национальный бюджет. Основная часть властных полномочий и ресурсов для их решения переходит на местный уровень. Одна из причин этого — изменения в Церкви, где община становится центром религиозной жизни и источником церковной власти, а человек — ответственным за то, как он живет. Это дает мощный импульс росту гражданского сознания, когда через сравнительно короткое время на сцену европейской политики и общественной жизни выходит автономный от государства гражданин.

Итог: перед нами общество развития. Основа его стабильности — постоянные изменения.

Думаю, для нас, граждан, живущих сегодня в России и продолжающих искать ответ на вопрос «кто виноват?», полезно обращение к опыту европейской Реформации, заложившей институциональную основу современной Европы.

Юрий Сенокосов,
директор издательской
программы Школы

О смысле истории*

Поскольку с книгой «История учит», изданной к 20-летию Школы, вы уже познакомились или даже ее прочитали, она вывешена на школьном сайте, я решил расширить рамки темы и поговорить о смысле истории.

Ведь если история чему-то учит, значит, она не бессмысленна. Так же, кстати, как и человеческая жизнь, когда встает вопрос о том, что мог бы в этом случае означать глагол «сбыться, состояться»? Я воспроизвожу слова, часто встречающиеся в курсах философских лекций Мераба Мамардашвили (1930–1990). «Человек — это всегда лишь попытка стать человеком». «Надо превосходить себя, чтобы быть собой в следующий момент времени». «Важнейшим фактором жизни является понятая смерть». «Без символа смерти, без того, чтобы жить в тени этого символа, — ничего нельзя понять, ничего нельзя в действительности испытать». Почему? Потому что в нашей душевной жизни, говорил он, всегда присутствуют некие мертвые отходы, когда мы механически повторяем уже существующие в языке «чужие» мысли, не оставляющие места для проявления живой мысли или поступка. Сказанное едва ли не основной мотив и нерв всей философии Мамардашвили, связанный с его настойчивым поиском, как он выражался, «гражданства неизвестной родины».

Так что же такое жизнь? У Льва Толстого есть повесть «Смерть Ивана Ильича» — самый выразительный в мировой литературе «рассказ-некролог о философски запущенной, казенной и имитированной жизни»**. Приведу из этой повести две цитаты.

* Статья подготовлена на основе выступления на семинаре в Голицыно 27 июля 2013 года о книге «История учит. Письма о гражданском просвещении и образовании», изданной Школой.

** Э.Ю. Соловьев. Экзистенциальная сотериология Мераба Мамардашвили. // Чаадаев и Мамардашвили: переключки голосов, проблем и перспектив. — Пермь, 1999. — С. 17.

«Иван Ильич умер сорока пяти лет, членом Судебной палаты... после того как закончил курс правоуказания и прослужил пять лет судебным следователем, но уже тогда был тем, чем он был впоследствии всю свою жизнь: человеком способным, весело-добродушным и общительным, но строго исполняющим то, что считал своим долгом; долгом же он своим считал все то, что считалось таковым наивысше поставленными людьми. Он не был заискивающим ни мальчиком, ни потом взрослым человеком, но у него с самых молодых лет было то, что он, как муха к свету, тянулся к наивысше поставленным в свете людям, усваивал себе их приемы, их взгляды на жизнь и с ними устанавливал дружеские отношения. Все увлечения детства и молодости прошли для него, не оставив больших следов; он отдавался и чувственности, и тщеславию, и — под конец, в высших классах — либеральности, но все в известных пределах, которые верно указывало ему его чувство».

И дальше. «Были в молодости совершены им поступки, которые прежде представлялись ему большими гадостями и внушали отвращение к самому себе в то время, как он совершал их; но впоследствии, увидав, что поступки эти были совершаемы и высоко стоящими людьми и не считались ими дурными, он не то что признал их хорошими, но совершенно забыл их и несколько не огорчился воспоминаниями о них». То есть «не огорчился» до тех пор, пока не заболел, очевидно, раком (судя по признакам, которые описывает Толстой), испытывая ужасные мучения. Тогда он стал думать «об одном и том же: за что весь этот ужас. Но сколько ни думал, не нашел ответа. Когда ему приходила, а она приходила ему часто, мысль о том, что все это происходит оттого, что он жил не так, он

тотчас вспоминал всю правильность своей жизни и отгонял эту странную мысль».

И после этого Толстой формулирует известную фразу, ставшую афоризмом: *«Если бессмысленна жизнь, то бессмысленна и смерть»*.

Почему бессмысленна? Потому что ужаснее физических страданий были нравственные страдания Ивана Ильича, и в этом состояло главное его мучение. «Ему пришло в голову, что те его чуть заметные поползновения борьбы против того, что наивысше поставленными людьми считалось хорошим... они-то и могли быть настоящие, а остальное все могло быть не то. И его служба, и его устройство жизни, и его семья, и эти интересы общества и службы — все могло быть не то».

Добавлю к сказанному, что Толстой написал повесть в 1886 году, а ее замысел относится к 1881-му, когда умер прокурор Тульской губернии Иван Ильич Мечников, родной брат известного физиолога, будущего лауреата Нобелевской премии Ильи Ильича Мечникова. То есть уже после отмены крепостного права и проведенной судебной реформы, когда, как подчеркивает Толстой, **«стране нужны были новые люди»** и Иван Ильич только начинал свой жизненный путь (он родился в 1845 году).

А теперь о смысле истории. Но прежде небольшое отступление, поскольку история, как и человеческая жизнь, не сводится только к истории государства и государственных институтов. Есть еще общество, и государственные служащие тоже члены общества. И когда я употребляю словосочетания «смысл жизни» и «смысл истории», то уверен, что интуитивно все мы, в том числе и присутствующие на этом семинаре, считаем, что нас что-то объединяет.

Что объединяет? Культура страны и русский язык, который для большинства из нас родной, и мы понимаем, о чем идет речь, когда говорим и слышим слово «смысл», не обращая внимания на то, что оно состоит из приставки «с» и слова «мысль». То есть сам наш язык подсказывает, что смысл — это мысль о том (подставьте сюда — о свободе, истории, добре, любви), что предполагает понимание того, о чем она. То есть в чем смысл свободы, истории и т.д. Поэтому выражусь так: что это все же особое понятие.

Почему особое? Потому что, чтобы начать мыслить, а не просто говорить, надо проснуться. Не в прямом значении этого слова, а в переносном, как об этом сказано в Евангелии: «Бодрствуйте, пока свет с вами». То есть не внешний, а внутренний — свет мысли, который, кстати, не зависит от нашего хотения. Потому что мало ли чего можно хотеть. Хотеть мыслить — еще не мысль. И к тому же — откуда она, когда озаряет человека? Ведь не из мозга? Мозг же не компьютер, устройство которого известно и понятно тем, кто его придумал. А как и почему «работает» человеческий мозг, остается непонятным. Хотя тоже известно, что на вопрос «как» ответили еще античные философы, когда придумали грамматику, логику и риторику. А что касается причин, то есть ответа на вопрос «почему», то они могут быть самыми разными. Начиная от страха смерти, как у Ивана Ильича в повести Толстого, и поиска бессмертия до несогласия, например, Коперника, который жил в XV веке, с теорией Птолемея о движении планет вокруг неподвижной Земли, в результате которого появилась новая теория. Не говоря уже о сотнях новых теорий, появившихся позже — по мере развития научного познания не только природы, но и общества.

А с другой стороны, и я хочу это подчеркнуть, многих людей, в какую бы эпоху они не жили, обычно устраивает то, как они живут, и бодрствовать они не собираются.

Поэтому на вопрос — я возвращаюсь к смыслу истории — учит ли она, я бы ответил так: учит, если мы начинаем думать после того, как вспыхнул свет мысли, и ее надо еще как-то сохранить, удержать. Ибо историческим является извлеченный, сохраняемый опыт, а иначе все будет повторяться. Следовательно, чтобы избежать повторения, нужен был, как говорят сегодня, общественный запрос на философию истории. И в эпоху Просвещения она появилась. Напомню, что этот термин ввел в культурный оборот Вольтер, издав в 60-е годы XVIII века книгу под заглавием «Философия истории».

О том, что думали и как относились к смыслу жизни и истории до этого — в эпоху античности и в Средние века, я говорить не стану. Скажу лишь, что названное отношение включало не только надежду и веру на помощь Бога, но и веру в разного рода мистические силы и явления, таинственные связи между ритуалами и запретами и т.д. А начиная с XVIII века начал складываться подход, в рамках которого история стала восприниматься как движение по ступеням прогресса.

В частности, французский философ Кондорсе полагал, что прогресс общества состоит в движении к истине и счастью. Но свой вклад в развитие этой идеи внесли не только французы, но и Гердер, Кант, Гегель, Маркс, который критерием прогресса, как известно, считал рост производительных сил общества, а смысл истории видел в смене общественно-экономических формаций и победе пролетариата над буржуазией. Однако все эти представления о прогрессе рухнули в XX веке в

результате двух мировых войн. Но это не значит, что люди перестали после этого думать о том, как жить дальше.

Назову в качестве примера двух авторов: Карла Поппера и Карла Ясперса. В своей книге «Нищета историцизма», изданной в 1956 году, критикуя марксистский подход к истолкованию исторического процесса и называя социальную философию Маркса «историцизмом», Поппер писал: «Вера в историческую необходимость является явным предрассудком, невозможно предсказать ход человеческой истории... научными методами». И для подтверждения своей позиции приводил следующие аргументы.

Первый: ход человеческой истории в значительной степени зависит от роста человеческого знания. Второй: при этом невозможно предсказать, каким будет рост научного знания. Третий аргумент: следовательно, мы не можем предсказать и ход человеческой истории. И последний аргумент: это значит, что мы должны отвергнуть возможность теоретической истории. Так как любая научная теория для доказательства своей истинности обязательно предполагает проведение эксперимента, а с человеческим обществом экспериментировать нельзя. Это опасно.

Да, прогресс — это движение к какой-то определенной цели, но цели существуют для человека, а не для истории, заключает Поппер. «Прогрессировать» может человек, развивая демократические институты, от которых зависит его свобода.

И Карл Ясперс в своей книге «Истоки истории и ее цель», вышедшей несколькими годами раньше, тоже приходит фактически к такому же выводу, считая, что в истоках европейской истории с «осевого времени» (это его термин) лежат два начала: античное наследие и христианская религия. А ее смысл

видел в реализации свободы, которая проявляется в развитии духовных и интеллектуальных сил человека.

Таким образом, как Карл Поппер, так и Карл Ясперс смысл истории связывали с целью и смыслом существования человека. Или, другими словами, с возвышением человека над самим собой. А историю человечества рассматривали, как попытку стать человеческим.

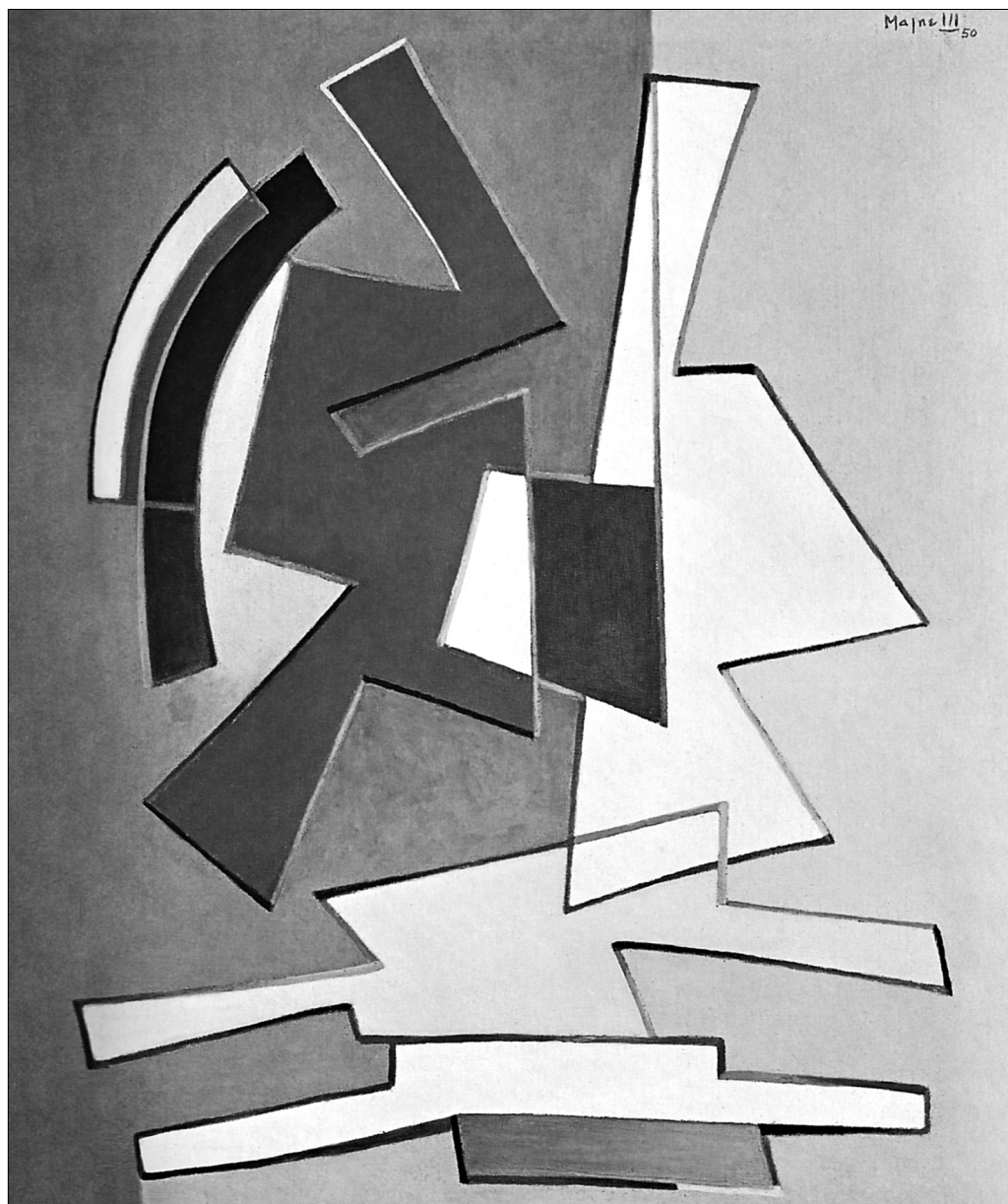
И теперь коротко о смысле российской истории.

Все вы наверняка слышали о Филофее, игумене Псковского монастыря, и его идее «Москва — Третий Рим». Об этом он писал в одном из своих посланий Московскому великому князю Василию III. Приведу из него известный отрывок: «Все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, и это — российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит (обратите внимание на это слово «стоит»), а четвертому не бывать».

Почему стоит? Потому что «российское царство», писал Филофей, это «остров» среди потопа неверия и отпадения мира от Бога. Но благодаря чему стоит и как?

Довольно скоро это стало известно. Я имею в виду начавшиеся при Иване Грозном массовые репрессии и казни, которые он оправдывал, ссылаясь в своей переписке с Курбским на послание Филофея и заложив тем самым основы российской государственности.

А затем, спустя два столетия, создав империю, Петр I, как известно, так пустил корабль государственности по пути прогресса, что его условием стало колоссальное расширение крепостничества. Согласно формуле: люди должны быть инициативны и изобретательны, но при этом абсолютно послушны. Так каким же образом можно было

Альберто Мензели. Точное предназначение. 1950

сочетать то и другое, покорность и инициативу в условиях сохранявшегося государственно-бюрократического контроля? Отвечая на этот вопрос, процитирую А.С. Пушкина — из его «Заметок по русской истории XVIII века», написанных в августе 1822 года в Кишиневе. «Петр I не страшился народной свободы, неминуемого след-

ствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более чем Наполеон. [...] все состояния, окованные без разбора, были равны перед его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повиновалось». И страницей ниже: «Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство;

нынче же наша политическая свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все сопротивления противу общего зла, и твердое мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы».

Однако пушкинское «желание лучшего» и надежды декабристов (его друзей) на «твердое мирное единодушие», способное поставить Россию в один ряд с просвещенными народами Европы, не оправдались. Выступление декабристов было разгромлено.

И через год — по распоряжению Николая I, имевшего для Пушкина характер политического экзамена, поэт пишет известную записку «О народном воспитании», которую царь прочитал, и на основании его устного отзыва Бенкендорф отправил Пушкину письмо, где было сказано: «Принятое вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному».

Не вдаваясь в анализ содержания пушкинской записки, отмечу: под «народным воспитанием» Пушкин, разумеется, имел в виду не просвещение умов с помощью бесполезных знаний, а *воспитание историей*, полагая, что отсутствие именно такого воспитания рождает своеволие мысли, порчу нравов и в конце концов распад общества. То есть, иными словами, отсутствие «деятельных умов»,

готовых и способных реализовать свое призвание, проходя жизненный путь и извлекая опыт. Ибо историческим и, следовательно, человеческим является, как я уже сказал, только *извлеченный* опыт и его удержание, только благодаря ему можно постепенно преодо-

Поппер писал: «Вера в историческую необходимость является явным предрассудком, невозможно предсказать ход человеческой истории... научными методами»

леть дурное повторение одного и того же в нашей стране.

А теперь вернусь снова к термину «смысл». Думаю, после того что было сказано, понятно, что проблема мышления заключается не в том, чтобы искать смысл истории и конструировать разные этапы для доказательства якобы существующего в истории прогресса, а в том, как нам смочь *помыслить* то, о чем мы мыслим. Не в привычном обыденном значении, когда мы что-то видим, слышим, осязаем благодаря органам восприятия, а в философском. Поскольку это ведь мы видим, слышим, воспринимаем и то, что воспринимаем, выражаем словами. И значит, мыслим, думаем.

А как думаем? — учитывая, что человек конечное существо и не может не думать о бесконечности, которая ему непонятна. С этого и начинается философия, когда древние греки стали думать о непонятном и, как я уже сказал, придумали грамматику и логику. А затем, с появлением христианской религии, теологи, пользуясь навыками античного философствования, показали, что человеческая жизнь отнюдь не бессмысленна.

Так что не случайно, когда большевики в России решили, что все это бред и фантазии — метафизика, религия, Бог, произошла трагедия. И чтобы понять и извлечь смысл из этой продолжающейся трагедии, разумеется, надо учиться мыслить. Что я имею в виду? То, о чем говорится в одном из писем в книге «История учит»: философия занимается выяснением возможностей и предельных оснований познания и этим отличается от науки.

Означает ли это, что есть нечто непознаваемое. Разумеется, это Бог, свобода и бессмертие, как говорил Кант. Поэтому не стоит задавать познавательные вопросы относительно, как говорят философы, трансцендентного, которое является предметом веры, а относительно того, что является реальным, а именно «я мыслю» и «как мыслю», задавать их можно. Потому что философское познание разворачивается на уровне рефлексии, но не в смысле отражения в нашей голове окружающей действительности, которая может отражаться по-разному и вызывать разные психические состояния. А в том смысле, что само состояние, когда вспыхивает мысль, помыслить заранее, как бы мы этого ни хотели, невозможно.

Поясню это. Но на примере не той мысли, о которой страшно подумать, когда она приходит в голову. Этим занимается обычно психология.

Допустим, один человек стремится поверить в Бога, другой почему-то занимается решением квадратуры круга, а третий мечтает о коммунизме. То есть каждый, как говорят обычно по такому поводу, думает о своем. Но важен ведь результат, а не то, что думается. Способен ли человек додумать свою мысль до конца, когда она становится осмысленной и достигнутый результат положительным, то есть реальным смыслом?

Философия, как я сказал, занимается выяснением возможностей и предельных оснований познания. Поэтому ответу на поставленный вопрос, опять же сославшись на древних греков, поскольку они впервые, придумывая логические парадоксы и создав соответствующий язык, пытались понять и рассказать о том состоянии, когда человек мыслит. А потом много позже, в Новое время, философы стали называть это трансцендированием. Человек трансцендирует себя — здесь и возникла проблема. Ибо если есть трансцендирование, то должно ведь быть трансцендентное — где-то вне человека существующее что-то — в виде некой идеальной сущности. Когда трансцендирование означает, что, находясь в подобном состоянии, человек как бы выходит из себя. А как можно выйти из себя?

Следовательно, нельзя описать трансцендирование со стороны, но, как оказалось, можно задать его сознание, которое Кант вслед за Декартом называл трансцендентальным в отличие от эмпирического. И это сознание как раз и является тем материалом, из которого строятся философом истинные понятия о вещах и событиях внешнего мира. Анализ сознания и есть философствование.

То есть философствование включает в себя одновременно определение человека — в том случае, когда человек задается вопросом о смысле своей жизни и поведения, а иначе — это будет лишь имитация человеческой жизни. И если вы с этим согласны, давайте учиться думать, чтобы стать гражданами современной страны, когда важно не подменять жизнь имитацией жизни, верховенство права диктатурой закона, отличать ложь от правды и справедливость от государственной опеки.

Концепты «нация» и «национализм» сквозь призму общественных проблем

*Сергей Большаков,
доктор политических наук,
профессор Санкт-Петербургского
государственного
университета*

В современной политической науке нет однозначного понимания такого явления, как национализм, в опубликованных исследованиях национализм предстает как многоаспектный феномен, что связано, в частности, с неоднозначностью первичного по отношению к нему понятия «нация».

Национализм обладает большой притягательной силой. Поэтому он и существует с момента возникновения современных государств. Можно даже сказать, что не государства породили национализм, а национализм — государства. Упрощенные формы националистической идеологии: «это наша страна, мы главные, мы государствообразующая нация, мы чище, древнее, культурнее», то есть достаточно простые идеи, воздействующие на обывателя [Тишков 2003]. Национализм базируется на самом факте существования национальных государств, в которых власть принадлежит не царю, не богам, а делегируется от нации. Это один из элементов, которые обслуживают современные государства.

Лексическое определение значения слова «нация» предельно широко и дает возможность для самых различных интерпретаций: «Нация 1. Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика. 2. В некоторых сочетаниях — страна, государство»*. Перечисление объективных признаков, с помощью которых группы людей отграничивают себя от других (особый язык, антропологический тип, общность культуры, общая история, связь с территорией, ассоциация с государством), само по себе не объ-

* Толковый словарь русского языка / Под ред. Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю. — М., 1993.

ясняет, почему данная группа думает о себе в национальных категориях. Общество постоянно сталкивается с конкурирующими взглядами на то, кто входит в эту группу, на каких критериях основано членство в ней.

Лексикографическое определение национализма более очевидно, по крайней мере в нем отчетливо выражена принципиальная политическая составляющая: «Национализм — 1. Идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим. 2. Проявление психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости» (там же).

Если обратиться к научной практике, существует большое количество концепций нации и национализма. Нация может рассматриваться как идеологема, как факт политической реальности, как общность, обладающая рядом определенных характеристик, как общность, скрепленная единым чувством и самосознанием, как население того или иного государства, даже как фантом. Соответственно национализм рассматривается как идеология, как политическая доктрина или как переживание, самосознание. В одной из своих статей, посвященных проблеме изучения национализма, немецкий археолог, писатель Эдмунд Кисс вспоминает в связи с этим многообразием точек зрения образное сравнение «с тем знаменитым описанием слона, которое было сделано группой слепых, каждый из которых дотрагивался до различных частей тела этого животного» [Кисс 1994; 136–137].

Неоднозначность, многоаспектность феномена национализма ярко выразил американский ученый Бенедикт Андерсон в своем рассуждении о трех противоречиях национализма. По его мнению, они состоят в следующем: «Объективно современный характер нации с точки зрения ее историка / Субъективно древний характер нации с точки зрения националистов. Формальная всеобщность национальности как социокультурного понятия (в современном обществе любой человек может “иметь” национальную принадлежность, подобно тому, как он имеет пол) / Реальная особенность конкретных проявлений этой национальности, как, например, по определению греческая национальность отличается своеобразием. Политическая сила национализма / Его скудость и даже непоследовательность с философской точки зрения» [Цит. в: Скворцов 1997; 148]. Нельзя не заметить, что все эти противоречия имеют общую структуру: друг другу противопоставляются идеальная система национализма и культурная система, возникшая под воздействием идеологии национализма.

Б. Андерсон предлагает выстраивать концепцию нации как «воображенного сообщества» [Anderson 1991]. Воображенными Б. Андерсон называет все сообщества, члены которых не знают и заведомо не могут знать лично или даже «понаслышке» большинство других его членов, однако имеют представление о таком сообществе, его образе. «Воображенная» природа подобных сообществ не свидетельствует об их ложности, нереальности. Крупные сообщества (а к ним относятся не только

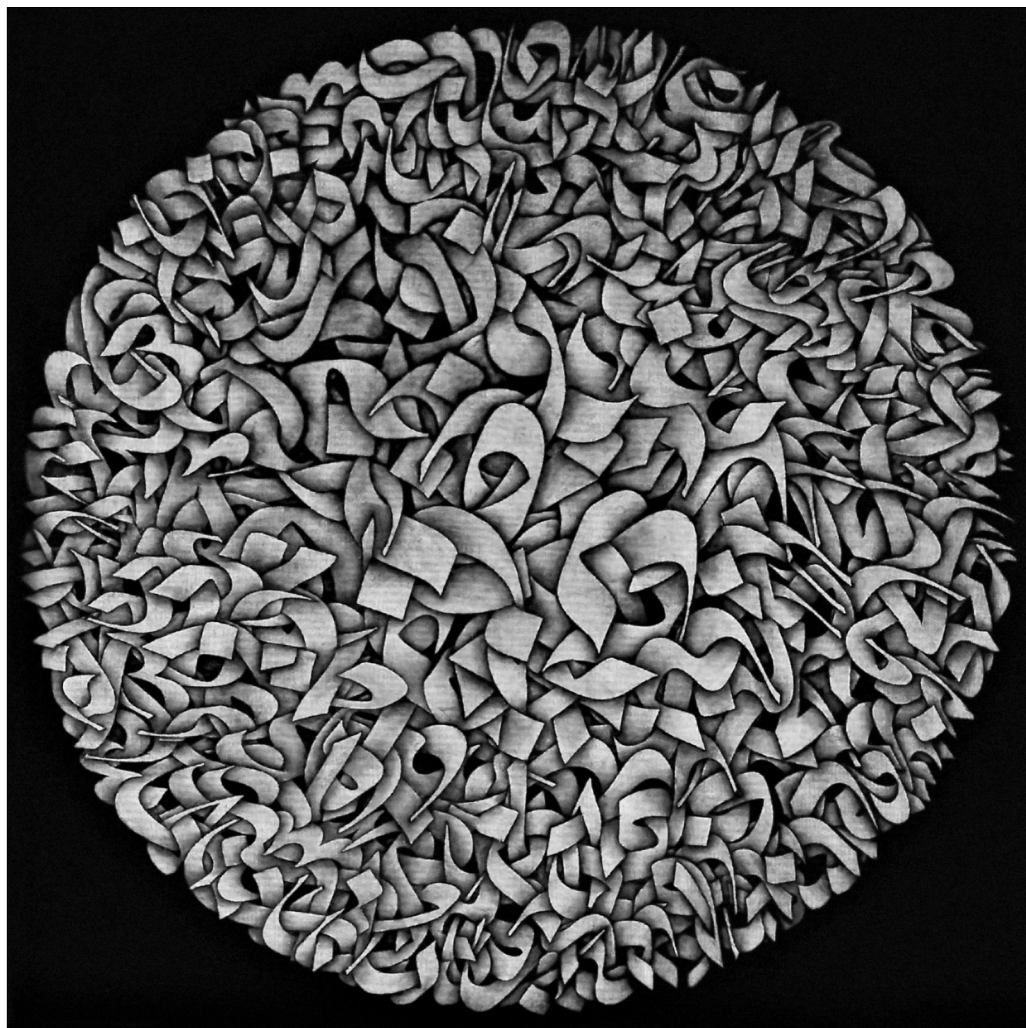
нации, но и классы) можно классифицировать по стилям и способам их воображения. Андерсон ставит вопрос о том, в чем принципиальная новизна националистического способа воображения сообщества и каковы были предпосылки самой возможности вообразить нацию. «Описанию процесса, благодаря которому нация может быть воображена и, будучи раз воображенной, затем моделируема, адаптируема и трансформируема», посвящена основная часть его книги «Воображенные сообщества» [Anderson 1983; 129].

Современные нации являются собой во многом искусственные конструкции. Политические сообщества и демократии, зародившиеся на более раннем этапе, были напрямую связаны с полисами, классическими городами-государствами. Эти демократии были личностными: модель действовала на малой терри-

тории, граждане знали друг друга в лицо и общались напрямую. Современные демократические модели вышли далеко за пределы этих границ, что заставляет граждан развить в себе чувство сообщества, основанное не на их личных ощущениях, а скорее на оценках и представлениях [Anderson 1983]. Для большинства граждан, современные нации и демократии слишком велики, чтобы можно было обойтись без «домысливаемых» свойств.

Американский антрополог Кэтрин Вердери, развивая замечание Андерсона о нации как о наиболее универсальной легитимной ценности в политической жизни нашего времени, посвятила специальную статью символической природе нации. По Вердери, особенность символа нации в том, что он пробуждает целый спектр мощных эмоций, будучи при этом, как всякий символ, неоднозначным и открытым различным интерпретациям. К. Вердери пишет о нации как о «базовом операторе в системе социальной классификации», как об «элементе политического и символично-идеологического порядка, а также социального взаимодействия и чувствования» [Verdery 1993; 36]. Она предлагает рассматривать нацию как символ, политическим применением которого является национализм. Национализм исследовательница определяет как «политическое использование символа нации через дискурс и политическую активность, а также как эмоции, которые заставляют людей реагировать на использование этого символа» [Verdery 1993; 38], а нацию как символ, использование которого творит реальность. Историк Алексей Миллер пишет, что «национализм предстает в этой трактовке как оболочка для различ-

Бенедикт Андерсон полагал, что национализм возник благодаря развитию СМИ, в результате чего оказалось, что мысли и чувства людей стали синхронны, похожи друг на друга, стало возможным появление общности людей, которые друг друга не знают, но тем не менее воспринимают происходящие события сходным образом

Мохаммед Эсаи. Без названия. 1996

ных психологических и идеологических конструкций, которые облекаются в эту оболочку постольку, поскольку она оказывается самым эффективным средством их адаптации для массового сознания» [Миллер 1994; IV].

Интерпретация нации и национализма как дискурса* — важная составляющая современного исследования этого явления. Аме-

* Понятие «дискурс» разработано Мишелем Фуко в 1960-е годы. Дискурс — это отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, выражаемый в разнообразных, не только вербальных, практиках, а следовательно, не только отражающий мир, но проектирующий и творящий его. М. Фуко писал об этом так: «Задача состоит не в том — уже не в том, чтобы рассматривать дискурсы как совокупности знаков (то есть означающих элементов, которые отсылают к содержаниям или представлениям), но в том, чтобы рассматривать их как практики, которые систематически образуют объекты, о которых они говорят» (Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. — М., 1996. — С. 427–428).

риканский исследователь Тимоти Бреннан пишет: «Нация — это именно то, что Фуко называл дискурсивной формацией (*formation discursive*), — не просто аллегория или плод воображения, это понятие беременно политической структурой... Национализм — троп таких феноменов, как “принадлежность”, “преданность”, но также и институциональное использование воображаемого» [Brennan 1990; 47].

Такие определения нации и национализма полностью снимают оценочный подход к этим понятиям. Продолжая предложенный ряд понятий («нация», «национализм»), националистами следует называть тех, кто участвует в националистическом дискурсе, то есть принимает и стремится так или иначе интерпретировать категории национальных интересов и нации. Применительно к агрессивным вариантам национализма корректнее пользоваться определениями «шовинистический», «ксенофобный».

Эффективным в современной науке представляется определение нации как категории практики. Английский историк Эрик Хобсбаум предложил в практических целях называть нацией любую группу людей, претендующую на это звание [Hobsbawm 1990; 7]. Он полагает, что «национализм — это политическая программа и с точки зрения истории относительно новое явление. В соответствии с этой концепцией группы, понимающие себя как нации, имеют права создавать территориальные государства того типа, которые сформировались после Французской революции» [Хобсбаум 1995; 84].

На волюнтаристскую доминанту националистических проектов указывает швейцарский специалист по национальной проблематике Урс Альтерматт [Альтерматт 2000]. И этот же концепт развивал Эрнест Геллнер, по мнению которого «два человека принадлежат к одной нации только в том случае, если... они признают принадлежность друг друга к этой нации. Иными словами, нации делает человек, нации — это продукт человеческих убеждений, пристрастий и наклонностей» [Геллнер 1991; 35]. То есть, согласно предложенной формуле, соотношения между нацией и национализмом — именно национализм порождает нации, а не наоборот [Геллнер 1991; 127].

Особый вклад в создание националистических идеологий и движений в XIX — первой половине XX века — «золотую пору» европейского национализма — внесли историки. Об этом, в частности, говорится в специальном исследовании английского социолога и философа Энтони Смита, который считает справедливым говорить о национализме как о характерно «историческом» движении [Смит // Нации и национализм; 236].

Существует большое многообразие и в точках зрения на проблему зарождения национализма. Одним из достижений исследования национализма во второй половине XX века стало формирование определенного консенсуса о факторах, обусловивших его возникновение и запустивших процессы формирования наций.

Практически все теоретические исследования национализма последних десятилетий в той или иной степени опираются на работы немец-

кого социолога и политолога Карла Дойча [Deutsch 1953]. Интерес самого Дойча был сосредоточен на исследовании формирования и развития системы коммуникаций, которая сделала возможным создание и воспроизведение идеи национальной общности. В результате своих исследований К. Дойч пришел к выводу, что процесс формирования нации явился следствием индустриальной революции.

Эрнест Геллнер, которому принадлежит несколько книг и десятки статей по проблемам наций и национализма [Gellner 1983], [Геллнер 1991], также связал происхождение национализма с индустриальной революцией, делая, однако, несколько иной акцент: на роли индустриализма и формировании системы всеобщего стандартизированного образования. При этом он утверждал, что исходный этнический материал практически не сковывает свободу творчества националистов в их проектировании нации.

Уже упомянутый теоретик национализма Энтони Смит [Smith 1971; 1981], напротив, много писал о роли этнического фактора в процессах формирования наций. Этот ученый говорит об «этнических корнях национализма», подразумевая, что именно этничность формирует благоприятную почву для усвоения народом националистической идеологии, хотя толчок к зарождению национализма дают другие факторы. По его словам, «нации не появляются из ничего», и, «беря идеологию за первостепенный объяснительный принцип», исследователи «игнорируют или упускают из виду важность тех процессов формирования нации, которые в определенной степени независимы от функционирования националистических идеологий» [Смит 1991; 255].

Смит описывает сложную систему превращения этнических общностей в современные нации, где имеют значение и форма государственной или племенной лояльности, и способ религиозной организации, и направленная деятельность национальной (или националистической) интеллигенции, и демографические процессы.

Он отмечает, что у разных наций повторяются мифы, которые лежат в основании национализма. Это не только вера в общих прародителей, но и, что особенно важно, вера в существовавший когда-то для этого народа «золотой век», потом период упадка, потеря территории или ее части, миграция, а также уверенность в будущем возрождении. Смит отстаивает идею о том, что этническая символика, используемая современными националистами, имеет древние «донациональные» корни. Такой «этносимволизм» он считает главным объектом своих исследований.

В качестве решающих факторов формирования национализма Ч. Тилли [Tilly 1975] и М. Манн [Mann 1993] выдвигали роль государства и войн эпохи абсолютизма, М. Хрох [Hroch 1985] и Э. Хобсбаум [Hobsbawm, Ranger 1983], [Hobsbawm 1990] отмечали роль интеллектуальных элит, а Ю. Хлебовчик [Chlebowczyk 1980], [Chlebowczyk 1983] роль эмоционального фактора.

Б. Андерсон подчеркивал значение «печатного капитализма», «лингвистических революций» и новых способов видения мира [Anderson 1983],

Бенедикт Андерсон полагал, что национализм возник благодаря развитию СМИ, в результате чего оказалось, что мысли и чувства людей стали синхронны, похожи друг на друга, стало возможным появление общности людей, которые друг друга не знают но тем не менее воспринимают происходящие события сходным образом.

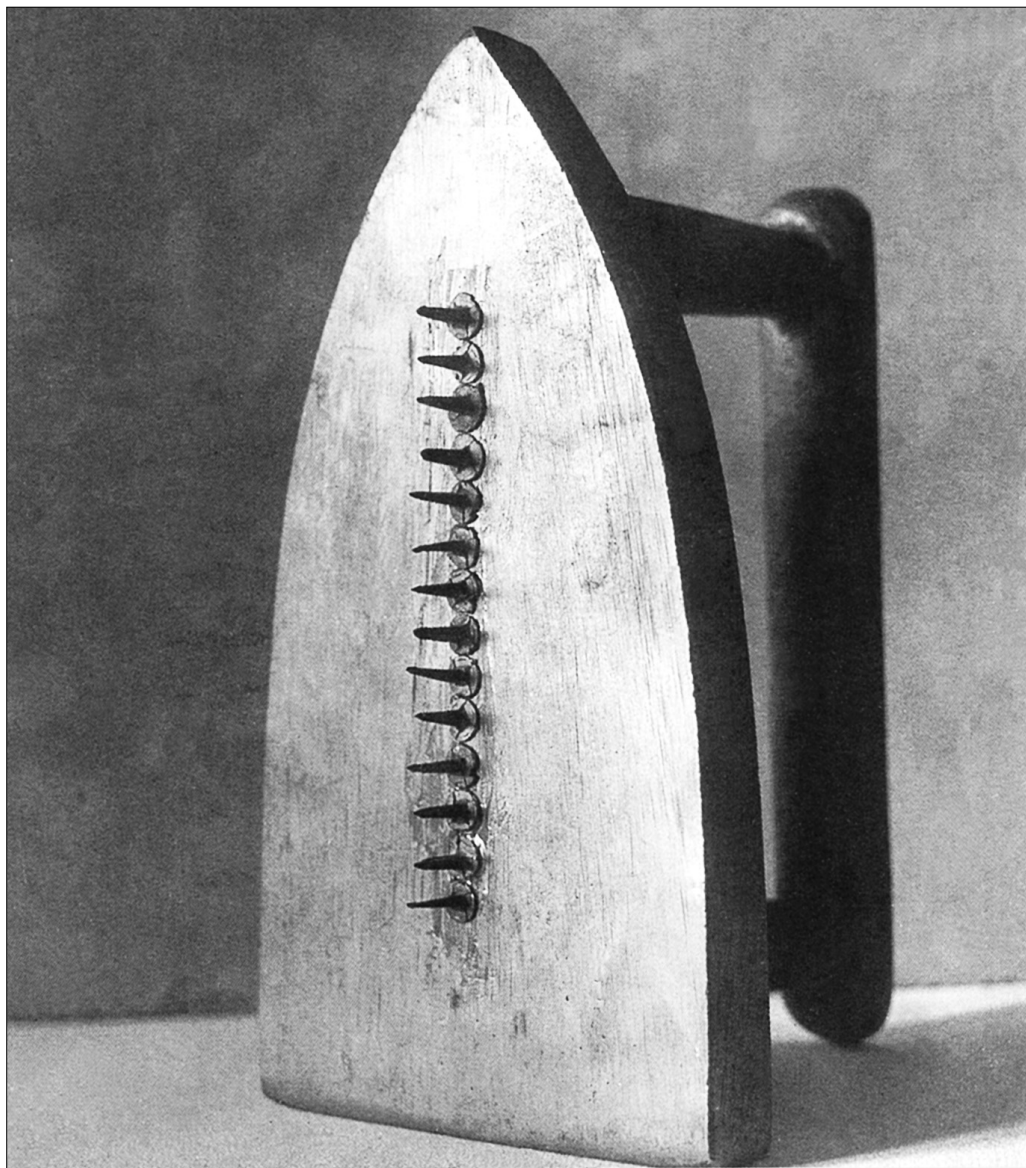
Результатом этой множественности концепций стало осознание многочисленности факторов, влияющих на процесс формирования наций, бесконечного многообразия их сочетаний в истории и относительной значимости в этих сочетаниях. Только выявив основные оппозиции и системы соотношения тех комплексов ценностей, которые утверждаются тем или иным национализмом, мы можем понять логику развития историко-политической ситуации. Этот метод был подробно разработан польским историком Анджеем Валицким применительно к изучению идеологических феноменов [Walicki 1964].

*В Прибалтике, Грузии, на Украине
национализм стал рассматриваться
зачастую как политическое движение,
стремящееся к завоеванию или удержанию
власти и оправдывающее эти действия с
точки зрения доктрин национализма*

Как пишет британский ученый Джон Бройи, в современной науке термин «национализм» указывает на несколько взаимосвязанных, но несводимых друг к другу явлений, которым соответствуют три области исследовательских интересов [Бройи 2002]:

1. национализм как доктрина (в таком случае объектом изучения должно быть развитие соответствующих идей);
2. национализм как чувство, национальное сознание (исследовательский интерес сосредоточен на массовых формах «национального сознания», на процессах формирования и распространения чувства национальной идентичности у широких слоев населения);
3. национализм как политика, политическое движение, преследующее специфические цели и апеллирующее к определенным ценностям.

Дальше внимание будет сосредоточено именно на этом аспекте. Таким образом, под национализмом понимают одновременно доктрину, политику и «самосознание» — три взаимообусловленных, но различных процесса, что отражает особенности современной политической практики. С одной стороны, политические движения нередко легитимируют себя ссылками на массовые национальные чувства и при этом опираются на те или иные доктрины; последние, в свою очередь, претендуют на ведущую роль и в «пробуждении» национального сознания, и в формулировке политических задач нации. С другой же стороны, как указывает Бройи, апелляция политиков и идеологов к развивающемуся чувству национальной идентичности на практике скорее является стремлением выдать желаемое за действительное, а возникновение национальных чувств обуславливается куда более

Ман Рей. Яд (Подарок). 1923

сложным комплексом перемен, чем распространение доктрины от ее идеологов к широким слоям населения. В ряду факторов, заставляющих «резонировать» те или иные идеи, оказываются как фундаментальные моменты, связанные с меняющейся структурой социальных и экономических отношений, так и конкретные властные практики. При исследовании национализма с разных точек зрения не обходится вниманием и содержание этого явления (в частности, ценности, ассоциирующиеся с национальными чувствами, цели политических движений). Идеологи национализма по-разному интерпретируют «идею нации», которая рассматривается и как объект субъективной приверженности, являющейся результатом выбора, и как общность, форми-

рующаяся независимо от воли ее членов. Политики выдвигают во имя национальной идеи разнообразные требования (от политического самоопределения или культурной автономии до ужесточения законов об иммиграции). Чувство национальной идентичности может проявляться с разной степенью интенсивности и выражаться как позитивно (патриотизм), так и в форме антагонизма (шовинизм и ксенофобия).

В связи с концепцией Э. Смита о роли этнического фактора в процессах формирования наций стоит указать на соотношение понятий «этнос» и «нация». Определим их основные характеристики, имеющие место в настоящее время в научной среде.

Этническая принадлежность, обнаруживаемая в сознании людей, не является продуктом самого сознания: по объективным основаниям этнос — природное явление, по способам самоорганизации — социокультурный феномен. Этническая идентичность является изначальной и надличностной структурой, образуемой совокупностью высоко оцениваемых качеств, сформировавшихся в ходе длительной совместной истории. Эти качества приобретаются с рождением, а также в процессе первичной социализации [Бромлей 1987; 12]. В отличие от этноса, нация есть общность, непременно предполагающая национальное самосознание, а также опыт политического строительства. Необходимая предпосылка нации — не только развитый этнос, но и политическая воля.

О необходимости этноса в качестве «протонационального» этапа, пишут наряду с Э. Смитом и другие ученые. Как показала канадский профессор Маргарет Мур [Moore. Symposium; 423], граница между этнической группой и нацией очень подвижна: этнические группы, обладающие ясно выраженными лингвистическими и культурными особенностями и живущие на своей исторической территории, вполне можно мобилизовать при помощи национальной идеи. Американский философ Рональд Сунни напрямую связывает этнос с процессом «нациестроительства»: «Там, где национализм добивался большего успеха, этому предшествовало наличие некой территориальной, языковой или культурной общности, которая использовалась как исходный материал для интеллектуального проекта национальности» [Сунни 1979]. Таким образом, этнос и нация связаны и в то же время противопоставлены как «предполитическая» и политическая общности.

Определив взаимосвязь «этноса» и «нации», как и различия между ними, следует указать: несмотря на то что в центре нашего внимания находятся националистические, а не этнические процессы, мы не можем обойтись без обращения к этничности. Не принимая во внимание этнический состав населения, зачастую невозможно дать адекватную оценку националистического движения в том или ином регионе. Таким образом, национализм — это политическое движение, стремящееся к завоеванию или удержанию политической власти и оправдывающее эти действия с помощью доктрины национализма [Breuilly 1982; 3]. Доктрину национализма с некоторыми оговорками можно свести к следующим положениям:

- существует такая общность, как нация, с присущими ей особыми качествами;
- интересы и ценности нации обладают приоритетом перед другими интересами и ценностями;
- нация должна быть как можно более независимой; для этого нужен по крайней мере некоторый политический суверенитет [Breuilly 1982, 3], [Smith 1991, 74].

Практически безоговорочно признавая национализм современным явлением, в поисках его теоретических объяснений специалисты обращаются к разным аспектам современности. Дж. Бройи выделяет три направления таких поисков:

1. изучение трансформаций в среде элит, ведущих к созданию и восприятию националистических идей;
2. изучение трансформации общественных институтов, которые приводят к возникновению и распространению среди широких слоев националистических чувств;
3. исследование трансформаций сущности власти, ведущих к появлению и восприятию националистической политики.

Дж. Бройи настаивает, что именно третье направление поисков является наиболее перспективным с точки зрения выстраивания связей между тремя выделенными ипостасями национализма. Он рассматривает националистическую политику как один из видов оппозиционной реакции на политическую модернизацию, отличительной чертой которой он считает постепенную концентрацию главных общественных функций — политических, экономических, культурных — в специальных институтах.

Изначально эта политика обеспечивает основу для мобилизации и координации гражданского общества в раннее Новое время в Европе, когда раскол между государством и обществом становится очевидным; она может придерживаться разных стратегий (отделение, реформа, унификация). В дальнейшем «язык национализма» становится нормой, что создает возможность для его использования самыми разными (не только собственно националистическими) политическими движениями.

В российской науке и публицистике термин «национализм» долгое время понимался в негативном смысле — как превосходство одного народа над другими — и использовался как ярлык, с помощью которого осуществлялось политическое преследование. Наиболее полноценное определение национализма в этой парадигме дал польский социолог Ян Щепаньский. Он писал: «Национализм — это признание собственной нации наивысшей ценностью, иррациональное объяснение превосходства своей нации над другими, непризнание равенства народов, нетерпимость по отношению к другим нациям, нежелание смешиваться с ними (эксклюзивизм), недопустимость смешанных браков. Это идеология, политика и практика» [Щепаньский 1967; 193].

С постепенной демократизацией, расширением контактов с Западной Европой, наконец, под влиянием начавшихся националистических

движений в Прибалтике, Грузии, на Украине национализм стал рассматриваться не в оценочном значении, а как категория научного анализа. Под ним зачастую подразумевают политическое движение, стремящееся к завоеванию или удержанию власти и оправдывающее эти действия с точки зрения доктрин национализма.

Концепты и доктрины сводятся к тому, что существуют такие общности, как нации с присущими им качествами; интересы и ценности нации считаются приоритетными перед другими интересами и ценностями; нация должна быть как можно более независимой, для чего ей нужен в той или иной мере политический суверенитет. Национализм — это прежде всего политический принцип, суть которого в том, что политические и национальные единицы должны совпадать [Геллер 1991; 23], [Breuilly 1982; 3], [Демократизация 1996; 18], [Коротеева 1997; 185].

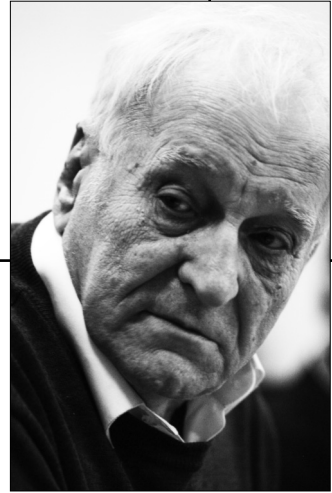
На сильную политическую компоненту явления национализма указывают подходы, тесно связывающие (вплоть до полного слияния) понятия нации и государства. В частности, один из исследователей национализма начала XX века американский политолог Пол Рейнч считал, что национализм «является краеугольным камнем подлинной государственности» [Reinck 1902; 3].

Актуальной и современной является конструктивистская интерпретация национализма, которая трактует нации как «воображаемые общности». В России понятие нации выступает как некий социальный конструкт, члены которого, не зная друг друга лично, тем не менее рассматривают себя как общность с единой судьбой и надеждами. Обычно люди имеют самые разные представления о своей этнической общности.

Российский исследователь В. Тишков предложил принять термин «нация» в значении совокупности граждан одного государства, отказавшись от его этнических характеристик [Тишков 2003]. В тоталитарных обществах исключительное право на национализм имеет государство. Оно может беспощадно подавлять низовые проявления национализма, как это было в СССР, будь то украинский, прибалтийский или крымско-татарский национализмы. Тоталитарное государство подавляет проявления низового национализма, как правило, имеющего этнический, периферийный характер. Государство может само проповедовать разные формы национализма, в том числе шовинистического толка, дискриминируя или ассимилируя малые культуры или народы. Более массовое распространение национализм как общественное движение приобрел в ходе демократизации общества. Крайние формы национализма в Российской Федерации стали своего рода платой за свободу, которая предполагает наличие определенных крайностей в идеологических выражениях. Если не будет крайностей, общество никогда не узнает, что такое норма. Поэтому если национализм не несет угрозы обществу, а также жизни, безопасности и собственности людей, то такая форма национализма может существовать в обществе.

1. Anderson B. *Imagined Communities: Reflection on the Origin and Spread of Nationalism*. London, 1983.
2. Anderson B. *Imagined communities*. London, 1991.
3. Brennan T. *The National Longing for Form // Nation and Narration*. London; New-York, 1990.
4. Breuilly J. *Nationalism and the State*. Manchester, 1982.
5. Chlebowczyk J. *On Small and Young Nations in Europe: Nation-Forming Processes in Ethnic Borderlands in East-Central Europe (Polish historical library : Anthologies, monographs, opera minora)*. Varshava. 1908, p.216.
6. Deutsch K.W. *Nationalism and Social Communication: an Inquiry into the Foundations of Nationality*. Cambridge, Mass., 1953.
7. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Ithaca, 1983.
8. Hobsbawm E. *Nations and Nationalism since 1780. Program, Myth, Reality*. Cambridge, 1990.
9. Hobsbawm E., Ranger T. *The Invention of Tradition*. Cambridge, 1983.
10. Hroch M. *Social Preconditions of National Revival in Europe. A. Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations*. Cambridge, 1985.
11. Mann M. *Sources of Social Power. Volume Two: The Rise of Modern Nations and Classes, 1760 1914*. Cambridge, 1993.
12. Moore M. *Mill's Ode to National Homogeneity // Symposium on David Miller's «On Nationality»*. Nations and Nationalism, v. 2, pt. 3, 1996.
13. Relnch P. S. *World Politics at the End of the 19 Century*. N.Y., 1902.
14. Smith A. D. *Theories of Nationalism*. London, 1971, 1983.
15. Verdery K. *Whither «Nation» and «Nationalism»? «Daedalus»*, Summer 1993.
16. Walicki A. *Wkregu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego slawianofilstwa*. Warszawa, 1964.
17. Альтерматт У. *Этнонационализм в Европе*. М., 2000.
18. Бройи Дж. *Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм / Ред. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002*.
19. Бромлей Ю. В. *Этносоциальные процессы: теория, история и современность*. М., 1987.
20. Геллнер Э. *Нации и национализм*. М., 1991.
21. Ерохин А.В. *Националистические движения и партии стран Западной Европы, историческая перспектива и актуальные политические процессы. Диссертация к. полит. н., СПб., 2006, с 21 28*.
22. Кисс Э. *Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы // Этничность и власть в полиэтнических государствах. Материалы международной конференции. М., 1994*.
23. Коротеева В. В. *Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 3*.
24. Миллер А.М. *Вместо введения. Национализм как теоретическая проблема // Национализм и формирование наций. М., 1994*.
25. Миллер А.М.. *Теория национализма Эрнеста Геллнера и ее место в литературе вопроса // Национализм и формирование наций. М., 1994*.
27. Скворцов Н. Г. *Проблема этничности в социальной антропологии*. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997.
27. Смит, Энтони Д. *Национализм и историки // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002*.
28. Суни Л. *Очерк общественно-политического развития Финляндии*. Л., 1979.
29. Тишков В.А. *Реквием по этносу: Исследования по политической антропологии*. М., 2003
30. Щепаньский Я. *Элементарные понятия социологии*. Новосибирск, 1967.

Свобода как общественная ценность*

Вадим Межуев,
главный научный сотрудник
Института философии РАН

Итак, мне предстоит говорить о свободе, которая, безусловно, относится к числу важнейших человеческих ценностей. С какого момента она становится для человека такой? Мнение о том, что она всегда и для всех была важнейшей, не кажется мне слишком убедительным.

В любом случае потребность в свободе присуща человеку не как природному, а как общественному существу. Отсюда не следует, что любое общество делает его свободным. Наоборот, во всех до сих пор существовавших обществах человек никогда не был до конца свободным, полностью или частично зависел от других. И можно ли, живя в обществе, быть свободным от общества? Очевидный отрицательный ответ на этот вопрос ставит, казалось бы, под сомнение любую попытку искать объяснение ценности свободы в обществе. При первом рассмотрении общество скорее враг свободы, заставляя каждого считаться с другими, усмирять свои желания и порывы, быть таким как все. Общество либо ограничивает свободу, либо делает ее привилегией для немногих. На ранних этапах общественного развития свобода — удел и привилегия тех, кто владеет властью. Остальные если не рабы, то подневольные и зависимые от власти люди. Сознание ценности личной свободы вообще впервые возникает в отношении раба и господина. Только господин в меру своих властных полномочий наделен свободой и может по собственному желанию отпустить на волю находящегося в его полном подчинении раба. В наше время свободу связывают с богатством, с наличием капитала, измеряемого в денежных единицах. Кто богат, кто может все купить, тот и свободен. Но и в этом случае свобода остается привилегией. По словам английского социолога Зигмунта

* Выступление на семинаре Школы в Голицыно 15 декабря 2013 г.

Баумана, свобода родилась как привилегия и с тех пор всегда оставалась таковой. Она делит людей на лучших и худших, но никак их не уравнивает.

Но я хочу поставить вопрос несколько иначе: можно ли быть свободным безотносительно к власти и богатству, не обладая ни тем, ни другим? И как возможна такая свобода? Впервые так сформулированный вопрос был поставлен в Древней Греции, а первым свободным человеком, не обладавшим ни властью, ни богатством, греки считали как раз философа. У философа в первую очередь и надо спрашивать, что понимать под свободой. Философская мысль, лишенная какой-либо корысти, есть чистый акт свободы. Философию вообще можно определить как самосознание человека в свободе, или просто как самосознание свободы. Недаром ее расцвет падает на те периоды европейской истории, когда происходил переход от тирании к гражданскому обществу и демократии. Это, во-первых, Античность, во-вторых, Новое время. Именно философы открыли свободу, усмотрев в ней основу, субстанцию человеческого бытия.

Свобода, как ее понимают философы, состоит не в том, чтобы что-то иметь, а в том, чтобы быть. Быть человеком — это и значит быть свободным. Поясню это на простом примере. Представьте, вы пришли к врачу на прием, он вас обследовал и поставил диагноз: вы практически здоровы. Что он имел в виду? Очевидно то, что все органы вашего тела находятся в порядке, функционируют как здоровый организм. Такому диагнозу можно только радоваться.

Но человек существо не только биологическое, но и социальное, он обладает рядом свойств, которые прямо не зависят от его физического состояния. И они также подвержены отклоне-

ниям, которые медики даже не берутся или не считают нужным лечить. Что это за свойства? Человек, например, — мыслящее, разумное существо. Можно быть физически здоровым человеком и страдать от неизлечимого слабоумия. Бывает такое? Или у человека могут быть проблемы с эстетическим вкусом, позволяющим отличать прекрасное от безобразного. В жизни такие люди обычно невосприимчивы к красоте, легко мирятся с уродливым, пошлым, безвкусным. Встречается атрофия и нравственного чувства, человек не способен отличать добро от зла. О таком обычно говорят — «у него нет совести». Все это из области социальной патологии.

Хуже то, что подобные отклонения от нормы способны в определенных обстоятельствах обретать эпидемический характер, поражать большие массы людей. Чем объяснить, например, часто наблюдаемые массовые вспышки ничем не мотивированной агрессии, злобы, насилия и пр.? Как объяснить массовый спрос на низкопробную культурную продукцию, не соответствующую никаким эстетическим критериям и стандартам? В чем причина массовой наркомании? Где источник ксенофобских настроений и вражды к разного рода меньшинствам? Хотя каждый такой случай требует индивидуального подхода, можно поставить общий диагноз: как физические болезни бывают обусловлены нарушением обмена веществ между организмом человека и природной средой, так и социальные заболевания вызваны нарушением контактов между индивидом и миром культуры. Нечто вроде культурного авитаминоза, своеобразного культурного голодания, когда человек что-то недополучает из культуры. Или получает не то, недоброкачественная культура может и отравить. Культурологи как раз и изучают обмен-

ные процессы между индивидом и культурой. Но что является главным следствием нарушения такого обмена? Как философ сразу же скажу — неспособность жить в свободе. Все остальное — лишь проявление этой неспособности. Возьмем для примера такой распространенный недостаток, как глупость. Недавно я прочитал социологический отчет о том, что число глупых людей в нашем обществе увеличивается по сравнению с умными. Глупость — не врожденный недостаток. Глупыми не рождаются, а становятся при жизни.

Логическую формулу глупости дал когда-то Иммануил Кант, когда назвал ее отсутствием «определяющей способности суждения». Я попытаюсь перевести эту формулу на обычный язык. Кого следует считать глупым человеком? Представьте, что вы в детстве заучили какое-то правило — восприняли его от папы с мамой, услышали от учителей в школе, вычитали из книг и пр. И вдруг в последующей жизни вы натолкнулись на факт, который в это правило не вписывается. Что сделает глупый человек? Он изнасилует факт, но втиснет в заученное правило вопреки очевидности. Умный человек изменит правило, то есть проявит некоторую свободу мысли. Глупость — это догматическое мышление, застойность мысли, не способной за деревьями увидеть леса, за когда-то заученными правилами — реальности. Говоря проще, глупость — это неспособность жить своим умом, рабство мысли, ее зависимость от чужих мнений. Способность мыслить в свободе, независимо от устоявшихся, приобретших характер предрассудка мнений, и отличает умного человека от глупого.

Такой свободе мысли и учила всегда философия. Ведь с чего обычно начинают философы? С отказа от всякого предварительного знания, с незнания (Сократ), сомнения (Декарт), критики (Кант), с постановки под вопрос всего, что большинству кажется обычным и

Именно как индивидуальность человек нуждается в обществе, которое позволяет ему не просто физически выжить (для этого достаточно стада или стаи), но прожить собственную, ни на кого не похожую жизнь

привычным. Умный во всем видит вопрос, догматик на все имеет готовый ответ. Отказ от постановки новых вопросов равносителен отказу от свободы мышления, следовательно, от мышления вообще. Сходным образом обстоит дело и в искусстве. Художник, работающий на власть или массовый спрос, перестает творить «по законам красоты», свободного искусства, то есть по существу перестает быть художником. «Без свободы, хотя бы тайной, поэт умирает», — говорил Блок. То же самое и в сфере морали. Человек, не умеющий жить в свободе, никогда не отличит добро от зла. Вообще граница между добром и злом существует только в ситуации свободы. За пределами свободы, например, в природе, нет ни добра, ни зла. Свобода, следовательно, то пространство, в котором только и возможны мышление (ум), вкус, совесть — все то, что служит показателем социального и духовного здоровья человека. Но как понимать саму свободу?

Чтобы разобраться в непростом феномене свободы, я введу понятие общественного времени, которое следует отличать от времени биологической

Асгер Йорн. Исторический памятник. Прибл. 1957

жизни человека, измеряемого датами его рождения и смерти. Каждый из нас не просто ведь биологическая особь, подобная всем остальным, но *индивидуальность*, которую нельзя ни повторить, ни заменить кем-то другим. В таком ка-

честве мы живем только один раз, однократно по своей природе, не воспроизводимы во времени. Соответственно человечество — не просто множество взаимозаменяемых особей, а сообщество индивидуальностей со своей осо-

бой и неповторимой судьбой. В отличие от видового многообразия растительного и животного мира таксономической единицей человеческого рода является не вид, а *индивид*. Именно как индивидуальность человек нуждается в обществе, которое позволяет ему не просто физически выжить (для этого достаточно стада или стаи), но прожить собственную, ни на кого не похожую жизнь. Общество в точном смысле есть связь людей не как «абстрактных индивидов», неотличимых друг от друга, а как индивидуальностей. До этого об обществе можно говорить лишь в условном смысле.

Общественное время и есть время жизни человека как индивидуальности: оно измеряется не числом прожитых лет, а их качеством — тем, что им лично пережито, понято и сделано. Это время не поддается количественному счету: за одно число лет можно прожить самые разные жизни. Человек как индивидуальность живет, следовательно, не в физически конечном, а в бесконечно длящемся времени, сохраняясь (хотя бы в памяти потомков) на все последующие времена: Пушкин — всегда и везде Пушкин, второго Пушкина быть не может. Тем самым в сознание человека входит то, что мы называем «вечностью» или «бессмертием». Без соотнесения с вечностью сознание конечности нашей жизни лишило бы ее в наших глазах какой-либо ценности. Подобную соотнесенность с вечностью мы и осознаем как свободу. Свобода — это то, что позволяет преодолеть временность, конечность земного бытия, избавиться от «плена времени», сохранить себя в бесконечной перспективе временного потока. Свобода всегда считалась уделом тех, кто отстаивал право быть самим собой, индивидуальностью, способной жить вместе со всеми другими, не те-

ря при этом собственного лица. В каком же обществе возможна такая индивидуальность?

Для древних греков, как я уже говорил, примером жизни свободного человека является в первую очередь философ, погруженный в царство чистой мысли и вечных идей (так думал Платон). Свобода философа ограничена, однако, созерцанием и не распространяется на практические дела и поступки. Тех же, кто способен не только мыслить, но и действовать, побуждаемый заботой не о своей личной пользе, а об общем благе, греки называли политиками, относя к ним всех свободных граждан полиса. Позже к политику Аристотель добавит художника, способного бескорыстно наслаждаться чувственной, телесной красотой. Все они являют собой образ жизни свободного человека, не зависящего от жизненной нужды и ею созданных обстоятельств. Им противостоят те, кто занят полезным трудом, либо по собственной воле (земледельцы и ремесленники), либо по принуждению (рабы и домашние слуги), то есть, иными словами, кто действует в силу необходимости физического выживания и воспроизводства или является послушным исполнителем чужой воли. Свобода для греков — привилегия людей, посвятивших себя тому, на чем лежит печать вечности. Если домашний труд есть обязанность рабов и женщин, то свободный человек занят исключительно тем, что может обессмертить его имя, прославить в веках, сохранить в памяти потомков. Время его деятельности есть время не конечной, а вечной жизни, пусть только духовно вечной, но могущей продолжиться в новых поколениях. Тем самым греки впервые открыли то, что получит впоследствии название свободного времени. От них идет традиция высокой оценки этого

времени в жизни человека, только и делающего его свободным. В эпоху Возрождения свободное время получит значение основополагающей гуманистической ценности, высшего блага, доступного человеку. Свобода для гуманистов тождественна наличию у человека свободного времени — оно отличает творца от простого исполнителя, чье время заполнено будничным трудом и домашним хозяйством.

Новое время коренным образом изменит отношение к частной — трудовой и семейной — жизни, выдвинет ее на первое место, сделает основой общества. Частное, ставшее общественным, возвестит о рождении общества в современном смысле слова. Этому соответствовала качественная трансформация общественного сознания: на смену политической науке древних пришла политическая экономия (грекам и в голову не приходило отождествлять общество с экономикой). По точному замечанию Ханны Арендт, сделанному ею в книге *Vita activa*, если греки понимали свободу как свободу человека от труда и домашнего хозяйства, позволявшую заниматься политикой, философией и искусством, а несвободу как власть главы семейства над домохозяевами, слугами и рабами, то теперь свободу станут отождествлять с частной собственностью, а несвободу — с властью государства, которую нужно по возможности ограничить.

Отличительной чертой современной эпохи, эпохи модерна, является победа времени над вечностью. Время, ставшее, по выражению Франклина, деньгами, возвестило о рождении нового — исторического — взгляда на мир, в котором нет ничего вечного и абсолютно-го. «Эпоха модерна», по словам Мишеля Фуко, и есть «век Истории». Здесь время окончательно вытеснит из сознания всякую отсылку к вечным сущно-

стям и субстанциям в их религиозном или метафизическом истолковании. Все трансцендентное утрачивает свою силу. В модерне время летит вперед, ни на чем не задерживаясь, ничему не придавая абсолютного значения. Время, лишенное связи с вечностью, есть безличное время социальных изменений с разной степенью длительности. В современных социологических теориях общественное время исчисляется в тех же единицах, что и природное время, но только применительно к социальным явлениям и процессам. Соответственно оно трактуется как время трансформации социальных институтов и структур, как время жизни вещей, а не людей. Время же человеческой жизни сводится, как и в язычестве, к времени биологической жизни, отождествляемой с жизнью тела, а не духа.

Сегодня, как считает Зигмунт Бауман, все построенные в культуре мосты, соединяющие человека с вечностью, полностью разрушены. Путь в вечность перекрыт для современного человека, и ему остается лишь сосредоточиться на своем телесном существовании, найти в нем смысл и ценность. Забота о теле становится главной заботой современного человека. Наиболее значимым и более всего переживаемым событием человеческой жизни, лишенной связи с вечностью, становится смерть. Во всем видят теперь неизбежную печать смерти, признак надвигающегося конца, приближающейся гибели. Смерть становится главной темой и художественного творчества. История в модерне вроде уже открыта, но еще не стала историей человека в прямом смысле этого слова. Ее можно трактовать как историю цивилизации — государства, капитала, науки, техники, как историю вещей и идей, чего угодно, но только не как историю самих людей.

Высшим достижением эпохи модерна считается создание информационных технологий, превращающих время в объект не только количественного счета, но и управления. В информационном обществе, по словам американского социального философа Дэниела Белла, основной проблемой становится управление временем. В создаваемой средствами массовой коммуникации «виртуальной реальности» человек способен мгновенно переноситься из одного пространства в другое, жить в режиме не природного, растянутого по часовым поясам, а «реального времени», единого для всех, вступающих в коммуникацию. Каналы распространения информации, становясь универсальным средством общения, создают новый тип общества, который видный теоретик «информационной эпохи» Мануэль Кастельс назвал сетевым. Человек живет в современном обществе, будучи включенным в информационную сеть. При этом он вынужден сменить не только привычный для себя образ жизни, но и всю систему пространственно-временных координат. Суть этой трансформации Кастельс усматривает в дроблении «линейного, необратимого, измеряемого, предсказуемого времени» на отдельные фрагменты и куски. Результатом такой трансформации становится не только релятивизация времени или его обратимость, но и смешивание разных времен в любом порядке и контексте. Сетевое общество создает «вечную вселенную», в которой сняты все временные ограничения. Время в Сети Кастельс называет «вневременным временем»: оно позволяет человеку переноситься в любую точку временного потока, безотносительно к его последовательности и лишь в соответствии с побуждениями потребителей и решениями производителей. Такое время «виртуально», пред-

стает в виде одновременности и вневременности. С одной стороны, Сеть обеспечивает «темпоральную мгновенность» передачи информации по всему земному шару, с другой — создает коллаж из разных времен «без начала, без конца и без какой-либо последовательности». Вневременность мультимедийного гипертекста есть определяющая черта современной культуры, формирующая ум и память детей, получающих образование в новом культурном контексте.

Подобную культуру Кастельс называет «культурой реальной виртуальности». «...Эта культура есть одновременно и культура вечного, и культура эфемерного». Вечного — потому что охватывает «всю последовательность культурных выражений», эфемерного — поскольку упорядоченность этих выражений зависит от цели и контекста, в котором существует эта цель. Короче, время предстает здесь не как порядок следования вещей и явлений, их последовательность, а как их вневременность, создаваемая «систематической пертурбацией» этого порядка либо сжатием временных промежутков между событиями до мгновенности, либо нарушением их очередности. А устранение очередности создает «недифференцированное время», равнозначное вечности.

Казалось бы, история достигла своей цели, найдя способ преобразования времени в вечность. Но, как констатирует Кастельс, создаваемая сетями вневременность, или вечность, не отменяет общей для всего модерна логики развития, позволяющей манипулировать временем в интересах капитала и способствующей электронному управлению его глобальными рынками. Преобразование времени в сетях воздействует, конечно, не только на предпринимательскую активность,

Джино Северини. Танцовщица. 1913–1914

но и на рабочее время («гибкий график», большее разнообразие трудовой деятельности, неполная занятость и пр.), но в любом случае сетевое обще-

ство остается обществом «информационного капитализма». Хотя рабочее время благодаря информационным технологиям сокращается и содержа-

тельно преобразуется, оно сохраняет свое значение основного времени общественной жизни. В этом, на мой взгляд, и состоит главное препятствие на пути к свободе в современном обществе.

Итак, основным временем жизни большинства людей в обществе модерна является рабочее время. Это время, которым не распоряжаются по собственному усмотрению, и следовательно, время необходимого, вынужденного труда ради заработка и физического выживания. Труд в рабочее время продиктован не столько личными запросами осуществляющих его индивидов, сколько интересами и целями фирм и корпораций, предоставляющих им работу. Для большинства людей такое положение дел представляется естественным и вполне нормальным, но именно общество, в котором рабочее время является основным временем общественной жизни, предельно несвободно, связывая людей отношениями, правда, не непосредственно личной (как в рабстве или крепостничестве), а вещной зависимости, опосредованной продажей рабочей силы. В таком обществе индивид чувствует себя свободным лишь за пределами рабочего времени — в кругу своих друзей, знакомых и близких. Для многих время, заполненное домашними делами и заботами, намного предпочтительнее того времени, которое они проводят на производстве или на службе. В первом времени они живут, во втором — только зарабатывают на жизнь. И не так уж не прав был Маркс, сказавший как-то, что в современном обществе человек чувствует себя человеком только при исполнении своих животных функций — в еде, питье, процессе размножения и т.д., тогда как при исполнении своих общественных функ-

ций он чувствует себя животным. Общественное и человеческое здесь как бы полностью разошлись друг с другом: человек чувствует себя человеком (то есть свободным существом) только за пределами общества.

О кризисе и даже конце свободы в эпоху модерна написано много книг. Это, пожалуй, главный диагноз, который философия поставила современности. Философская и художественная литература полна самых мрачных предчувствий и прогнозов относительно будущего, ожидающего человечество. Их называют антиутопиями. Просветительская вера в «светлое будущее», над которой в свое время мы весело подшучивали, сменилась верой в мрачное будущее. Посмотрите фильм Алексея Германа «Трудно быть богом», лишенный всякой надежды на лучшие времена. На смену историческому оптимизму пришло чувство исторического пессимизма, которое стало господствующим настроением нашего времени. Само это чувство зародилось, конечно, несколько раньше — еще на рубеже XIX и XX веков. Достаточно обратить внимание на названия наиболее значительных философских произведений на данную тему в этот период, чтобы понять, куда движется мысль: ничего подобного мы не встретим в классическую эпоху. Вот некоторые из них, взятые в порядке простого перечисления: «Сумерки идолов», «По ту сторону добра и зла» (Ф. Ницше), «Понятие и трагедия культуры», «Конфликт современной культуры» (Г. Зиммель), «Закат Европы» (О. Шпенглер), «Проклятая культура» (Т. Лессинг), «Германия и кризис европейской культуры» (А. Вебер), «Восстание масс» (Х. Ортега-и-Гассет), «В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи» (Й. Хейзинга), «Кризис европейского человечества и философия» (Э. Гус-

серль), «Неудовлетворенность культурой» (З. Фрейд), «Конец Нового времени» (Р. Гвардини) и пр. Слово «кризис» в этой литературе столь же значимо, как слово «прогресс» в философской классике.

По констатации большинства философов этого периода, европейская культура тяжело и даже безнадежно больна. Причину болезни будут искать в разных направлениях, но прежде всего в самом обществе, как оно сложилось к тому времени. Согласно «диагнозу нашего времени», поставленному чуть позже немецким социологом Карлом Мангеймом, основные изменения, пришедшие с XX веком, объясняются в конечном итоге тем, что люди стали жить в массовом обществе. С одной стороны, это общество характеризуется высоким уровнем организации, планирования, управления, с другой — сосредоточением реальной власти в руках меньшинства, правящей бюрократической элиты. Социальной базой массового общества являются не свободные в своих решениях и действиях граждане, а скопления безразличных друг к другу людей, сведенных вместе по чисто формальным признакам и основаниям. Массы возникают как результат не автономизации, а атомизации индивидов, чьи личные качества и свойства никем не принимаются в расчет. Они образуются путем включения людей в социальные структуры, функционирующие помимо их сознания и воли, навязанные им извне и предписывающие им определенный способ поведения и действия. Главной ценностью массового общества является не индивидуальная свобода, а власть, которая, хотя отличается от власти традиционной — монархической и аристократической, в своей способности подчинять себе людей, манипулировать их сознанием и волей

намного превосходит последнюю. Люди власти становятся подлинными героями дня, приходя на смену героям прошлого — инакомыслящим, борцам за личную независимость и свободу. Власть в массовом обществе столь же обезличена, деперсонализирована, как и само общество. Соответственно главным орудием власти служит здесь не столько традиционная для старого общества система «надзора и наказания», сколько безличный механизм управления финансовыми и информационными потоками. Кто владеет финансовыми капиталами и средствами массовой информации, являются в массовом обществе подлинными хозяевами жизни. В итоге общество, называющее себя гражданским, оборачивается даже большей, чем раньше, несвободой отдельного индивида. Если Гегель определял историю как «прогресс по пути осознания свободы», то массовое общество предстает скорее как прогресс по пути власти, которая становится все более изощренной и эффективной в своих способах управления людьми.

Отсюда и постмодерн, который я понимаю не просто как особый тип интеллектуального дискурса или художественной практики, но как особое общественное состояние, в котором главным временем жизни становится *свободное время*. Хотя свободное время давно стало общедоступным благом, оно пока не обрело значения общественного времени, является для большинства временем жизни за пределами общества. В лучшем случае оно способствует росту потребительской активности, дает простор настроениям гедонизма и консьюмеризма. На подобное времяпрепровождение работает вся современная индустрия досуга. Время летит здесь с ускоренной бы-

стротой, ни на чем не задерживаясь, ничего не оставляя в памяти, никуда не устремляясь.

Вырваться за пределы этой дурной бесконечности можно путем превращения свободного времени в основное время общественной жизни людей, в меру общественного богатства (в смысле, чем его больше в обществе, тем оно богаче). Но тогда главным богатством становится сам человек. Свободное время и есть время производства человека как «основного капитала».

Человек по-настоящему свободен, когда обретает право свободно распоряжаться временем своей жизни, что дает ему право свободно избирать формы своего общения с другими — современниками, предками, потомками, то есть жить в пространстве всей человеческой истории. Именно свободное время есть подлинное «царство свободы», а что раньше называлось вечностью, присутствует здесь как возможность включения в любую систему связей и отношений.

Подведу краткий итог. Если свобода, как думали греки, позволяет человеку соприкоснуться с вечным и абсолютным, то, спрашивается, как ему дана эта вечность? В мифе вечность располагается позади, в прошлом, в начале всех времен; в мировых религиях — на том свете, за пределами земной жизни человека; в метафизике — в царстве разума или духа; в социальных утопиях — в далеком будущем, а практически нигде, представляя скорее как неосуществимый идеал или несбыточная мечта. В любом случае вечность оказывается за пределами жизни большинства людей, чем-то далеким и потусторонним для них. Потому и

культура, призванная, по мысли З. Баумана, связать время человеческой жизни с вечностью, попадает в конечном счете в ситуацию невозможности решить эту задачу. Это и есть ситуация кризиса. Сам Бауман приходит к выводу, что люди должны научиться жить в

Социальной базой массового общества являются не свободные в своих решениях и действиях граждане, а скопления безразличных друг к другу людей...

другой культуре, где нет никакой вечности.

Но где нет вечности, нет и свободы. Поэтому выходом из культурного тупика является не отказ от вечности и, значит, от свободы, а приобщение к ней в границах самого времени человеческой жизни, какой бы скоротечной она ни была. Важно лишь, чтобы это время принадлежало самому человеку, живущему в нем. Такое время и называется свободным. Это время не свободы от труда, а свободного труда, соответствующего наклонностям, способностям и призванию человека. В свободное время индивид открыт к любой форме общения с прошлым, настоящим и будущим, ко всему, что создано человечеством в плане культуры. Каждый, кто занят трудом в свободное время, хорошо знает, как ему его не хватает: слишком много в него надо вместить. А как сделать, чтобы это время стало временем общественной жизни большинства людей, общественным временем, если угодно, базисом общества, и есть, на мой взгляд, основной вопрос социально-исторической теории, требующий специального разговора.

Дискуссия

Андрей Захаров, редактор журнала «Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре»:

— Коллеги, я очень рад, что вам удалось присутствовать сегодня на этой не лекции, а скорее философской беседе. Совершенно не сомневаюсь, что многие из вас сделали вывод, что философия — не такой уж пугающий предмет. И, с моей точки зрения, это прекрасно. Замечательно также, что это выступление у нас в программе завершает семинар, как своего рода подведение итогов. Потому что мы много с вами говорили сегодня и в предыдущие дни о профессии. В конечном счете всегда возникает вопрос — ради чего все это делается. А делается оно для чего-то такого, что выходит за пределы наших непосредственных каждодневных занятий. Не думайте, что я собираюсь отведенное на дискуссию время потратить на свои рассуждения. Я вас призываю включаться в обсуждение того, что вы слышали, и высказываться. Причем не стесняйтесь, потому что если вы еще не читали Платона — это не поздно сделать.

Наталья Штеле, региональный куратор департамента по развитию цифрового направления и новым медиа aif.ru, Республика Татарстан:

— Вадим Михайлович, спасибо огромное, было очень интересно. Вопрос мой связан с наблюдением из моего короткого жизненного опыта. Вот когда мы хотим что-то создать, прийти к какому-то результату, ну, условно говоря, построить, например, дом. Ведь это ситуация несвободы? — согласитесь. А если мы большую часть своего времени будем посвящать свободному времяпрепровождению, и каждый будет заниматься тем, что выбирает сам, не потеряем ли мы какие-то конкретные измеримые вещи, которые нужно создавать руками?

Вадим Межуев:

— Интересный вопрос. Сначала о том, что считать свободой. Человек, прежде чем что-то сделать, представляет будущий результат в виде некоторой цели. Люди совершают действия, поступки не просто под воздействием некоторой внешней силы (вас, например, толкнули и вы пошатнулись), но ставя перед собой определенную цель — например, построить дом. Целевая причина, открытая еще Аристотелем, и получила в Новое время название «свободного действия». Действие согласно обдуманной цели есть свободное действие. В природе целей нет. Современная наука возникла после того, как природу лишили цели. Если природа движима целями, то природа — живое существо.

Только человек обладает способностью ставить перед собой цели. Потому он и свободен. Но откуда он берет эти цели? На этот вопрос попытался ответить Кант. Цели могут задаваться нам нашей чувственной телесной природой, нашими желаниями и потребностями. Тогда они называются интересами. Действуя во имя собственных интересов, мы также действуем свободно, но в этом случае моя свобода может прийти в столкновение со свободой других. В борьбе интересов кто-то выигрывает, кто-то — проигрывает, и свобода остается привилегией победившей стороны. Кант ставит вопрос — существуют ли такие цели, которые свободны от всякой чувственной заинтересованности? Да — это моральные цели, диктуемые нашим разумом. Человек абсолютно свободен тогда, когда действует исключительно ради морального долга. Ведь в этом случае он действует вопреки своей чувственной природе. Даже когда он рассчитывает на какое-то материальное вознаграждение за свои добрые дела, он уже не морален. Но это, конечно, чистая утопия. Человек не может 24 часа в сутки жить исключительно по правилам морали.

Но зачем человеку вообще дана свобода, ради какой цели? Чтобы построить дом или что-то еще? Животные тоже строят жилища — роют норы, выют гнезда, но для этого им не нужна никакая свобода. И человеку, видимо, свобода дана не просто для удовлетворения своих насущных нужд и потребностей в жилье, еде или еще в чем-то, но и для каких-то более возвышенных целей. Причину всех бед и противоречий существующей цивилизации Кант как раз и усматривал в том, что свободу — этот высший дар, доступный человеку, часто приносят в жертву низменным страстям и сугубо частным интересам (например, достижению для себя большего счастья), то есть используют не по назначению. Конечно, свобода нужна человеку, чтобы лучше жить, ибо природа ничего почти не предоставила ему в готовом виде. Но только ли в этом состоит ее предназначение? Об этом я и попытался что-то сказать в своем выступлении. Какая цель можно считать соразмерной свободе? Я обозначил эту цель как победу человека над властью времени, если угодно, над смертью — пусть не телесной, физической (это дело медицины), но личностной, индивидуальной, как она представлена в пространстве культуры. Человек создан для бессмертия, пусть только духовного, он может выходить за любые временные границы, благодаря наличию у него сознания, совести, чувства прекрасного, и только потому он свободен. Максимальное расширение границ индивидуальной жизни, способное включить в себя всю полноту и богатство человеческих отношений с миром, другими людьми, самим собой, и есть главное назначение свободы. Свободен тот, кто равен не части, а целому. Я понимаю, что не всем доступна такая жизнь, не все могут или хотят жить с таким замахом. Ну, кто не может, проживет обычную жизнь. Но только так можно понять, зачем нужна свобода.

Сергей Михайлов, депутат Государственного собрания — Эл Курултай Республики Алтай:

— Я хочу прочитать мое любимое четверостишие Гумилева.

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей — мгновенна и убога,
Но все в себя вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

Вадим Межуев:

— Можно и так, конечно. Я ведь ничего особо нового не сказал.

Сергей Михайлов:

— Вопрос, а где здесь свобода? Мне кажется, любовь к миру через действия — для этого и нужна свобода.

Вадим Межуев:

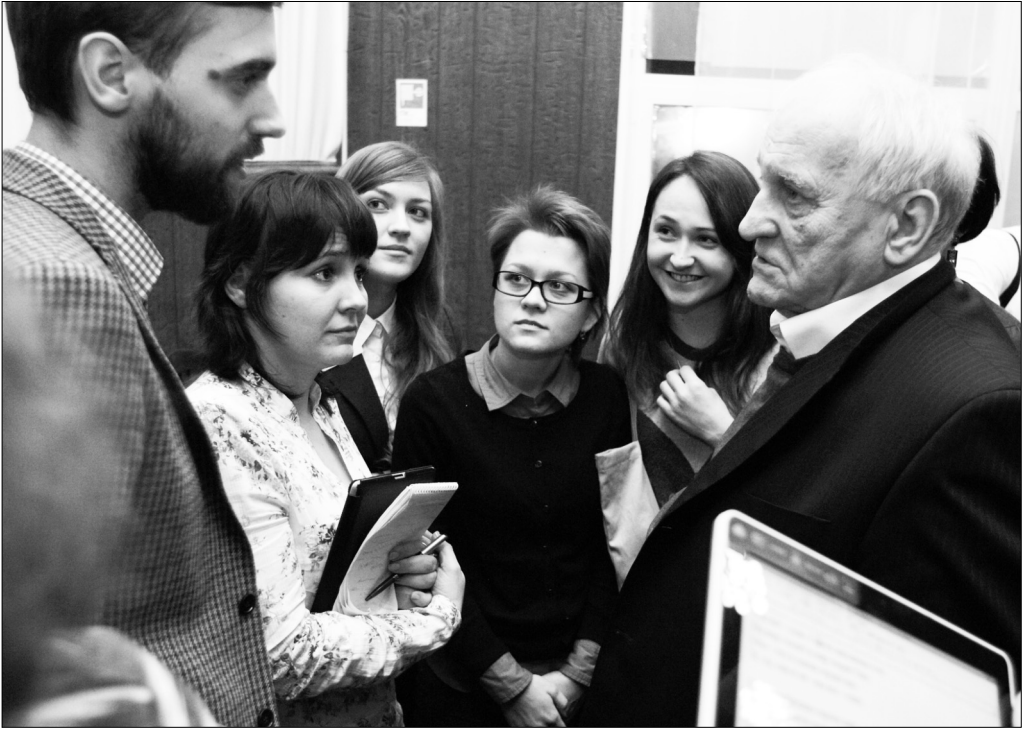
— Без свободы нет ни веры (во всяком случае, христианской), ни знания, но она целиком не сводится к ним. За веру отвечает религия, за знание — наука, ну а свобода в полном объеме находится в ведении философии. Уберите философию, и наука вместе с религией могут стать смертельно опасными для человека, в том числе для его свободы. Ну а без любви ничего не бывает...

Наталья Давыдова, кандидат исторических наук, активист и эксперт Всеукраинской молодежной гражданской организации «Студентська республіка», Киев:

— Я хотела спросить, каким образом можно преодолеть страх перед свободой. Свое желание кому-то принадлежать, и освободиться. Как это победить?

Вадим Межуев:

— Страх свободы... Свобода действительно большое испытание и довольно тяжелая ноша. Она требует от человека самостоятельных решений и поступков и не дает никакой гарантии успеха в достижении желаемой цели. Свободный человек испытывает не только пьянящее чувство радости и счастья, но и проникается сознанием необходимости собственного выбора и взятия на себя личной ответственности за него. Здесь все построено на личном риске. Знаете, что это за состояние? Когда одной ногой стоишь на твердой почве, а под другой пустота. Свобода как бы расположена на пересечении бытия и небытия, она всегда «езда в неизвестное», выход в какое-то никому не ведомое пространство, в котором еще неизвестно, что нас ожидает. Понятно, что многие не выдерживают бремени свободы, предпочитают, чтобы ими руководили и за них решали другие. Можно сослаться на знаменитую книгу Э. Фромма «Бегство от свободы», в которой описан этот феномен. Известны случаи, когда люди, прошедшие долгие годы в неволе, в тюрьме например, не хотят выходить на свободу, боясь ее, не знают, как в ней жить. Боязнь свободы — это социальный инфантилизм, нежелание взрослеть, становится совершеннолетним, выходить из-

под опеки либо собственных родителей, либо патерналистской власти. А в конечном счете это страх перед жизнью со всей ее сложностью, трагичностью и величием. За ним скрывается личная неготовность к тому, чтобы быть человеком в том смысле этого слова, в каком он сформирован всем предшествующим развитием цивилизации и культуры.

Я думаю, страх перед свободой исчезает в ситуации, когда человек начинает испытывать недовольство собой, своей жизнью, окружающими обстоятельствами, когда им овладевает желание что-то поменять в себе и других. Свобода нужна прежде всего тем, кто хочет сам измениться, стать другим, расширить границы своего пребывания в мире. В этом смысле все мы художники. Не обязательно для этого сочинять стихи и писать романы. За нашу жизнь каждый из нас создает хотя бы одно произведение — самого себя. Оно — это произведение — может вызывать интерес у других, а может быть никому не интересным. Можно прожить жизнь, наполненную яркими событиями, впечатлениями и встречами с замечательными людьми, а можно прожить, ничего не узнав и не изведав. Все зависит от нас самих, но при условии наличия у нас свободы, позволяющей строить свою жизнь (а не только дом) по собственному, а не чужому лекалу.

Елена Немировская, основатель Московской школы гражданского просвещения:

— В этой связи вопрос о протестантизме — что это такое?

Андрей Захаров:

— Хороший вопрос, коллеги, учитывая, что осталось минут 5–7 примерно.

Вадим Межуев:

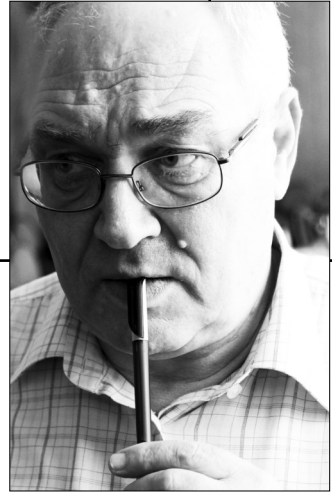
— Скоро у протестантов будет большой юбилей — 1517 год, когда Лютер обнародовал свои знаменитые тезисы.

Протестантизм возник в очень интересной ситуации, которая чем-то напоминает ту, которая сложилась сейчас в России. Примерно тогда были введены в финансовый оборот бумажные деньги, стали возникать первые банки, например знаменитый Дом Фуггеров, описанный во многих исторических сочинениях. А что такое деньги? Деньги должны постоянно расширяться, накапливаться. Лучшее качество денег — их количество. А где они могут расти, если производство — натуральное, работает не на рынок, а на личное потребление или индивидуальный заказ? Они могут расти только в сфере денежного обращения — через кредит, процент, ростовщичество, финансовые спекуляции и пр. В этой ситуации все стало предметом купли-продажи. Началось моральное разложение общества. Деньги, не прошедшие в своем росте цикла производства потребительских товаров, — самые аморальные деньги с экономической точки зрения. Все пошло на продажу. И в этот финансовый ажиотаж включилась Католическая церковь: она стала торговать индульгенциями — отпускала за деньги грехи. Не надо соблюдать обрядов, поститься, каяться и пр. — заплати и очистишься. Для истинно верующих это было прямым поруганием веры, полной дискредитацией церкви. Все эти священники, монахи, весь церковный клир не имеют отношения к Богу, не могут быть посредниками между верующими и Богом. С этого и начал Лютер. Мы угодны Богу, утверждал он, не церковными обрядами и молитвами, а только нашей верой — знаменитое *Sola fide!* («Только верою!»). Человек угоден Богу только верой. Отсюда и другая идея протестантизма. Если в Средние века считалось, что Священное писание доступно пониманию верующих только через его толкование отцами церкви (патристика), то Лютер утверждал что оно открыто для любого ума — «не преданием, а Писанием». В подтверждение этого тезиса он осуществил классический перевод Библии на немецкий язык. И третьим постулатом протестантизма, возведенным Лютером, было отрицание католического догмата о безгреховности Папы. Папа — такой же человек, как и все, и также несет на себе печать первородного греха. Разумеется, протестантизм не исчерпывается лютеранством, имеет много ответвлений, например кальвинизм, но главное в нем — отказ от посредничества третьего лица в отношении между верующим и Богом. Поэтому и протестантская церковь — это не иерархия священнослужителей, а община верующих мирян. Они выбирают старосту, пастора и так далее. Вот что такое протестантизм, если коротко.

К социологической теории морали*

Наше дело состоит прежде всего в том, чтобы понимать. Если сумеем понять, можно строить какие-то предположения о том, что будет дальше.

Ю. Левада

Лев Гудков,
директор Левада-Центра

В русском языке термин «мораль» в советское время подвергся такой же девальвации, что и другие этические понятия — «добро», «грех», «благо», «совесть» и т. п. Убедительнее всего об этом свидетельствовала неудача призывов к общественному покаянию в период перестройки, когда вопрос, кто именно должен каяться (и за что конкретно) приобрел модальность принуждения к публичному признанию вины при отсутствии самого субъекта раскаяния и неопределенности состава преступления. Что сразу же убило саму идею моральной — субъективной — ответственности и превратилось в словоблудие публицистов. Сам факт гибели и страданий миллионов ни в чем не повинных людей при советской власти не подлежит сомнению и признан абсолютным большинством населения в качестве «политического преступления» (хотя доля таких мнений сокращается с каждым годом). Но ответа на следующий вопрос: кто преступник или преступники? — нет. Жертвы есть, оправдывать «необходимость» или «целесообразность» их какими-либо высшими государственными резонами большинство россиян (как и само руководство страны) уже не осмеливаются, но и признать руководство страны «виновником» или дать определение советскому режиму как «преступного»

* Публикуемый очерк является фрагментом большой работы автора «Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе», напечатанной в «Вестнике общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии» (М.: Левада-Центр, 2013, № 3—4).

не хотят от 64 до 68% опрошенных*. И здесь дело не только в инерции сохраняющегося страха. Сегодня уже нельзя сказать, что люди «ничего» или «мало» знают о терроре или у них нет желания разбираться в этом; не возникает самой потребности в осмыслении этих событий, поскольку вынесение моральной оценки логически требует следующего шага: признания «ответственности» действующих лиц или социальных сил (не просто установления «виновников», но и обязательной квалификации их в категориях «носителей зла»). Другими словами, отсутствует, исчезла (если она и была когда-то, что тоже неочевидно) сама способность к оценочному суждению и моральной интерпретации действий людей и текущих событий, прежде всего политической жизни, так как здесь другие масштабы и характер последствий). Поскольку разобраться в том, что произошло за годы советской власти и кто должен нести ответственность за политику государства (деяния, которые в мировой практике после Второй мировой войны квалифицируются как «преступления против человечности», не имеющие срока давности), российское общественное мнение оказалось не в состоянии, страна предпочла эти вопросы не трогать.

Проблема исторической цены преступлений советской власти (террор, массовые репрессии, бесчеловечная растрата человеческих жизней в мирное время) была вытеснена и забыта. И точно так же без этической оценки остаются другие общественно значимые события, связанные с насилием,

такие как расстрел парламента в 1993 году, обе чеченские войны, атмосфера террора на Северном Кавказе во время «контртеррористической операции», несправедливые судебные процессы, имитация выборов и т.п. Получается, что «способность суждения»** или вынесения моральной оценки важнейшим обстоятельствам коллективной жизни, связанным с безопасностью частного, индивидуального существования, отражает степень дееспособности «общества», его интеллектуальный потенциал, средства концептуализации, а они, в свою очередь, что очевидно, зависят от характера его социальной организации.

Сегодня словоряд «мораль», «нравственность» и производные от них чаще употребим в речах высших чиновников и депутатов, а также иерархов РПЦ, приравненных к ним по статусу и назначению. Здесь «мораль» (апелляция к «моральным ценностям») означает ужесточение контроля в сфере социализации молодежи, ограничение прав человека, деятельности оппозиционных политиков, писателей, содержания СМИ, то есть сам по себе контекст высказываний не содержит ничего, что связывалось бы с идеей этической рационализации повседневной жизни и, соответственно, практик методического самоконтроля. В этом плане представления о морали (все равно — светских или духовных функционеров, или большей части населения, принявшего официальный язык власти как часть конструкции реальности) не выходят за рамки требований запретительных мер и дополнительных ограничений, прежде всего по отноше-

* А с учетом тех, кто «затрудняется ответить», то есть уходит от ответа, и все 80—82%. См.: Общественное мнение — 2012. Ежегодник Левада-Центра. — М., 2012. — С. 223, табл. 23, 34.

** Русский перевод этого понятия И. Канта стирает очень важный семантический оттенок: по-немецки это не столько «способность», сколько «сила суждения» — *die Urteilskraft*.

нию к группам, настроенным либерально, а значит, критически по отношению к режиму и поддерживающей его Церкви*. Следование «общепринятым моральным нормам» и «национальным традициям» в данной ситуации означает требование придерживаться правил обрядоведения, внешний социальный конформизм.

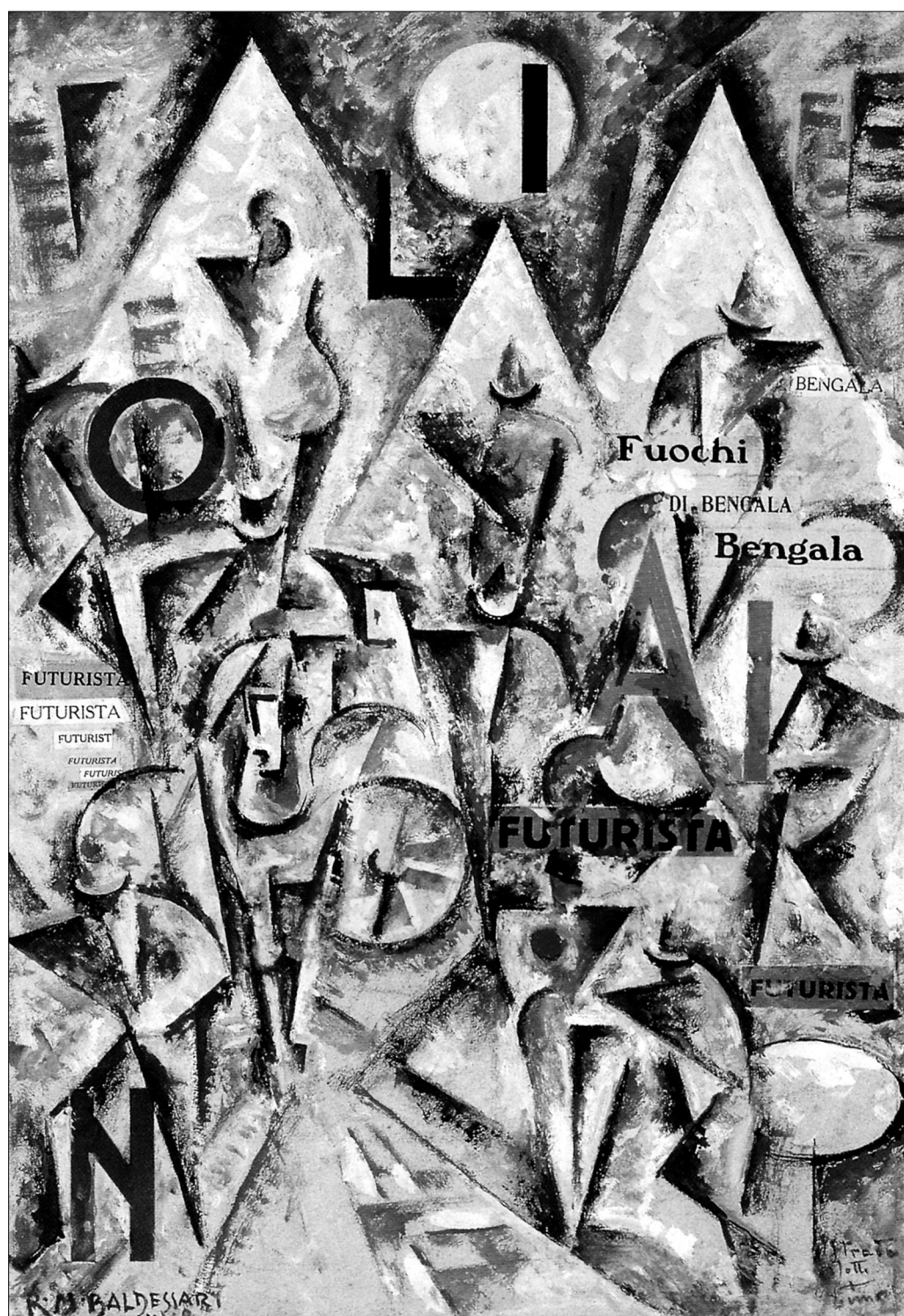
К словам кремлевских политиков о защите общественной морали, физического и духовного здоровья народа, сохранении национального генофонда и т.п. большая часть россиян относится с равнодушием, как и к любой пропагандистской риторике власти. Пропущенная мимо ушей соответствующим пассажи, население тем не менее одобряет принятие строгих мер против «не своих», как покушающихся на сложившийся порядок. Поддерживаются введение цензуры в СМИ и Интернете, репрессии в отношении НКО, законы против «оскорбления чувств верующих» и т.д., но при этом люди решительно возражают против применения к ним самим практики государственного регулирования их собственной частной жизни.

Например, при несомненной лояльности РПЦ большинство россиян высказывает явное несогласие с попытками запрета аборт или навязывания обязательного религиозного образования для детей.

Своеобразие российской ситуации с «моралью» состоит в том, что прежние, досоветские блюстители традиционных нравов были не отделены от сословного порядка, а это значит, что этические представления не могли подвергаться генерализации и универсализации. К абсолютному большинству населения это понятие или система представлений вообще не имела отношения**, поскольку ни о какой «морали» и свободе воли не могло идти речи вплоть до середины 60-х годов XIX века, потому что крепостное право оставляло крестьянина в полной личной зависимости от его владельца, включая место жительства, род занятий, выбор брачного партнера и т.п. Крепостные гаремы, эксплуатация, унижение и прочие особенности этого образа жизни налагали свою неизгладимую печать не только на самих крестьян, но и на сознание крепостников, чиновников и все остальные категории населения. Положение казенных крестьян или купечества, казаков, мещан, безусловно, существенно отличалось от крепостных, но и тут уровень нравственного сознания не поднимался над рутинной традиционного уклада или простого безальтернативного воспроизводства жизни. Только в ходе процессов модернизации (последняя треть или четверть XIX века) моральные нормы стали тео-

* Напомню в этой связи слова патриарха Кирилла о том, что приход к власти В. Путина — «это божье чудо». Simon A.-C. Pussy Riot: Putin und der Patriarch — eine unheilige Allianz // Die Presse, 13.08.2012.

** Само слово «мораль» в русском общественном обороте появляется довольно поздно — оно заимствовано из других языков не ранее 30–40-х годов XIX века и входит в речевой оборот образованного сословия практически одновременно с другими европейскими понятиями модерности, требующими известной интеллектуальной развитости и навыков отвлеченного мышления: «культура», «литература», «история», «интеллигенция» и т.п. К еще более позднему времени относятся попытки рационализировать уже собственно проблематику морали — так, например, «Оправдание добра» Владимира Соловьева написано в 1893 г. Примечательно, что у Соловьева «мораль» — сочетание стыда, сострадания (жалости) и благоговения — внутренне связывается с субъективной свободой индивида и наличием «общества», с преодолением узко понятой обрядовой религиозности и национализма (национальной исключительности и изоляционизма). — См.: Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. — М.: Республика, 1996.

Роберто Ирас Балдессари. Бенгальский фейерверк. 1918

ретически дифференцироваться, отделяться от традиционных предписаний поведения и стандартов идентификации — дворянского, купечески-мещанского, крестьянского, чиновничьего, хотя поддержание «благонравия» осуществлялось по-прежнему: через мнение света («хорошего общества»), исправником и духовенством. Тончайший слой разночинской или интеллигентской столичной публики (даже на переломе веков его можно оценить лишь как 0,002–0,1% от всего населения), конечно, уже представлял собой разновидность носителей возникающей в тот момент общей европейской *модерной* культуры, заметно диссонировавшей с косным и малоподвижным российским социумом. Не случайно процессы модернизации в России воспринимались как крах сложившегося порядка, а сама возникающая субъективистская культура как «декадентство» (то есть как закат и разложение, хотя позже, на фоне уже советской «культуры», она была признана как Серебряный век). Этот болезненный отрыв модерности от традиционализма предопределил всю тематику «великой русской литературы» и искусства, от А. Островского, Л. Толстого и А. Чехова до А. Блока, Саши Черного и акмеистов. Именно в этом узком диапазоне идей и смысловых форм («просвещения», «гуманизма», «человечности») и складывалась проблематика русской «морали», точнее — еще только тоски по моральности, по «правильному» или «настоящему человеку», освобожденному от мертвых прописей религии, от лицемерия общества, от исторически предопределенной провинциальности и т.п. Соответственно, сюжеты в русском романе и повести последней трети XIX — начале XX века определяются конфликтом жесткости старых и слабости новых социальных ролей: темы лицемерия («Господа Головлевы» у Щедрина),

адаптера и женской эмансипации (или, иначе, свободной любви), просвещения без социальной ответственности, скуки (как отсутствие общества, дефицит признания или адекватной социальной gratification), равнодушия, наслаждения в безумии (выход за рамки общепринятой нормальности, например «Черный монах» Чехова), греха, вины, смерти, границ социального статуса или эрозии социальных барьеров, жесткости ролевых предписаний и, наконец, самое позднее — моральности межэтнических отношений.

На формирование этого пласта сознания указывает появление слова «нравственность», содержащее семантический компонент абстрактности качества, обобщенности понятия, отделенности его от этнографических «нравов» и обычаев, воспринимаемых как специфически партикуляристские регуляции коллективного поведения («этоса» в античном или средневековом значении слова). Возникновение такого понятия (представлений) означает, что происходит распад традиции (изначальной слитности субъективных и коллективных значений действия, техники социализации и воспроизводства поведения): *образец действия* отделяется от ситуации и поведения. Это означает — отделение действующего от социальных норм, от нормативной системы группы или института, являющегося внешней инстанцией социального контроля и gratification. Таким образом, происходит не только выделение и умножение социальных ролей: помимо самого актора появляются воспитатель или учитель, хранитель образца (памяти или записей обобщенных норм) и разделение самой реальности на различные сферы или модальные плоскости восприятия, выбора средств действия, суждения, оценки и

т.п. Такого рода элементы дифференциации предполагают дальнейшую специализацию ролей — обучения и социализации, с одной стороны, и поддержания образца, контроля над поведением — с другой. В отличие от примитивных социумов или традиционных сельских сообществ, где обучение (социализация) происходит «от лица — к лицу», от отца к сыну или от матери к дочери, в ходе повседневного проживания или рутинной хозяйственной деятельности (принцип «делай, как я», «так исстари повелось», «не нам менять» и т.п.), в меняющемся социуме появляются специализированные фигуры и социальные роли, репрезентирующие интересы и идейные представления других социальных групп и институтов. Другими словами, единый космос традиционного социума распадается на отдельные социокультурные сферы, стремящиеся к автономности. Это еще не позволяет говорить о «морали» в современном смысле, но дает основания для отслеживания процессов внутренней социальной дифференциации (усложнения системы социальных отношений, социально-ролевой и групповой структуры социума). На ранней стадии этих процессов возможным оказывается лишь внешний социальный контроль и принуждение к

соблюдению групповых норм и порядков, здесь еще нельзя ничего сказать о том, в какой степени эти нормы интернализированы субъектом и стали частью его структуры личности. Здесь нет ничего специфически русского, точно такие же процессы, но только значительно раньше, протекали и в других странах опаздывающей модернизации*.

К настоящему времени проблематика морали, судя по всему, потеряла какой-либо смысл, поскольку российское население не понимает, что за этим стоит, хотя ощущение неблагополучия в этой сфере время от времени проступает в данных массовых опросов**. Ни той духовной работы, которую вели католики в своих странах на протяжении последнего столетия, ни тем более практики протестантской этической рационализации жизни в России не было, что в своем роде «облегчило» процессы деморализации населения, распространения лагерных нравов во время советского массового террора и последующих десятилетий. Какое-то, причем довольно долгое, время (конец 1920-х — начало 1950-х годов) человек в СССР был поставлен в такие условия, в которых в принципе нельзя было говорить о «морали» — любой выбор в условиях массовых репрессий

* См., например, историю понятия *Sittlichkeit* в Германии, близкое по этимологии с русским словом. В России генерализованное понятие «нравственность» начинает употребляться не ранее последней трети XIX века. Это понятие не совсем адекватно европейскому понятию «мораль», но сам процесс универсализации семантики указывает на вектор изменения, на приближение к нему.

** На кризис морали, культуры, неудовлетворительное состояние общественных нравов (в чем бы оно ни выражалось) указали в октябрьском опросе 2013 г. («Самые острые проблемы нашего общества») 30% опрошенных. По мнению 63% (сентябрь 2011 г.), уровень морали (и культуры!) в России за последние 12 лет упал и положение дел в этой сфере ухудшилось (21% считают, что ситуация в этом отношении не изменилась, а 12% — даже улучшилась). За весь период исследований (1989–2013) озабоченность состоянием морали и культуры общества высказывали от 15% опрошенных (февраль 1991 г.) до 31% в 2012 г. Хотя в общем и целом доля таких ответов обычно снижалась в моменты ухудшения экономического положения и повышалась до 26–28% по мере улучшения ситуации, тем не менее общий тренд здесь явно негативный. Чувство стыда за происходящее сейчас в стране испытывают 52% опрошенных (с их оценками не согласны 19%). — Общественное мнение — 2012, с. 22, табл. 3.2.2.

и соответствующей атмосфере был аморален, поскольку субъективно детерминированное нравственное действие влекло за собой конфликт действующего со своим окружением, а значит, и угрозу репрессий или предательства по отношению к кому-либо из близких. За вольную или невольную нелояльность, а тем более сопротивление советской системе или выпадения из нее, наказывался не только сам действующий, но и его семья, коллеги, друзья и знакомые, а часто и вообще посторонние люди. Принудительная коллективная ответственность уничтожила проблематику морали (как целой области культуры и определяемой ею социальной организации), что, соответственно, имело следствием разрушение структуры личности сложного типа и ее последующее исчезновение как социального феномена (хотя, разумеется, уникальные примеры человеческой порядочности всегда можно привести). Дискредитированная большевиками и практикой террора эта тематика («...морально то, что соответствует классовым интересам пролетариата», то есть власти), всерьез не обсуждалась ни советской интеллигенцией*, не об-

суждается и постсоветской публикой, довольствующейся глянцевым гламуrom**.

Мораль у нас обычно путают с этикой как учением о добродетельной жизни. Но суть вопросов морали совсем не в том, чтобы представить аудитории то или иное изложение рекомендуемых норм поведения и предписаний «как жить». Как раз наоборот. Проблема морали выросла из осмысления границ насилия и произвола, из необходимости понять, какими средствами может быть ограничен деспотизм самовласти. А это значит, что в отличие от традиционной тематики «добраго правления» (воспитания суверенного, но просвещенного автократора), упор здесь делается на солидарные действия подданных, не могущих уступить узурпатору свои права, не потеряв часть своего достоинства (утратить образ человека как подобия Бога — мотив, введенный в политическую философию морали прежде всего Дж. Локком).

Необходимость дать ответ на эти вопросы проистекает из логики развертывания проблемных узлов политической философии. После макиавеллиевского анализа прагматизма, необходи-

* Она стала появляться лишь с первыми признаками идеологического разложения советской системы. Неслучаен поэтому столь длительный успех «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, в котором так явно — для советского сознания — поставлен вопрос о предательстве (разрешаемый лишь в условном плане). Справедливости ради следует упомянуть также и усилия немногих писателей и кинематографистов (В. Тендрякова, В. Быкова, Ю. Трифонова, А. Тарковского, Ю. Казакова, В. Шукшина и других), пытавшихся диагностировать саму ситуацию этической антиномии, хотя и без особого успеха быть услышанными. Подступающему кризису советской системы, «перестройке» предшествовало появление произведений, в которых обозначался диссонанс частной морали (личной ответственности) и системы государственного заложенничества и конформизма, по выражению Салтыкова-Щедрина — «круговой поруке снисходительности» (например, в фильме «Остановился поезд» В. Абдрашитова и А. Миндадзе). Сегодня эту проблематику пытается поднять С. Алексиевич (см. ее интервью «Почему мы такие?», данное «Новой газете», № 95 от 28.08.2013, с. 15–16).

** Современное российское искусство (литература, кинематограф) смутно ощущает утрату способности к моральному измерению социального и частного существования (фильм А. Балабанова «Груз-2000», повесть П. Санаева «Похороните меня за плинтусом») и, как правило, не пытается осмыслить этот феномен. Еще раньше, но в менее выраженном виде это почувствовало советское кино («Афоня», «Полеты во сне и наяву»).

Марио Кастаньери. Разочарование. 1930

мого для государя, так или иначе освободившегося от сакрального характера власти или утратившего его, и гоббсовской идеи делегирования (в порядке самоограничения) населением суверенных прав государю, становящемуся таким образом гарантом порядка и безопасности в государстве и только отсюда получающему свою легитимность, неизбежно встал вопрос о том, где пределы суверенитета власти, чем можно, а значит, и должно и следует ограни-

чить абсолютную власть, где гарантии от превращения «доброго правителя» в «тирана» и «деспота» (в духе «Аллегии Доброго правления» Амброджо Лоренцетти).

Мыслители XVII–XVIII веков нашли ответ: в «нравах», обычаях подданных (*morals**). С. Пуффендорф, Дж. Локк (последний особенно много сделал в этом плане) развили эту идею в теорию «естественного права», естественных, то есть прирожденных, присущих

* Слово «*moralis*» (от лат. *moralitas*), касающееся нравов (позднее в контексте философских рассуждений — нравственный), изобретено Цицероном для перевода аристотелевского понятия «этический» (производное от «этнос», которое первоначально означало место совместного проживания, жилище, позднее — связь сущности /природы/ явления или характера человека с образом его жизни, нравом, обычаем, темпераментом, поведением. «*Mores*» множественное число от *mos*, означающее примерно то же, что и греческое «этнос», а именно нрав, обыкновение, обычай; во множественном числе — нравы, характер, образ жизни, поведение, свойство, природа, но также — правило и предписание, крой и мода). У Аристотеля «этическое» получило специфическое значение, став синонимом особых качеств характера человека, не сводимых ни к природным свойствам тела, ни к способностям ума, качеств, описывающих добродетельное ведение жизни, а «этика» — наука о добродетелях и, соответственно, знание о различении доброго и плохого. В таком нормативном виде «этика» вошла в историю европейской философии, в отличие от морали, которая скорее фиксировала «реальные», предметные особенности поведения.

самой природе человека, не социальных, а потому — не могущих быть отмененными или не признаваемыми, а значит — упраздненными, *неотчуждаемых* прав человека (в его качестве подданного и позднее — гражданина). Но Т. Гоббс, Ш. Монтескье, Дж. Локк, Ж. Руссо внесли в это представление и понятие еще некоторые смысловые компоненты: естественное право как барьер против узурпации власти и беспричинного насилия они усилили *принципом разделения властей*, что должно было служить средством минимизации опасности узурпации власти (благодаря взаимному ограничению властных институтов) и необходимым минимумом солидарности *в виде общественного договора* граждан и государства. Границы произвола очерчивались признанием неотчуждаемых прав человека, а именно права на жизнь, на свободу, здоровье, собственность и в некоторых случаях, помимо уже перечисленных сдержек, сюда вводилась еще идея справедливого (независимого) суда. Позднее они были положены в основу американской, а затем и других западных конституций. Тем самым понятие естественного права получило еще и социальный, политический (кон-

структивный) смысл, теряя вместе с тем связь с семантикой традиционных нравов, социальной или территориальной локализацией, «этнографичностью» и приобретая гораздо более общий, метафорический характер, что собственно и стимулировало процессы универсализации моральных представлений.

Философская фикция «естественных прав» или морали была, таким образом, в определенной части реализована в законодательстве и других публичных и государственных институтах демократии. «Правовое государство» выросло из «нравов» городских обывателей и опиралось на моральную оценку власти и законов. Наиболее завершенный вид эти философские идеи (моральные основания политики и права) нашли в изложении И. Канта*. Из его трактовки этих вопросов следовало, что нормы закона, не опирающиеся на «нравы» или не соответствующие моральным представлениям (принимающим в данном случае форму идеи «справедливости»), воспринимаются в современном обществе как непродуктивные и неэффективные**.

Как и другие институты современного социума (искусство, история, наука,

* См.: Кант И. К вечному миру. Соч. в 6 т. Т. 6. — М.: Мысль, 1966: «Мораль уже сама по себе есть практика в объективном смысле как совокупность безусловно повелевающих законов, в соответствии с которыми мы должны вести себя; и после того как признан авторитет этого понятия долга, явно нелепо утверждать, что это невозможно (с. 289–290). ...Народ должен объединиться в государство в соответствии с одними только правовыми понятиями свободы и равенства. И этот принцип основан не на благоразумии, а на долге. ...Только общая воля, данная априори... определяет, что такое право у людей (с. 299). ...Истинная политика, следовательно, не может сделать шага, заранее не отдав должное морали, и хотя политика сама по себе трудное искусство, однако соединение ее с моралью вовсе не искусство, так как мораль разрубает узел, который политика не могла развязать, пока они были в споре. Право человека должно считаться священным, каких бы жертв это не стоило господствующей власти. Здесь нет середины и нельзя измышлять среднее прагматически обусловленного права (нечто среднее между правом и пользой (с. 302).

** Наиболее полно это демонстрирует российский опыт советского и постсоветского времени. Формально прописанные нормы права (объективность позитивного права) и даже Конституции в этом случае легко обходятся властями, порождая практику избирательного правоприменения и несправедливого судопроизводства. Но точно также — и обывателями, вынужденными решать свои проблемы в обход решений власти.

нуклеарная семья, школа, фабрика, массовые коммуникации), мораль — своеобразный продукт западного мышления нового времени, родившийся из переключки философов, мыслителей, теологов, историков и литераторов из разных стран Европы. Названный круг проблем окрашен чисто европейскими коллизиями и историческими примерами. Мораль — результат секуляризации традиционного христианского миропорядка и эмансипации отдельных сфер знания и норм внутри иерархического, сословного социума. В этом плане «мораль» остается ограниченной пространством европейской, христианской по своему генезису, культуры. Но общность происхождения не означает единства форм или смысловых структур*. Безусловно, можно найти множество функциональных аналогов «морали» как систем этической регуляции в других цивилизационных или культурных ареалах, таких как конфуцианская этика поведения и взаимодействия с людьми из разных сословий или слоев в Китае, или индуистская система правил кастового поведения в Индии и т.п. Но все это будут именно *аналогии* соответствующих функциональных образований (норм, ценностей, принципов). Вытекающие из них *формулы рациональности* (соединение идей и социальных интересов, то есть требований, вытекающих из отношений господства, производства и распределения, коммуникации и т.п., определяющих практическое приложение моральных постулатов) будут иметь совершенно отличную от европейской содержательную архитектуру смыслов и референций,

другую метафизику. А это, в свою очередь, означает, что связанные с ними внешние институциональные формы социальных организаций или групп, которые принимают на себя задачу поддержания этической регуляции социальных отношений, их рационализацию (систематизацию и проработку, связь с другими институтами — структурами господства, семьи, экономики, права и проч.), будут существенно различными.

В этом плане утверждение о том, что в любом социуме можно обнаружить все компоненты структурно-функциональной парадигмы (в том числе и мораль), верно лишь с учетом высокой степени генерализации типологических сравнений. Но такие суждения оказываются малопродуктивными, когда мы обращаемся к анализу и описанию конкретной страны и ее истории. Общая теория имеет границы адекватности (ее нельзя использовать для непосредственного применения к задачам эмпирического исследования, ее назначение — соединение теорий среднего уровня, относящихся к отдельным предметным регионам). Поэтому бессмысленно пускаться в эмпирическое изучение «морали» или ее институциональных аналогов, не описывая источников моральных представлений и социальных групп, поставивших себе задачу внесения морали в неморальное пространство повседневности. Более плодотворным видится мне подход, предлагаемый и реализованный Максом Вебером, который дал поражающие воображение примеры исследования влияния высокорационизированных этических учений, порожденных мировыми религиями и отдель-

* Не случайно М. Шелер в своей работе «Рессантимент в структуре моралей» использует именно множественное число, тогда как в русском языке «мораль» допускает употребление только единственного числа. Нормативное сознание не предполагает какой-либо сложности и многообразия регулятивных структур, ограничивая тематику жестким набором социальных предписаний.

ными сектами, на повседневную жизнь в таких сферах, как право и господство, музыка и секс, экономика и социальная стратификация и т.п.

Это соображение — укорененность «морали» в смысловых коллизиях европейской культуры, особенности ее генезиса — следует учитывать и при анализе логической структуры моральных представлений (главным образом, при описании социальной организации общественного контроля). Сам по себе подобный «учет» должен исходить из понимания тех ограничений, которыми мо-

гут характеризоваться этические аналогии морали в других ареалах. Но для нас в данном случае важнее подчеркнуть, что сами понятия — мораль, свобода, справедливость, собственность — оказывались символическими структурами (трансцендентальными категориями, ценностями), соединявшими существование индивида (его семьи, группы) с образованиями более высокого уровня социальности: с локальным или региональным сообществом (городом, землей) или с «народом» как гражданской (а не этнической) общностью, нацией и, наконец, с обеспечивающими их государственными институтами. Последнее предполагает дополнение этой идеи включением сюда исторических представлений о происхождении национальной общности, то есть наполняет это символическое образование конкретными примерами событий, оказывающихся основанием коллективных ритуалов воспроизводства «общей памяти».

Именно мораль (нравы) соединяет групповые интересы и идеалы, ставя пределы индивидуальному произволу.

Именно из внутренних ограничений субъективной активности рамками «общего блага» рождается дух солидарности, который лежит в основе западноевропейской демократии. Характерно, что основатели американской демократии, авторы ее Конституции, были по

Понятие общего блага предполагает такие блага, ценности, в которых заинтересованы «все», которые распространяются на «всех», а значит — не вступают в конкуренцию или в противоречие с частными интересами и представлениями

сути именно моралистами, идеалистами, видящими Конституцию как проективную структуру государства, результаты которой должны проявиться лишь в будущем. Они закладывали основы общественного порядка прежде всего для своего потомства, для обеспечения его свободы, безопасности, спокойствия и благополучия (и одновременно — видели в ней пример, образец решения проблем для всего человечества).

Таким образом, мораль представляет тот уровень само собой разумеющейся, социальной, бесспорной регуляции, когда люди не спрашивают, почему и как. Это — совокупность конвенциональных норм, которая определяет ориентированность и границы такого поведения и отношений людей между собой, с властью, с другими институтами и группами, социальными организациями, несомненность правил поведения. Но — в отличие от традиции, обычая, привычек, санкционирующих поведение через отнесение к «всегда так было», в лучшем случае — к содержанию предания, легенде, мифу,

и поэтому сопровождаемых безусловным ограничением «изменять нельзя», следует «держаться заведенного порядка», «не нам менять то, что было» и т.п., — моральная регуляция включает в себя соотнесение с генерализованным уровнем общих значений: идеей общего блага и «высших интересов».

Понятие общего блага предполагает такие блага, ценности, в которых заинтересованы «все», которые распространяются на «всех», а значит — не вступают в конкуренцию или в противоречие с частными интересами и представлениями. Они не образуют поля игры с нулевой суммой, при которой одни выигрывают, а другие теряют или проигрывают. Другими словами, общее благо — это такой тип ценностно-рационального действия, которое увеличивает совокупный баланс приобретений — безопасности, достатка, удовлетворенности жизнью, заботы о других, солидарности и достоинства отдельных индивидов и всех членов вместе.

Примером такого блага может служить «национальное государство», проводящее политику защиты национальной культуры, повышения уровня массового образования, медицины, солидарности поколений и проч., или правозащитные, гражданские организации, или любые формы благотворительности, общественной самоорганизации (например, НКО), не направленные против интересов других групп.

Этот уровень регуляции может быть (содержательно) легитимирован и обоснован самым разным образом: религиозно, через рационализацию божественных заповедей и предписаний, либо светски и метафизически —

какой-то рациональной этикой, или, допустим, сословно — честью и достоинством особой группы (в ее отличии от других групп). Но мораль современного (модерного) общества в данном случае апеллирует к идее (ценностям) «общего блага», не блага частных существований, а именно блага для всех (!), *а потому* — идеального (обобщенного), внеповседневного — «высшего интереса» «всех», «общества».

Понятая таким образом, мораль (регулятивная система) является предпосылкой самоконституирования общества как системы социальных взаимоотношений, основанных на солидарности и взаимных интересах (то есть не имеющих и не предполагающих отношений господства!).

Безусловно, система власти (господства) является неременной частью социальной системы социума в целом, но было бы ошибкой (распространенной в посттоталитарных и авторитарных странах) отождествлять социум и общество (а тем более государство и общество) как специфический тип социальной структуры.

Мораль в этом смысле является предпосылкой и условием формирования представительной системы власти (ограничения пределов суверенитета господства и предупреждения перерождения власти в деспотический произвол), с одной стороны, с другой — высшим, идеальным регулятивом деятельности бюрократии. «Общее благо» — это квинтэссенция этики служебного долга бюрократии, условие ее технического функционирования («без гнева и пристрастия»), строго формально и исключительно в рамках установленной компетенции чиновника.

Знакомим читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Петр А. Свитальский. Путь к Пангее: международная политика в эпоху «глобализационной конвергенции». Перевод с польск. яз. (Piotr A. Światalski. Droga do Pangei: polityka międzynarodowa szasu «globalizacyjnej konwergencji»). Wydawnictwo Adam Marszałek, 2011). — М.: Московская школа гражданского просвещения, 2013. — 200 с.

Автор, профессиональный дипломат, международный политик высокого ранга, подвергает в этой книге критическому анализу ключевые особенности мирового порядка после окончания холодной войны. Главная констатация — международное сообщество становится все менее управляемым, а геополитический тип мышления и действий — все более неэффективным. Растущая мощь Востока, цивилизационные, социально-экономические и политические проблемы Запада, «индивидуализация» мира, усиление влияния эмоций, национальных кодов, ментальных ориентаций общества требуют от элит радикального переосмысления логики управления мировыми процессами. Особенно острой автор считает задачу реинтерпретации роли Европы в мировых событиях. Простых решений не будет, констатирует автор. Ясно одно: соединить фрагменты пазла многополярного мира в гармоничную картину символического континента «Новая Пангея» способен нарастающий процесс «новой глобализационной конвергенции».

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОШМАРЫ ЕВРОПЫ

Осью мировой геополитики — не только в ее классической маккинде-ровской трактовке — до сих пор в основном была Европа, потому что и вся мировая политика сосредоточивалась на Европе. Как расцвет Европы, так и ее возможный упадок обосновывали геополитикой.

Существует множество теорий, объясняющих причины цивилизационного успеха Европы. Самая геополитичная из них принадлежит перу американского историка Пола Кеннеди, который считает, что причиной «европейского чуда» была политическая раздробленность Европы на пороге Нового времени (более того, даже во времена Римской империи Европа не была чем-то вполне единым). У этой раз-

дробленности Европы были свои источники в географических условиях — в отсутствии широких равнин, в густой сети рек, в множестве горных цепей, изолированных долин и затрудняющих сообщение густых лесных массивов. В Европе, как мало на какой-либо другой территории, распространение политического контроля было трудным и дорогостоящим занятием. Разнообразный рельеф не способствовал централизации власти, что позволило сохранить национально-культурное многообразие. Многообразие же климатических зон, в свою очередь, способствовало диверсификации экономики, которая требовала развития транспортной сети, торгового обмена и стала источником благосостояния.

Политическая раздробленность, в свою очередь, вела к соперничеству, которое порождало конфликты. Вооруженные конфликты давали толчок гонке вооружений, то есть финансово-организационно-технологическому прогрессу, так как быстро стало очевидным, что способность концентрировать качественные ресурсы — ключ к победе. Короче говоря: ключом к цивилизационному успеху Европы были войны, а западная цивилизация — это цивилизация войны.

Сегодня термин «цивилизация войны» смело можно назвать оксюмороном. Европейская интеграция опирается на убеждение, что цивилизационное развитие должно быть устремлено к отказу от войны и насилия как способа решения споров. «Постмодернистская», мирно решающая споры Европа, таким образом, является отрицанием своих собственных корней, если согласиться с тем, как их представил Кеннеди.

Поэтому европейская «цивилизация войны» в логическом развитии пришла к этапу, когда прогресс и благосостояние уничтожаются войнами, а последствия конфликта оказываются плачевными даже для победителей. Первая мировая война перебила хребет победительнице — Франции. Вторая — вырыла могилу Британской империи, отбросила Европу в плане ее влияния на многие годы назад, отдала ее в руки двух внешних по отношению к ней держав — Америки и России.

Европа рассталась с войнами, и сегодня она считается чем-то вроде символа пацифистской ментальности (будто она родом с Венеры, а Америка — с Марса).

Малоконструктивная теория, выводящая «европейское чудо» из конфликтов и войн, тем не менее может настойчиво искать подтверждение в современном уровне европейского влияния на мир. Отказавшись от традиции войн, Европа отошла на задний план мировой политики. Ее влияние год от года слабеет. Не сдержала этот процесс и концепция «мягкой силы». Не принесла удовлетворения и идея Европы как образца постмодернизма. Европе все труднее бороться за право голоса в мире. Трудность проистекает, разумеется, из того, что она редко обращается к миру с общеевропейских позиций. Но даже если это все-таки общий голос, звучит он порой так невнятно, что ничего удивительного, что его не слышат. Кроме того, в мире растет

убежденность, что в мировых организациях слишком много европейских представителей. Так, например, реформа МВФ состояла прежде всего в сокращении европейского представительства в процессе принятия решений. И здесь следует обратить особое внимание на позицию Америки. С одной стороны, она призывает Европу активнее участвовать в мировых процессах, особенно когда речь идет о военных акциях, с другой стороны, американцы выступают в защиту пожеланий стран Юга о сокращении занимаемых ныне европейскими странами мест в международных организациях, влияющих на принятие решений. Во время дискуссии о реформе СБ ООН в 2004–2005 годах американцы из всех сил поддерживали притязания Японии на место постоянного представителя в Совете (сегодня президент Обама с таким же энтузиазмом поддерживает Индию), но уклонились от прямой поддержки кандидатуры Германии.

Мерой истинности теории является ее пригодность для прогнозирования будущего, но представленный П. Кеннеди анализ краха империй, в котором за два года до распада СССР не просматривалось признаков приближающегося конца советской империи, несомненно, ослабляет и его тезисы о прошлом. Слаба та теория, которая при попытке объяснить прошлое совершенно неспособна предсказать будущее. Во всяком случае вывод автора о том, что геополитика через войны вывела Европу на передовые позиции, не вполне убедителен.

В привлечении геополитики для объяснения тайн развития цивилизации Кеннеди не одинок. По его стопам пошел, в частности, историк из Стэнфорда Йен Моррис. Он исходит из того, что цивилизационное господство Запада не было исторически предопределено и что дано оно не навсегда. Судьбы мира, считает он, детерминированы географией и представляют равнодействующую индивидуальных усилий простых людей, которые должны как-то противостоять климатическим изменениям, голоду, миграции, болезням и крушению государств (пять всадников Апокалипсиса, определяющих участь человечества). Но без давления нет и перемен. Изменения, в свою очередь, являются результатом деятельности «ленивых, жадных, испуганных людей, которые ищут более легкие, более доходные и безопасные способы жизни. При этом люди редко до конца понимают, что они на самом деле делают» (аксиома Морриса). Поэтому Моррис исповедует принцип, что судьбу предопределяют «географические карты, а не люди» (*maps, not chaps*), поскольку речь идет не столько о людях, сколько о ментальности общества, хоть и избегает объяснять европейский успех фактором войн. Однако интересно, что, предсказывая будущее, он предрекает конец геополитическим переделам. В перспективе ближайших ста лет прогресс в информатике и биоинженерии приведет к такому радикальному изменению человеческой цивилизации, что цивилизационно-географические деления, особенно деление на Восток и Запад, станут постыдным анахронизмом.

Поэтому если геополитика в состоянии разобраться с прошлым Европы, то с объяснением будущего у нее проблемы.

Томас Грюнфельд. Неудачник. 1997

Тем не менее геополитическая вивисекция Европы возвращается при каждом более или менее серьезном кризисе. Греческий бюджетный коллапс 2010 года вызвал многочисленные спекуляции, что, дескать, дело в чем-то большем, чем легкомысленная финансовая политика. Это была понятная реакция. Людям присуща склонность к необоснованно расширительному поиску причин кризисов.

Поэтому греческий кризис должен дать понять, что в Евросоюзе существует глубокая геополитическая трещина. Кризис доказывает, считает Роберт Каплан, что даже столь амбициозный по своему объ-

единительному потенциалу проект, как Европейский союз, не в состоянии упразднить географию как силу судьбы.

К Греции добавили Португалию, Италию и Испанию в качестве стран «особого внимания» (так называемая группа PIGS*) и попытались создать миф средиземноморского синдрома, подпитываемого исторически-геополитической обусловленностью. Европа в этой трактовке делится на предприимчивый, предусмотрительный и благоразумный Север и этатистский и автократический Юг. Деление Европы на Север и Юг имеет трехсотлетнюю традицию. На Севере, мол, живут упорные, трудолюбивые и лишенные идеализма люди. На Юге — легкомысленные и счастливые, проявляющие больше интереса к приятному досугу, чем к труду. А причиной всему климат. Но, как замечает Дэвид Лэндис, «такие стереотипы содержат зерно правды и горы умственной лени».

Трудно найти более яркое доказательство инертности геополитического мышления, чем попытка углядеть в финансово-бюджетных трудностях отражение географического положения, особенностей ландшафта, плодородия почвы, наличия выхода к морю. И это в эпоху, когда темпы экономического развития некоторых государств потеряли связь с геополитической детерминантой. В основе деления Европы на Север и Юг находится геополитическая регионализация (средиземноморский макрорегион), хотя исторически это деление никогда существенным образом не проявляло себя в политических отношениях на континенте.

Если в политическом отношении Европа и была разделена, то разлом проходил (еще с римских времен) скорее по линии Восток—Запад. В греческом финансовом кризисе этот раздел был снова воскрешен: кризис заставил Грецию осознать неизбежность культурного и цивилизационного возвращения к балканскому Востоку, из которого после Второй мировой войны ей удалось вырваться, счастливо избежав советского коммунистического господства.

Историко-географическая гипотеза должна проявляться также в прогрессирующей диверсификации развития бывшей Восточной Европы вдоль линии разделения между прусско-габсбургскими влияниями, с одной стороны, и османско-византийским наследием — с другой. А поскольку самой важной скрепой Европы является транспортный путь по Рейну и Дунаю, самая большая ответственность за сплочение Европы ложится на Германию. Таким образом, геополитику впрягли в сознание Берлина, чтобы он спасал греческие финансы. Логично и точно европейские геополитические разделы несколько портит тот факт, что финансовый кризис накрыл также «северную» и одновременно «западную» Венгрию и что еще более трудную ситуацию переживала в 2010 году «северная» Ирландия. Примеры можно множить.

* Аббревиатура, введенная журналистами и финансовыми аналитиками. Состоит из первых букв названий входящих в проблемную группу стран. Также означает в англ. языке «свиньи». — Прим. ред.

* * *

Считается, что старую европейскую геополитику похоронил Евросоюз. Первоначальным импульсом к европейской интеграции стало упорное желание предотвратить конфликты в Европе. Интеграция строилась на основе счастливой логики, невзирая на религиозные, культурные, языковые и исторические различия (или же вопреки им). А преодоленный 1 мая 2004 года Евросоюзом рубеж* стал еще одним гвоздем, забитым в крышку гроба европейской геополитики. Разумеется, мы можем рассуждать, приобрел ли этот процесс необратимый характер. Каждый кризис, а нынешний в особенности, заставляет с большой осторожностью относиться к необратимости. Кризис пробуждает национальный эгоизм, а там, где появляется национальный эгоизм, там есть место для геополитического мышления. Европа не исключение в этом отношении. Нечто абсолютно невообразимое — крах евро и развал Евросоюза как его логическое следствие — стало вполне мыслимым.

Казалось, что глобализация исключила возможность черного для Европы сценария. Однако по мере ее развития движущая сила европейской интеграции вышла за границы Европы. Главным фактором стимулирования прогресса европейской интеграции стали глобализационные вызовы — от потепления климата и миграции до терроризма. Однако в основе глобализации лежит парадокс: чем более интернационализует она экономическую политику и снижает степень суверенности, тем сильнее становится давление общества, направленное на создание национальных гарантий от неконтролируемого распространения проблем в лишенном границ глобализованном мире. Чем глубже кризис, тем сильнее это давление. Вряд ли найдется такое правительство, которое в преддверии выборов не уступит общественному давлению. Но используя национальную риторику, любой солидный политик (во всяком случае их большинство) понимает, во что обойдется европейским странам ренационализация политики. Так что Европа всегда возьмет верх, что, впрочем, не значит, что в ходе интеграции какой-нибудь участник не отпадет от процесса или что сам процесс слегка не замедлится. Так или иначе, в Европе стало невозможным возвращение к геополитическим механизмам руководства и влияния.

Географическая карта, а не люди, твердят сторонники геополитики. Но не везде и не всегда. И тут стоит привести пример шведов, чтобы проследить зависимость национальной ментальности от внешних, в том числе географических, условий. Шведы оказываются прекрасным примером силы национального характера, которая делает влияние политики и государственного устройства вторичным и незначительным. Было проведено сравнение уровня жизни шведов, живущих на родине, с уровнем жизни шведов в Соединенных Штатах на протяже-

* 1.05.2004 г. произошло самое крупное расширение ЕС на восток. В Союз были приняты Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония. — Прим. ред.

нии ста лет. И оказалось, что только 6,7% американцев шведского происхождения живут бедно. Доля шведов-бедняков, живущих у себя на родине, подсчитанная по той же методике, составила те же 6,7%. Несмотря на то что две обследованные группы жили в совершенно различных условиях — географических, исторических, политических, экономических, способность к созиданию благополучия — устойчивая, закодированная в национальном характере черта. Аналогичные наблюдения относятся к состоянию здоровья и долголетию. Шестьдесят лет назад шведы жили на 2,6 года дольше американцев. Сегодня, несмотря на разную социальную политику в двух государствах, в том числе и в корне различающиеся системы здравоохранения, шведы живут на... 2,7 года дольше, чем американцы.

На этих наблюдениях основывается вывод: политический выбор имеет второстепенное значение, а решающую роль играют национальная идентичность, культурные особенности, характер семейных и других социальных связей, трудовая этика.

В соответствии с этим мнением, пропасть в экономике и благосостоянии, которая стала разделять ФРГ и ГДР с каждым годом политического раздела, имела своим источником не те различия, которые диктовала специфика строя, а различия ментальности у немцев восточной и западной частей Германии. (Заметьте, что сравнительные исследования средней продолжительности жизни в ФРГ и ГДР показали, что в середине 60-х годов примерное равновесие в этом отношении стало меняться в пользу ГДР, что было связано с более качественной системой здравоохранения, снижением младенческой смертности, но с середины 70-х годов обозначилось превосходство ФРГ над ГДР, которое затем стало расти). И трудности, возникшие после объединения Германии, проблемы различия между ее восточной и западной частями, не являются следствием исключительно масштабов того ущерба, какой нанес Восточной Германии социализм.

Мало кого такая логика в состоянии убедить. Она неуклонно вела бы к стереотипизации восприятия отдельных национальных черт, даже к еще более шокирующим в политическом плане выводам, которые вступали бы в конфликт с тем, что мы наблюдаем сегодня. Глобализация может изменять облик народов: одних в большей мере, других — в меньшей, но в любом случае так, что все более и более будут меняться наши традиционные представления о них.

Когда осенью 2010 года европейский гуманизм сдавал экзамен в отношении проблемы цыган*, в комментариях было много отрешенной покорности. Говорили, что интеграция цыган — трудная задача, решение которой потребует долгих лет. Тем временем в Соединенных Штатах, при немалой численности популяции цыган, их интеграция не рассматривается как проблема.

* Решение президента Франции Н. Саркози депортировать из страны примерно 800 румынских и болгарских цыган, живших в нелегальных лагерях, вызвало резкие протесты и острую полемику в политических и правозащитных кругах ЕС. — Прим. ред.

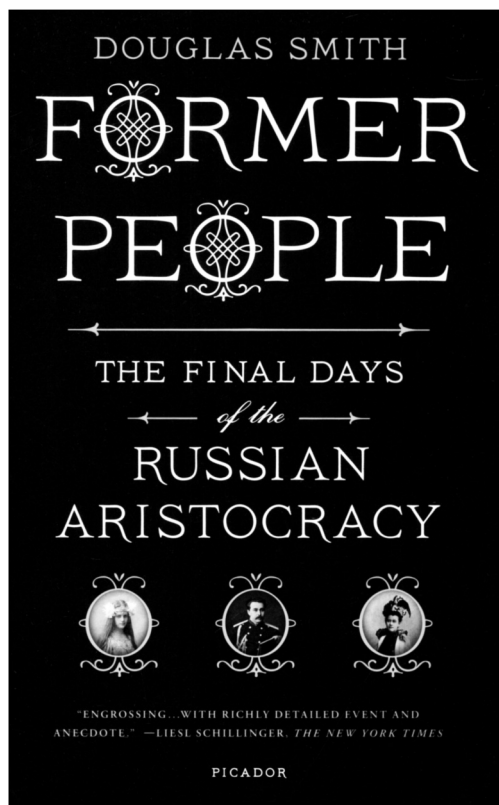
История глазами проигравших

Smith, Douglas. *Former People: The Final Days of the Russian Aristocracy*. — New York: Picador, 2012. — 464 с.

Что стало с теми, кто проиграл революцию 1917 года? Под конец советской эпохи и в постсоветское время в российской культуре проснулось любопытство к эмигрантской литературе, белому движению, к русской зарубежной мысли. С носителями культуры, «забравшими Россию с собой», хотелось воссоединиться. А что с теми, кто решил разделить судьбу страны и отказался бежать из СССР?

Историю пишут победители — это почти всегда так, но в России это обстоятельство осознается с удивительной ясностью. Американский историк Дуглас Смит, работая в московских библиотеках, обнаружил, как мало изучены судьбы тех русских, кто был «всем» в имперской России и стал «ничем» в России революционной. Тех, кто стал свидетелем полного уничтожения целого мира, основанного на власти и величии самодержавия.

В основе документально-исторической книги Смита «Бывшие люди» — послереволюционная жизнь многочисленных ветвей двух аристократических семейств, Шереметевых и Голицыных. Графы Шереметевы — один из самых богатых родов дореволюционной России. Этой семье, в частности, принадлежал Фонтанный

дом в Санкт-Петербурге, имения Кусково и Останкино в Москве. Князя Голицыны — самый многочисленный аристократический род России, возможно, по этой причине и не пресекшийся до сих пор. Несколько представителей этих семей остались в России после 1917 года.

Судьба либерала. Князь Владимир Михайлович Голицын (1847–1932), московский губернатор и городской голова, родился во Франции, учил

русский язык в сознательном возрасте, но стал одним из выдающихся патриотов и либерально мыслящих чиновников.

В 1860-е Голицын был энтузиастом Великих реформ, в 1880-е служил московским вице-губернатором, а позже губернатором и приложил руку к модернизации инфраструктуры города: при нем строилась первая электростанция, первая телефонная станция, первые водоочистные сооружения. Позже, в начале XX века, в качестве избранного городского головы Голицын способствовал созданию музея на основе коллекций Павла Третьякова, развивал трамвайное сообщение, начал изучать возможность прокладки метро.

В конце 1904 года князь Голицын возглавил оппозиционно настроенную часть Думы и обратился к царю с конституционными требованиями. Выйдя в отставку в 1905-м, Владимир Михайлович занимается благотворительностью, развитием образования. После 1917-го остается в Москве, подвергается многократным арестам, высылается из Москвы и умирает в Дмитрове.

Судьба консерватора. Граф Павел Сергеевич Шереметев (1871–1943) на поколение младше Голицына, сын коллекционера и историка-любителя графа Сергея Дмитриевича Шереметева (1844–1918). Павел Сергеевич с юности стремился поучаствовать в судьбе страны. Свои убеждения, которые можно описать как просвещенный консерватизм, он пронес через всю жизнь. Он не верил в возможность развития в России западных институтов, но горячо поддерживал земское движение. В стремлении пробудить общественную активность и общественное

мнение, которые, как он полагал, «слабы в России и были искусственно подавлены», стал одним из основателей кружка либеральных земцев «Беседа» в Москве, действовавшего в 1899–1905 годах. Одна из речей Павла в кружке звучит как осксюморон — «Самодержавие и самоуправление».

Граф Сергей Дмитриевич, умерший в революционной Москве в 1918 году, считал Павла своим духовным наследником. В наставлении-завещании, которое отец оставил сыну, говорилось о чувстве к родине, сохранении верности ей и Церкви. Возможно, поэтому Павел решил остаться в России.

Много занимавшийся защитой и охраной памятников еще до революции, в 1920-е годы Павел Сергеевич становится директором музея-усадьбы «Остафьево», в свое время приобретенной его отцом у Вяземских. В начале XIX века здесь работал Николай Карамзин, бывал Александр Пушкин. Павел Шереметев был хранителем коллекций усадьбы, пока музей не закрыли. В конце 1920-х годов «Остафьево» стало пионерским лагерем, а Шереметевы, лишившись квартиры в бывшем родовом гнезде, вернулись в Москву, где получили жилые помещения в Напрудной башне Новодевичьего монастыря.

Проиграли страну. Книга Смита — о последних, советских, годах жизни этих и еще нескольких представителей элиты, проигравшей свою страну. Это захватывающее и трагическое чтение. Книга существенно дополнит картину советской истории, которую в школах и университетах получает большинство россиян.

В советское время нам рассказывали, какими талантливыми мыслителями,

стратегами и тактиками были русские революционеры во главе с Владимиром Лениным. Пытаясь подойти к идеологизированной истории критически, мы привыкли думать о причинах, благодаря которым экстремисты самого крайнего толка сумели выиграть борьбу за российское общество.

Но 1917 год был не столько победой, сколько сокрушительным поражением людей, столетиями находившихся у власти. Значительная доля успеха революции — это ошибки правящих кругов. Большевики выиграли, потому что Романовы, Голицыны и Шереметевы проиграли.

Глядя из нашего далека, кажется, что русские аристократы были воплощением культуры и человеческих добродетелей. Они писали стихи и романы, строили больницы, служили советниками и чиновниками. Они были людьми высокой культуры. Владимир Михайлович Голицын, один из героев книги Смита, не верил в родовую аристократию, предпочитая «аристократию культуры и знания». Он был пацифистом, не охотился, не ловил рыбу и даже не срывал цветы.

Но прекрасные люди Владимир Голицын и Павел Шереметев, вероятно, были исключениями в своей среде, которая насчитывала около 1,7 миллиона человек, около 1,5% населения страны. Иначе трудно понять, как страна с такой просвещенной и отзывчивой к обществу элитой могла рухнуть.

Историческое опоздание. Причинами крушения режима Голицын считал «преступную слепоту правящих кругов» на фоне «гражданской и политической неграмотности русских». Этот тип отчужденных отношений между элитой и обществом Владимир Михайлович возводил к временам

Павла I, который «учил видеть в царской власти форму деспотизма и произвола, считать произвол законом власти, порядка и процветания».

Это прозрение одного из выгодоприобретателей режима дорогого стоит. Голицыны и другие чиновники немало сделали для того, чтобы сблизить народ и высшее сословие. Но беда в том, что фундаментальный разрыв в отношениях между сословиями был глубже, чем тот, который царское правительство готово было признать.

Наделение земель и дарование связанных с владением привилегий из века в век представлялось российским властителям основой устойчивой власти. Государство на протяжении большей части русской истории оставалось малoproфессиональным, аппарат его был малочисленным и плохо обученным. Власть полагалась на высшее сословие как на инструмент управления. Дворяне должны были от имени царя исполнять долг «попечения» о народных массах.

Им дано было право распоряжаться миллионами крестьян и следить за тем, чтобы подопечные не бунтовали и, по возможности, работали. Это попечение во все последующие эпохи «простиралось» над гражданами в разных формах. Монархи из личных средств и с помощью специально выделяемых ресурсов из поколения в поколение поддерживали расточительный образ жизни элиты. Экономике, в которой еще не начался индустриальный рост, можно назвать «малыгузианской» — то есть такой, в которой растущее количество потребителей претендует на ограниченный объем ресурсов. Чтобы один стал богаче, другой должен стать беднее.

Сословный правовой режим в условиях доиндустриальной экономики

был использован элитой не для развития собственных хозяйств, не для обогащения, а для консервации своего господствующего положения — при полной поддержке правительства. И даже введение в России внешне вполне европейского права частной собственности в действительности лишь закрепило взрывоопасную систему отношений. «Прочные права собственности в такой ситуации лишь закрепляют существующее распределение ресурсов, — пишет в книге «Великий разрыв. Человеческая природа и воспроизводство социального порядка» (1999) Френсис Фукуяма. — А это распределение является результатом не высокой производительности, а близости к власти».

Попытки отказаться от принудительного труда и перевести отношения между трудящимся сословием и его выгодоприобретателями в более рыночное русло были предприняты слишком поздно. Возможно, если бы крестьянская реформа была начата в первой половине XIX века (а такие идеи были), процесс формирования в российской империи слоя собственников, заинтересованных в стабильности общественных отношений, пошел бы дальше. К началу революционных волнений в России у хороших людей из

элиты было бы больше союзников в других социальных кругах.

Глазами проигравших. Но Россия опоздала. Высшее и низшее сословия остались врагами, и в схватке победили те, кого было больше. По-человечески развитые, образованные и тонкие люди, ставшие героями книги Смита, жили в системе отношений, которая оказалась убийственной для них и самоубийственной для страны.

Взгляд на историю рухнувшей империи глазами ее бывших хозяев способен научить большему, чем взгляд глазами победителей. Изучение быта вестготов и германцев будет не слишком полезным в объяснении истории падения Рима. Мы лучше поймем причины гибели империи, если будем изучать римское общество и имперскую систему правления. Ошибки тех, кто проиграл, дали возможность новой исторической силе захватить уже ослабевшее государство. Так и в случае с Российской империей. Чтобы понять причины ее краха, важно понимать тех, кто был ее хозяевами, а не только тех, кто в силу ошибок имперской системы управления волей судьбы оказался у руля советского государства.

Максим Трудолюбов

Региональное книжное обозрение

А.М. Семененко. Иваново-Вознесенск и иваново-вознесенцы. — *Иваново: Филиал РГГУ в г. Иваново, 2011. — 296 с.*

Александр Михайлович Семененко — известный ивановский историк-краевед и общественный деятель, кандидат исторических наук, заместитель председателя Ивановского областного краеведческого общества, член комиссии по топонимике при администрации города Иванова, народный депутат Ивановского городского Совета народных депутатов (1990—1993), автор четырех книг, многолетний ведущий телевизионной программы «Прогулки по городу» на ТРК «БАРС».

В 2011 году, в год 140-летия образования города Иваново-Вознесенска, вышла книга его очерков по истории областного центра. Напомню, что история населенного пункта, известного ныне как город Иваново (это имя ему было присвоено постановлением ЦИК СССР 27 декабря 1932 г.), уходит в XV—XVI века. Первое письменное упоминание о нем относится к 1608 году. А сам город был образован 2 августа (21 июля по старому стилю) 1871 г. при высочайшем утверждении императором Александром II Положения Комитета министров «Об обращении села Иванова и Вознесенского посада, Владимирской губернии, в безуездный город с наименованием оного «Иваново-Вознесенск».

В книгу вошли 67 очерков и статей, а также «Ивановский календарь» (с. 233—293), опубликованные А. Семененко в различных газетах и журналах области за последние годы. В них не только рассказывается о повседневной жизни горожан дореволюционных и первых лет советской власти, но и приводятся разнообразные сведения, рисующие общественно-политическую картину города. В частности, хочется выделить очерки, посвященные жизни и деятельности бывших членов кадетской партии А.А. Эрн (депутата IV Государственной думы России, адвоката) и И.И. Власова (юриста, историка, журналиста, гласного Иваново-Вознесенской городской Думы). Особенно поражает уникальная личность Ивана Ивановича Власова, его жизненный путь настолько интересен, что об этом человеке стоит рассказать подробнее.

И.И. Власов родился в январе 1880 года в Москве. Его отец — бывший крестьянин деревни Большой Шемнин Никольской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии — работал в Москве в качестве торгового служащего, поддерживал сельское хозяйство на роди-

не. По окончании Александровско-Басманного городского начального училища Власов был отдан для дальнейшего образования во вторую Московскую мужскую гимназию, которую окончил в 1899 году. Ввиду многочисленной семьи и небольшого заработка отца в последних классах гимназии молодой человек начал давать уроки и писать корреспонденции для ярославской газеты «Северный край». В то время там работали князь Д.И. Шаховской и Н. П. Дружинин*. В 1899—1904 годах Власов учился на юридическом факультете Московского университета. В феврале 1902-го принимает участие в студенческих волнениях, за что временно исключается из вуза и отбывает трехмесячное тюремное заключение. 15 февраля следующего года был вновь арестован в связи с подготовкой студенческой демонстрации с участием рабочих; привлечен к дознанию об участии и принадлежности к студенческим кружкам. В университете занимался под руководством известного правоведа, депутата 1-й Государственной думы, члена ЦК партии кадетов П.И. Новгородцева (1866—1924). После окончания университета осенью 1904 года Власов примыкает в Москве к адвокатской социал-демократической группе, становится помощником присяжного поверенного и принимает участие в судебных процессах, одновременно занимаясь журналистикой. Публикуется в газетах «Курьер», «Вечерняя почта», «Рабочая газета», «Голос юга» и др. 29 ноября 1905 года в Москве под его редакцией вышел единственный номер общественно-сатирического журнала «Жало», в котором были помещены два произведения А.М. Горького. За его редактирование Московская судебная палата приговорила И.И. Власова к одному году заключения в крепости. Обвинение заключалось в дерзостном неуважении к верховной власти по статье 128 Уголовного уложения. Адвокатом Власова выступал П.Н. Малянтович (1869—1940; в сентябре-октябре 1917 года — последний министр юстиции во Временном правительстве), который обжаловал приговор, но решение суда осталось в силе. И тогда Власов уехал в Вену, где жил до декабря 1908 года, состоя там секретарем эмигрантской кассы взаимопомощи. Из-за границы под псевдонимом «Ив. Ович» посылал материалы в «Киевскую мысль» и петербургскую газету «Товарищ». По возвращении в Россию Власова арестовали для исполнения приговора судебной палаты, и с 29 января 1909-го по 29 января 1910-го он провел в заключении. А затем переезжает в Иваново-Вознесенск, где начинает заниматься адвокатской практикой, участвует в различных организациях культурно-просветительского характера, например в обществе трезвости, закрытом вла-

* Д.И. Шаховской (1862—1939) — выпускник юрфака Санкт-Петербургского университета, земский деятель, кооператор, член ЦК кадетской партии, депутат 1-й Государственной думы, соредактор «Северного края». Во Временном правительстве — министр государственного призрения. Н.П. Дружинин впоследствии редактор кадетской газеты «Голос» в Ярославле. О Д.И. Шаховском см. в: А. Тыркова-Вильямс. На путях к свободе. — М.: Московская школа политических исследований, 2007.

димирским губернатором за политическую неблагонадежность, в Обществе благоустройства местечка «Ямы», и в этот же период примыкает к местной организации кадетской партии. В апреле 1915 года его избирают гласным депутатом городской думы. Через два года блок несоциалистических партий выдвинул Власова кандидатом на пост городского головы. По трем кандидатурам результаты голосования распределились следующим образом: М.П. Кондратьев («за» — 39, «против» — 30; он и стал головой), И.И. Власов («за» — 36, «против» — 33), А.М. Братенши («за» — 33, «против» — 36). 1917 год стал пиком в общественной деятельности и в политической карьере Власова. Он работает в качестве товарища председателя училищной комиссии, редактирует газету «Иваново-Вознесенск», вместе с женой Марией Васильевной принимает активное участие в деятельности местной кадетской группы. После Февральской революции входит в состав Иваново-Вознесенского революционного комитета общественной безопасности. 1 июня становится товарищем председателя Общества юристов. Осенью 1917 года включен в список 15 кандидатов от партии кадетов в Учредительное собрание по Владимирскому избирательному округу. Кадеты выборы проиграли, в Учредительное собрание от Владимирской губернии прошли 6 большевиков и 3 эсера. Еще до поражения на выборах Власов писал в своем дневнике 19 августа 1917 года: «Я — обладатель земли и дома, ценность которых, по сегодняшним ценам, от 125 до 150 тысяч рублей. Это уже некоторый «плюс»... но в общественном смысле — особенно в условиях теперешнего революционного времени — это несомненный «минус». Я — «буржуй»... Я был в первом десятке среди кандидатов в гласные, но против меня велась агитация. Сделать попытку пройти в Учредительное собрание. Дерзать? Да, пожалуй, но дерзостей в моей жизни было порядочно. На первом месте Партии народной свободы В.А. Маклаков*, наиболее симпатичный мне среди всех кадетов. Какая честь идти с ним в одном списке!». Вскоре Власова ждет еще одно разочарование — основанную им осенью 1917 года «внепартийно-демократическую» газету «Русский Манчестер» городской совет закрывает как буржуазную 20 декабря того же года.

В начале мая 1918 года Власов оставляет работу адвоката и начинает сотрудничать в советских учреждениях. Перечень его должностей и мест работы нескончаем. Одно время он являлся заведующим губернским архивным бюро, возглавлял комиссию по делам музеев и охране памятников искусства и старины, а затем полностью переключается на историко-краеведческую и литературную деятельность. Тем не менее в 1922 году ему пришлось в последний раз выступить в качестве

* В.А. Маклаков (1870–1957) — адвокат, депутат 2-й Государственной думы, член ЦК партии кадетов; посол России во Франции в 1917 г., депутат Учредительного собрания от Москвы. См.: В.А. Маклаков. Из воспоминаний. Уроки жизни. — М.: Московская школа политических исследований, 2011.

адвоката. От имени родственников арестованных по делу о беспорядках в Шуге при изъятии церковных ценностей он написал в Москву прошение о помиловании. Однако это лишь на 10 дней продлило жизнь обреченных, так как их отправили в места заключения, а не расстреляли тогда же, подобно нескольким священнослужителям и мирянам.

Больше с политикой и юриспруденцией Власов не пересекался. Он умер 17 января 1943 года в 3-й городской больнице от истощения. 20 января в номере 16 в «Рабочем крае» на второй странице вышел некролог, посвященный И.И. Власову, подписанный членами научно-краеведческого совета Ивановской области.

Стоит отметить, что в вузах «красной губернии» (так называли образованную 20 июня 1918 года по инициативе М.В. Фрунзе Иваново-Вознесенскую губернию) — политехническом и педагогическом — преподавали крупнейшие ученые-гуманитарии тех лет, либералы В.М. Гессен, А.А. Кизеветтер, С.А. Котляревский и др.

Заслуга Александра Семененко в том, что в этой и ряде других книг он первым стал изучать развитие либеральных идей на территории будущей Ивановской области. Думается, что его книга сослужит добрую службу в том, чтобы имена и память о либеральных общественных и политических деятелях, работавших в российской провинции, не были забыты.

Андрей Кабанов,
заместитель председателя правительства Ивановской области

Современные практики взаимодействия классического университета с иркутским городским сообществом. — *Иркутск: ИГУ, 2013. — 112 с.*

Как современному университету выстроить коммуникацию с городским сообществом? Как вписаться в городскую среду? Каким образом стать интересным и нужным не только студентам, а всем жителям города? На эти и другие вопросы университетской жизни дают ответы авторы сборника, изданного к 95-летию Иркутского государственного университета.

Идея рассказать о взаимодействии университета с городом, по словам Светланы Булатовой, доцента кафедры связей с общественностью и рекламных технологий ИГУ, возникла у нее давно, но непосредственным поводом к изданию сборника стал юбилей университета, а также энтузиазм авторов, откликнувшихся на ее предложение написать о мероприятиях, проводимых преподавателями университета для иркутян.

Иллюстрированный сборник знакомит читателя с практиками взаимодействия ИГУ с городским сообществом Иркутска. Это интересные

проекты, которые факультеты и институты старейшего вуза Восточной Сибири реализуют в начале третьего тысячелетия. Каждое из событий уникально, что говорит о разносторонней деятельности классического университета. Однако все эти мероприятия объединяет направленность на городскую среду, активное участие в ней жителей Иркутска и региона.

Читатели сборника найдут в нем практические советы в рассказах авторов об уже реализованных городских проектах. Таких проектов много, и каждый может быть воспроизведен заново, в условиях другого города. В коротком тексте не удастся рассказать обо всех, поэтому остановлюсь лишь на одном из них.

Проект «Прогулки по старому Иркутску». Его автор (А. Петров) рассказывает об опыте организации публичных лекций, или, как их называли горожане, прогулок по центральным улицам Иркутска. Одной из задач проекта была поддержка дискуссии вокруг возвращения улицам города исторических имен. Уже на первую прогулку собрались почти 150 горожан, узнавших о проекте из Интернета. Всего таких экскурсий в 2012 году удалось провести 14. Ведущими публичных лекций стали преподаватели университета, директора музеев, общественные деятели. Проект развивался, и на лекции собиралось уже по 300 и более человек. Оказалось, что у людей огромный интерес к истории города, его традициям. Работа в рамках «Прогулок по старому Иркутску» оказалась настолько удачной, что проект был продлен еще на год, и в 2013 году прошло еще 18 мероприятий: экскурсий, общественных дискуссий, круглых столов. Одной из главных стала дискуссия «Зачем переименовывать улицы?». Ее участники обсудили все «за» и «против» переименования.

Результатом этого проекта стало начало масштабной работы по возвращению иркутским улицам и площадям их исторических названий. Есть надежда, что уже в ближайшее время сквер им. Кирова (никогда даже проездом не бывавшего в Иркутске), будет вновь носить имя графа М.М. Сперанского, выдающего государственного деятеля и губернатора, воплотившего в Иркутске самые передовые и смелые реформы начала XIX века.

Это лишь один из проектов, о которых рассказывается в сборнике, но и все остальные (а их около двух десятков): «День земли», «Небо над тротуарами», «Философия иркутской жизни», без сомнения будут интересны широкому кругу читателей.

С каждым годом проекты развиваются, поскольку возникают новые события, и, возможно, в будущем появится другое, более расширенное издание с рассказом о новых инициативах университетских преподавателей и горожан.

И. К.

Контрапункт

О НОВОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ

Екатерина Кузнецова. Ускользающий суверенитет: статус-кво против идеологии перемен. — М.: АРГА-МАК-МЕДИА, 2013. — 240 с.

*Владимир Рыжков,
политик, публицист*

Начиная с уходящего в начало Нового времени Вестфальского мирного договора (1648) и по наши дни мир — это мозаика суверенных государств, число которых непрерывно растет (сегодня 193 государства — полноправные члены ООН). Именно суверенные государства являются главными субъектами международной политики. Согласно вестфальским представлениям, права таких государств на суверенитет являются абсолютными, неделимыми и неотъемлемыми. Абсолютность суверенитета и составляет традиционную основу международных отношений. Она не означает, что суверенитет не подвергается атакам. Наоборот, история человечества — это история сплошных нарушений суверенитета — агрессий, аннексий и контрибуций. Государства нападали друг на друга, разрастались и распадалась. Но при этом сам принцип суверенитета оставался незыблемым. Подобно тому, как свят и незыблем институт брака, несмотря на множество разводов.

Принцип незыблемости и абсолютности государственного суверенитета был закреплен в основополагающих документах главных международных организаций — сначала Лиги Наций, а потом — ООН.

После окончания Второй мировой войны, в условиях холодной войны, суверенитет государств во многом гарантировался услугами предоставления безопасности со стороны двух великих держав — СССР и США. Одновременно последние ограничивали суверенитет своих сателлитов (например, «доктрина Брежнева» на востоке Европы). Но и в эту эпоху конфликтов и прямых покушений на сувере-

нитет хватало — вспомним, например, вторжение СССР в Афганистан в 1979 году.

Как только противостояние блоков закончилось, мир «разморозился» и суверенитет стал подвергаться усиленным атакам со всех сторон. Сам принцип суверенитета никто пока не отменял, но его *ускоряющаяся эрозия* — очевидна.

В российской литературе не было серьезных исследований этой новой мировой тенденции, притом что она становится все более значимой. Екатерина Кузнецова в книге «Ускользящий суверенитет: статус-кво против идеологии перемен» впервые подробно и убедительно исследовала этот вопрос.

Главный тезис книги, обоснованный автором на конкретных примерах, — *суверенитет государств в наши дни размывается и подрывается с двух сторон.*

Во-первых, он подвергается испытаниям изнутри самих государств. Многие из современных политических режимов не в состоянии справляться со своими делами самостоятельно, допускают насилие, массовые нарушения прав человека, развал экономик и тем самым нарушают существующие международные хартии, вызывают возмущение, создают условия для международного вмешательства в их внутренние дела. Либо распадаются без всякого вмешательства.

Во-вторых, группа развитых государств в Европе решила добровольно ограничить свой суверенитет в рамках *европейской интеграции*, чтобы обеспечить более высокие стандарты демократии, прав человека, социальной защиты, экономической конкурентоспособности в мире. Суверенитет разваливается в руках государств-неудачников и переступается государствами постмодерна, идущими в постгосударственное будущее.

Россия, сделавшая из национального суверенитета фетиш, абсолютную ценность, застряла посредине, а по временной шкале — в XX веке. Это влечет за собой два негативных последствия.

Во-первых, прикрываясь принципом абсолютности суверенитета, российские элиты покрывают авторитаризм, коррупцию и общую неэффективность внутри страны, оправдывая все это понятием особого пути России. А также поддерживают авторитарные режимы по всему миру, похожим образом защищающиеся от критики с помощью суверенитета.

Во-вторых, догматизация суверенитета закрывает перед Россией перспективы интеграционных проектов на основе новых институтов и правил, в первую очередь с Европейским союзом. В результате догматизация суверенитета консервирует нарастающую отсталость России. Все ключевые конфликты последних лет ставили в центр международной дискуссии проблему суверенитета. Имели ли право США и союзники вторгаться в Ирак? НАТО — бомбить Югославию? Западные

страны — бомбить объекты режима Каддафи в Ливии? Россия — вводить свою армию на территорию Грузии в 2008 году? И так далее. Число поводов и причин для вторжений и вмешательств растет, ставя вопрос: а что вообще осталось от принципа незыблемости государственных границ в наши дни? Автор справедливо заключает: *«ограничение суверенитета стало мощным трендом, который трудно остановить»*. Отсюда — актуальность концепции «ограниченного суверенитета», популярность которой возрастает по мере размывания самого принципа государственного суверенитета.

Е. Кузнецова подчеркивает: *противоборство права и силы* — главный нерв перемен, происходящих с суверенитетом. Вопреки упорству российской школы государствоведов и международников, с их приверженностью абсолютному суверенитету, автор предлагает задуматься о *положительных сторонах ограничения суверенитета*, как средства повышения степени свободы и защищенности граждан, роста экономики, достижения более безопасного мира. Как бы Россия ни стремилась остановить историческое время во внутренней и внешней политике, в том числе игнорируя радикальные изменения, происходящие с институтом государственного суверенитета, эти изменения носят объективный характер и с ними придется считаться.

Ограничение суверенитета может идти *добровольно* — путем делегирования суверенных полномочий наднациональным институтам — как в Европейском союзе (ЕС). Или *извне, принуждением*, когда внешние игроки вмешиваются в дела государства, применяя силу.

Е. Кузнецова детально рассматривает оба варианта. В уникальном для мира случае европейской интеграции (сегодня в ЕС входят 28 стран) впервые в мировой истории группа стран делегировала значительную часть своего суверенитета наднациональным органам, создав новый феномен — наднациональность. Главное для успеха наднациональных проектов — *наднациональные институты*, наделенные полномочиями, и *наднациональное право*, обязательное для всех государств-участников. Эта модель, придуманная Жаном Монне весной 1950 года, получила развитие в Европе, сделав проект ЕС самым успешным интеграционным проектом в истории человечества.

Любопытен вывод автора о том, что добровольное ограничение суверенитета — магистральный путь наиболее развитых стран мира, и напротив, утверждение суверенитета, сопряженное с подавлением свобод граждан, является уделом государств несовременных. Представляется, что такой вывод преждевременен. Такие страны, как США, Япония, Индия, Австралия и другие, продолжают беречь свои суверенные права, будучи при этом демократиями, уважающими права человека. Однако нет сомнений, что процесс эрозии суверенитета все в большей степени затрагивает и их.

Ограничение суверенитета принуждением извне было известно и в эпоху холодной войны. Упомянутая «Доктрина Брежнева» предполагала право СССР вмешиваться в дела соцстран в случае угрозы падения там коммунистических режимов (ГДР, Венгрия, Чехословакия).

США же, напротив, вмешивались в дела стран, в которых к власти грозили прийти коммунисты (Гренада, Никарагуа, Иран и т.д.).

После окончания холодной войны геополитические мотивы вмешательства дополнились *гуманитарными интервенциями*, когда неспособность государств обеспечить безопасность граждан, гражданские войны и этнические чистки, терроризм и массовые нарушения прав человека все чаще стали выступать причинами внешнего силового вмешательства. Постепенно гуманитарные основания выходят на первый план, отражая общую гуманитаризацию международного права. Первой такой войной стала военная операция НАТО в Югославии в 1999 году. Одновременно это была первая в истории односторонняя операция НАТО против суверенной страны.

Россия обосновала свое вмешательство в грузинские дела также гуманитарными соображениями («миротворческая операция»).

Е. Кузнецова скрупулезно описала 13 случаев внешнего вмешательства за последние 20 лет. Многие из них проводились в обход решения Совета Безопасности ООН. Выясняется, что современное международное право все менее адекватно реальной политике.

Суверенитет сегодня подтачивается с шести сторон. Это международное право, транснациональные корпорации, внешнее вмешательство или агрессия, гуманитарные интервенции, наднациональные органы власти и международные организации, а также меньшинства, претендующие на самоопределение вплоть до отделения. Все эти факторы создают *новый суверенитет*, намного более слабый и открытый внешнему миру, чем это было раньше.

Возможно, Е. Кузнецова чрезмерно оптимистична относительно темпов ослабления института государственного суверенитета, как и способности международного сообщества адекватно адаптировать под этот процесс международное право и практики. Но в целом ее стратегический прогноз верен — XXI век станет веком ослабления, а затем и пересмотра принципов суверенитета.

Один из главных выводов, который сделал архитектор европейской интеграции Монне из своего опыта работы в Лиге Наций, — суверенитет таит в себе большие опасности, в том числе опасности шовинизма, диктатуры и войны. Суверенитет по-прежнему — важная защита народов и правопорядка от хаоса. Но ведь эффективная защита порой бывает нужна народам и от самого суверенитета!

О ДРУГОЙ СИБИРИ

Валерий Зубов, Владислав Иноземцев. Сибирское благословение. — М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2013. — 200 с.

Сибирь, когда-то воспринимавшаяся как огромное, но *единое целое* — от уральского камня до вулканов Камчатки (так видела Сибирь великая русская литература, так видел ее простой народ и так понимали ее

столыпинские переселенцы столетие тому назад), при советской и постсоветской власти распалась на множество фрагментов, почти забыв свою *идентичность* (такую как «Сибирь», «сибиряки», «сибирский характер»).

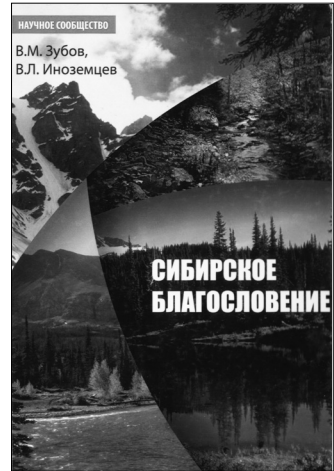
Эта утрата идентичности выгодна остающейся метрополией России, Москве, но далеко не сибирякам. Советская власть превратила Сибирь в самый большой на земле концентрационный лагерь (ГУЛАГ) и главный источник государственного богатства (нефть, газ, уголь, лес, алмазы, металлы). И накрепко вышибла из голов сибиряков саму мысль о ее развитии как макрорегиона России. Фрагментация Сибири на зависимые от Москвы и большей частью нищие регионы выгодна сегодняшним федеральным властям — так проще и удобнее эксплуатировать сибирские богатства — руками самих сибиряков, не давая им при этом ни в чем отчета и не учитывая их интересы.

Сибирь ждет своего современного писателя, который расскажет ей о ней самой, который откроет ее самим сибирякам заново и покажет ее значение для всей России. Такого, какими некогда были Григорий Потанин, Николай Ядринцев, Георгий Гребенщиков — первые сибирские мыслители.

Не так давно вышедшая в свет книга «Сибирское благословение» Валерия Зубова (бывшего губернатора Красноярского края и профессора Красноярского университета) и Владислава Иноземцева (одного из организаторов Красноярского экономического форума) — попытка заново открыть Сибирь для России.

Уже самим ее названием авторы вступают в полемику с другой книгой о Сибири, написанной десять лет назад авторитетными американскими авторами Фионей Хилл и Клиффордом Гэдди «Сибирское проклятие: как коммунистические планы заморозили Россию». Авторы американской книги увидели в Сибири российскую обузу, а не кладовую богатств. Советский Госплан реализовывал в Сибири огромные убыточные проекты, от которых, по их словам, следует отказаться — и чем скорее, тем лучше. Рекомендации американцев: вывозить население с «северов», переходить на вахтовый метод работы, сокращать расходы государства на сибирскую «социалку» и инфраструктуру.

В. Зубов и В. Иноземцев занимают противоположную позицию. Главный тезис книги: *«Сибирь не только может изменить самое себя, но, стремясь вперед и раздвигая горизонты, она способна принести серьезные перемены и России в целом»*. Именно Сибирь способна и должна стать инициатором и мотором российской модернизации. Сибирь — вовсе не проклятие, а благословение России! *«Просыпающаяся колония, освобождая саму себя, но не отделяющаяся от метрополии, обязательно преобразует и всю страну в целом»*.

Авторы взвалили на свои плечи задачу рассказать, как им видится современное преобразование Сибири и как именно сибирские тектонические сдвиги преобразят Россию в целом. Скажу сразу, решить эту задачу им удалось в незначительной степени. Книга — местами блестящий, местами провидческий, местами литературно вдохновенный, но лишь беглый набросок той жизненно необходимой интеллектуальной работы, которую еще предстоит сделать.

В «Сибирском благословении» много ярких идей и ярких страниц. Например, авторы убедительно показывают неописуемую расточительность и неэффективность нынешних российских государственных «стратегий» развития региона. Смета саммита АТЭС во Владивостоке была превышена в 4,5 раза. Космодром на Дальнем Востоке обойдется в 250 млрд рублей и окупится только за 70 лет. Обсуждаются астрономически дорогие проекты «нового освоения арктических территорий», строительства сети дорог по вечной мерзлоте, строительство мостов на Сахалин и тоннеля под Беринговым проливом — без всякого рационального расчета их экономической нужности и эффективности. Существующие стратегии не выдерживают никакой критики и представляют собой набор благих пожеланий и неосуществимых прожектов. Все стратегии по-прежнему рассматривают Сибирь как место добычи сырья, а ее население — как трудовую силу.

Мегапроекты носят затратный и планово-убыточный характер *«скачивания госинвестиций к госпотреблению»*. Предполагается реализовывать проекты, которые и сегодня неконкурентоспособны на мировом рынке (например, перевозки по Транссибу и БАМу или будущие перевозки по Северному морскому пути).

Профессиональная и убедительная критика государственных стратегий и проектов по развитию Сибири — сильная сторона книги В. Иноземцева и В. Зубова. Одновременно они предлагают свою, новую стратегию развития. Главное в ней — осознание исчерпанности возможностей государства как главного драйвера сибирского развития. *«На место государственной воли должна вернуться частная инициатива, на место чиновника — предприниматель»*. Для того чтобы местные власти имели стимулы развивать сибирский малый и средний бизнес, предлагается все налоги от новых предприятий оставлять в местных и региональных бюджетах.

Второй приоритет развития Сибири — *повышение качества жизни сибиряков*. Сегодня Сибирь хуже, чем вся остальная страна, обеспечена медицинскими услугами, детскими садами, современным жильем, притом что сибиряки дают стране основные доходы. Сегодня Сибирь — это 20% населения России, дающие 68–75% всего российского экспорта, только два источника — налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и экспортная пошлина на нефть — дают 51% доходов федерального бюджета (будучи преимущественно сибирскими). Львиная часть этих доходов уходит из Сибири в Москву, оставляя сибирякам суровые условия жизни и бедность. Потому Сибирь теряет население:

в 1991–2003 годах Сибирь навсегда покинули более 1 млн сибиряков. В-третьих, авторы предлагают развивать Сибирь компактно и эффективно — «сжимая» сибирские пространства. Развивать местные аэропорты, переработку сырья рядом с местами его добычи, постепенно перемещать население в южные районы Сибири (как в Канаде и на Аляске), модернизировать морские порты для выхода на мировые рынки.

В-четвертых, сибирская экономика нуждается в радикальном повышении технологической и экономической эффективности. Для этого надо покупать и внедрять уже существующие в мире современные технологии. Надо *«превращать Сибирь сначала в сырьевой регион с передовыми технологиями добычи и высоким качеством жизни, и только потом — в промышленный кластер мирового значения»*.

Наконец, авторы предлагают отказаться от преимущественно военно-политического и стратегического взгляда на Сибирь и принять новый подход, в максимальной степени ориентированный на решение экономических проблем региона. Главное — открыть Сибирь для инвесторов со всего мира, сделать ее *«новой индустриальной тихоокеанской экономикой»*. Вряд ли это привлечет Китай, который интересуют почти исключительно природные ресурсы Сибири. Скорее потенциальных партнеров по индустриальному развитию макрорегиона следует искать в Японии и Южной Корее, в США, Канаде, Австралии и Европейском союзе. В качестве успешного примера реализации такой стратегии авторы приводят бурно развивающуюся в последние годы Монголию. Главное — *«отказаться от геополитических амбиций и идеологических фантомов в пользу ускоренного экономического развития»*.

Предложенная стратегия развития Сибири современна, интересна и убедительна, хоть и изложена фрагментарно, скороговоркой. Каждое из пяти направлений требует глубокой проработки, статистики, расчетов. Каждый тезис — серьезной проверки на эффективность — иначе она будет выглядеть так же декоративно и легковесно, как и государственные «стратегии».

Книге сильно не хватает информации о современной Сибири. Например, оценки ее научного и образовательного потенциала, промышленного и технологического состояния. Анализа проблем и перспектив основной инфраструктуры, демографических тенденций. Анализа социальной сферы, конкурентоспособности ее основных отраслей, динамики инвестиций, основных региональных различий и многого другого.

Более того, ряд центральных тезисов «Сибирского благословения» выглядят недоказанными, как бы авторы ни пытались подкрепить их аргументами. И в том числе главный из них — что именно Сибирь может стать инициатором российской модернизации, выступить мотором перемен в стране. Вопрос, который повисает в воздухе: *кто именно* в Сибири и как выступит с инициативой модернизации, или, как говорят авторы, *«позитивного сепаратизма»?*

Губернаторы, которые мыслят исключительно локально и фактически контролируются и назначаются Москвой? Политические партии, голова которых — тоже в Москве и которая мыслит исключительно по-московски? Общественные инициативы? — но сегодня таких всесибирских инициатив не существует. Тезис авторов о повышенной инициативности сибирских элит также кажется не очень убедительным на практике.

Владислав Иноземцев призывает «сибирскую революцию» (не политическую, а модернизационную), но где на практике признаки приближения такой революции? Сибирские регионы, многочисленные, разобщенные и большей частью нищие, продолжают дремать, просыпаясь лишь для того, чтобы выпросить у Москвы новые подачки. Авторы утверждают, что Сибирь может вывести Россию из тупика, но где признаки повышенной активности Сибири уже сегодня? — их не видно. Децентрализацию предлагается начать именно с Сибири, передав туда ресурсы и полномочия, но где мотивы федерального центра делать это? И кто в Сибири может принудить метрополию к подобной децентрализации? Такие вопросы можно ставить и дальше.

«Сибирское благословение» в целом напоминает острую публицистическую статью, — с множеством необязательных вставок и отступлений, имеющих мало отношения к делу. Книга — полемический материал в целом с верной и современной стратегией развития Сибири. Готовый план для продолжения работы, которая требует на порядок более глубокой и подробной аргументации. Сила книги — в ее пафосе, сибирском патриотизме и вере в Сибирь, в ее идеях. Слабость книги в том, что она почти исключительно состоит из пафоса и идей, но пока мало подкреплена научными, статистическими и экономическими аргументами.

Мне, как сибиряку, близки идеи книги о Сибири, как регионе авангарда, инициативы и творческого труда. Книга стала важной позитивной провокацией для сибиряков — чтобы задуматься о своем будущем и будущем Сибири в составе России. Она уже вызвала большой интерес в Сибири и будет там читаться, цитироваться и передаваться из рук в руки. Этот труд должен быть продолжен. Идея Сибири как мотора российской модернизации должна получить еще более прочное основание.

Поездка на машине, а не на поезде или самолете в значительной степени для него вынужденная мера, рассказывает в публикуемых ниже заметках о своей поездке летом 2013-го из Новосибирска в Москву, выпускник Школы Михаил Коваль (он инвалид-колясочник). Потому что иначе свобода и независимость передвижения невозможна, особенно в городах, учитывая состояние общественного транспорта и городского благоустройства. И проверял он в поездке не столько пандусы с лифтами, сколько отношение людей к проблеме вообще и созданной им конкретной ситуации в частности. «Я был готов к неприятию или пренебрежению ко мне лично, но результат получился парадоксальный. Мне помогали все с дорожной душой. Но нужно было просить. Зато, когда не просишь, никто не замечает проблемы других. А это не только инвалиды на колясках. Это мамы с детьми на колясках и просто едва идущие на своих ногах старики. В общем, примерно так 20% населения. Каждый пятый. И четверым из пяти нет до этого пятого никакого дела. Вот где беда».

Так действует или нет Федеральный закон РФ «О государственной социальной помощи», с изменениями и дополнениями вступивший в силу 1 января 2011 года?

Поездка из Сибири в Москву

Поскольку я живу в Новосибирске, то я попробовал представить себе, что живу в Новосибирске, хочу поехать к другу в

Москву и заодно посмотреть страну.

Конечно, легче страну не смотреть. Взять билет на самолет, раз-два и в пункте Б. Но если вы на коляске, то возникает ряд вопросов. Из аэропорта пункта Б в город на чем добираться? Общественным транспортом? Сто раз ха-ха. А в самом пункте Б? Уже даже не смешно. А случись осадки? Куда на коляске прятаться? А сумку дорожную в третьей руке держать?

Логика подсказывает, что без машины невозможно. Или без крепкого помощника. Или без того и другого вместе. Страна широка, и ехать придется долго. Не вылезать из машины несколько дней тяжело. Так появилась идея проверить, что будет, если поехать в одиночку, но спокойно. Со всеми остановками. С прогулкой по всем городам. Чтоб не зря...

22 июня, суббота. Утренний отъезд затянулся настолько, что грозил превратиться в вечерний. Неожиданная проблема с машиной кое-как разрешилась к двум часам. Отсутствие мало-мальского дождя в качестве хорошей приметы тоже не радовало. Но «надо так надо». В конце концов основная идея поездки состояла в преодолении обстоятельств. Поэтому следовало принять такое начало как вполне логичное.

Обязательный элемент программы — ночевка в омском отеле. Невзирая на задержку это нужно было выполнить. Поэтому ехать пришлось чуть быстрее, чем положено. Но осторожно. Тормозя и уворачиваясь от не успевающих завершить обгон встречных. Причем всех категорий: от «жигулей» «до лексусов», от колхозных грузовиков до фур. Дело житейское.

Догонять время мне помогали движение на запад за солнцем и самый длинный день в году. На полдороге, на «барабинском посту» поужинал. Конечно, я знал, что кафе недоступно

Пауль Цитроен. Метрополис. 1923

для колясок. Но нисколько не сомневался, что люди доступны и просты. Дождитесь проходящего дальнобойщика, просите и дано будет вам. Сначала ко мне вышла одна официантка, потом

две. Вынесли винегрет, два пирожка и чай. Потом работник шиномонтажа помог налить воды в омыватель лобового стекла. Кто сказал, что люди злы? Гаишник на въезде в Омск подробно

рассказал, как добраться до гостиницы двумя путями: простым и коротким. Охранник у отеля помог достать коляску из багажника.

За час до полуночи я заселился в единственную в Омске гостиницу с пандусом. Что может быть приятнее комфорта и, главное, доступного номера после долгой дороги. Ничего. Вот потому ничего такого и не было на всем протяжении дороги Новосибирск — Омск.

23 июня, воскресенье. Утро. Где я? В Омске? В отеле? Е-мое. Чего дома не сиделось? Отправляюсь на завтрак и не встречаю проблем. Удивительно. На ресепшене выясняю, где ближайшая аптека с цитрамоном и отправляюсь гулять.

Аптека рядом, но с высоким порогом и ступенями вниз. Но окна на уровне меня в коляске. Стучу в окно, но напрасно. Постепенно доходит, что у людей выходной. Семееееен Семеныч... Вспоминаю, что от головной боли помогает прогулка. Совершенно бесплатно. Задача — проехать самостоятельно настолько, насколько позволит профиль местности.

В какой-то момент оказываюсь на проезжей части без шансов вернуться на тротуар. Да и не беда. По случаю воскресного утра движение минимальное. Мысленно перевожу себя в категорию велосипедистов и еду дальше. За рестораном «Колчак» вижу еще две гостиницы. Вот сейчас проверю, соврал ли сайт по бронированию. Одна точно недоступна. У второй входы невысоко, но пандусов нет. Тем не менее нахожу боковой вход и широкие двери, отмеченные знаком для инвалидов. Но ступенька. Но одна. Но ооочень высокая. Есть, конечно, эквилибристы, но не я. Все правильно, сайт не соврал.

Зато вполне доступна набережная. Насмотревшись на слияние Оми и Иртыша, отдышавшись, тем же путем двигаюсь обратно.

Возвращаюсь в отель, забыв про головную боль и совершенно взмокший под стопроцентно летним солнцем. Да, физподготовка никуда. Какой-то мальчик, увидев мои затруднения при въезде на тротуар, подбегает, помогает. Настоящий пионер. Жарит солнце. Мимо проходит веселая рота в парадной форме с песней про то, что труба зовет, а для родной есть полевая почта. Навстречу мне из отеля выходит пара и садится в джип с французскими номерами. Смотрит на идущую роту с интересом и удивлением. Я подумал, что в Омске дни памяти. Начало войны. Что подумали французы, неизвестно.

Приняв душ и поменяв футболку, беру сумки и выкатываюсь из номера. Спускаюсь к машине. Это время вечно куда-то утекает. А до Тюмени, следующего места ночевки, почти семьсот километров. Не самой хорошей дороги. Это если сказать максимально деликатно. Выходит, что если постараться доехать засветло, то обедом лучше пренебречь.

Через 10 часов ожидания оправдываются. Во-первых, 50% дороги откровенное, не подберу слова, безобразие. Предназначенное для формирования навыков скоростного слалома и езды по сильно пересеченной местности. При этом машины с местными номерами постоянно обгоняют на хорошей скорости. Во-вторых, к вечеру был в Тюмени.

Тюмень удивила чистыми, ухоженными окраинами и промзонами. Центр города красив и историчен. Собянина тут боготворят. На набережной полно народа. Опасно проносятся дорогие машины. Надо полагать, местные мажоры.

Вот и гостиница. Вижу, что пандусы присутствуют. Охранник, замечая, как я корячусь на костылях у багажника, помогает достать коляску. Вешаю сумки на ручки коляски и вперед. Поскольку отели я выбирал заранее, задавая в поиске обязательное условие — наличие номеров для инвалидов, то въехать в гостиницу и перемещаться по ней самостоятельно действительно легко.

Номера для моей категории постояльцев отличаются от стандартных размерами и широкими дверями, чтобы перемещаться в них на колясках. Санузлы не просто большие, но соответствующим образом оборудованы. При этом в Тюмени номер для инвалидов оказался лучшим за всю поездку. Кроме обычной кровати в нем была еще специальная с кучей регулировок для самых тяжелых случаев. Но я предпочел огромную двуспальную.

Пропущенный обед не давал покоя. Перед сном я спустился в бар посмотреть, что бог послал. Он послал мне легкий ужин, полумрак, одиночество и покой. Телевизоры были выключены, а девушка за стойкой тихо щелкала калькулятором.

24 июня, понедельник. Утро началось с приятной мысли, что сегодня предстоит проехать вдвое меньше и по дорогам лучшего качества. Уже привычно после завтрака отправился на осмотр окрестностей и выяснения границ доступности от входа в отель. Сначала покатился в сторону спуска к набережной. В этом месте обнаружилась пара затруднений. Пандус у перехода через дорогу на моей стороне был. А на противоположной стороне у набережной отсутствовал. Собственно спуск имел такой уклон, что давал шанс только съехать. Обратный путь был бы выше моих сил.

При этом к доставшейся от истории крутизне уклона у меня не было разумных претензий. Но вот зачем делать пандус только с одной стороны пешеходного перехода я совершенно не понял. Таким образом, оставалось единственно возможное направление. Зато по нему я без особых проблем одолел пару кварталов. Что-то толкнуло меня свернуть отдышаться в тенистый дворик у небольшой церквушки. Увидел через открытую дверь таинственный сумрак и горящие свечи. Жаль, не попасть. Дверь узка и порог высок. Между тем над входом написано, что сие есть храм архангела Михаила. Обидно, да?

Ничто не вечно. Вскоре пандусы у тротуаров закончились. Основываясь на опыте, что один раз это случайность, а два это уже система, я решил для себя, что в этом исследовании просить помощи можно только единожды. Посему, остановившись перед очередным бордюром, повернул назад. Не буду врать, сделал это с радостью. Потому что устал. Потому что жара. Потому что в отеле душ и кондиционер. Дом, милый дом.

Из Тюмени выехал уже много спустя после обеда. Пробки, подлости от навигатора. Этот гад еще покажет себя во всей красе. Но позже, позже. Дорога не оставила сильных ощущений, значит, была легка. Все больше разделенных потоков в несколько полос. Все меньше опасных обгонов и лобовых атак. Вот наконец Екатеринбург. И первые от города впечатления, как и последующие, лучше всего передавались восклицанием «ого-го».

Отель мой примыкал к американскому консульству. Убранство номера вызывало ощущение дежавю от пребывания в Штатах. Девушкам на ресепшене хотелось улыбаться и восклицать «хай», «а ю окей». Лишь суровые ураль-

ские охранники возвращали меня на родную землю. Да суровые уральские пружины на дверях в подземную парковку и в номер, такие, что могли бы амортизировать железнодорожный состав, напоминали, что легкие пути не для нас.

В этот вечер прибытие было настолько ранним, а сам вечер так хорош, что я решил сориентироваться на местности и поискать кафе. Неожиданно местность оказалась против. Обследовав ближайшие тротуары, я начал думать, что стратегически ошибся с отелем: никаких путей для коляски не обнаружилось. Ужин из тюменской булочки и бутылки воды в номере привел в состояние абсолютной пещали.

25 июня, вторник. Уныние есть грех. Сном и завтраком удалось победить его. Я отправился гулять в решительном настроении, и путь сам открылся мне. Он был всего лишь на другой стороне улицы. Некоторое время я двигался вполне успешно, приближаясь к небоскребу «Высоцкий». Даже подумывал об обзорной площадке. Но жизнь показала, что погорячился. У географии вдруг обнаружился край. Перекресток перед небоскребом, как и он сам, не имел пандусов и имел высокие бордюры. Пришлось повернуть назад.

В обратном направлении дело пошло веселее. Мне пытались дать милостыню. Симпатичная блондинка помогла на перекрестке. Почти захотелось пожить в этом городе. И даже столики летнего кафе просто стояли на тротуаре. Только вот с кофе не получилось. За 20 минут никто из официантов не вышел, хотя я маячил перед самым окном.

Из Екатеринбурга выбирался долго. С помощью двух подлых навигаторов и

одного нормального таксиста, собрав все пробки, выдвинулся в направлении Уфы. Дорога через Урал впечатляет всегда. Но дорога через Златоуст впечатлила особенно. Перепад высот в городе такой, что закладывает уши. Что ж у них там делается, когда дождь? И особенно, когда лед.

К полуночи подъехал к Уфе. И еще час искал нужное место. Кажется, что под одним названием как минимум два разных города. При входе в отель небольшой пандус. Внутри специальный подъемник до уровня ресепшена. Работает только от рук персонала. Самому нельзя. Судя по оформлению, гостиница для партхозработников высшего и среднего звена. Убранство номера — люкс 70-х. Почувствовал себя парторгом завода и отрубился.

26 июня. Среда. При дневном свете гостиница была еще более монументальна. Все говорило о неоспоримых успехах в народном хозяйстве. Из холла в ресторан вела лестница и такой же подъемник, как на входе. Без помощи персонала перемещения невозможны. Зато персонал работал безукоризненно, демонстрируя хорошую выучку.

В этот раз я решил не возвращаться в отель после прогулки. Пошел на выход с вещами. Увидел, что съезд с тротуара закрыт такси. Приготовился к конфликту. Спросил у таксистов, чья машина. Машину тут же переставили. Подружился.

Забросил сумки. Пошел гулять. Добрался до памятника «железному Феликсу» в парке у прокуратуры. Понял, что работа по благоустройству и доступности ведется и здесь. Не хуже, чем в иных городах. С тем же примерно результатом, что и везде.

Типично и неизменно. От отеля в историческом центре крупного города

Арденго Софиччи. Натюморт. 1913

можно самостоятельно одолеть на коляске два-три квартала. Дальше, либо просто в сторону, хода нет. В храмы, магазины, кафе, банки, большинство аптек хода нет. В самом что ни на есть центре. Если это лицо наших городов, то что делается там где...эээ... другая часть?

Далее мой путь лежал в Казань. До универсиады оставались считанные дни. Город, очевидно, вылизывали. Любопытство требовало узнать масштабы перемен. И перемены не заставили ждать. Были видны уже по дороге.

Во-первых, размах дорожного строительства. Во-вторых, огромное в сравнении с Сибирью количество камер контроля. Заметно, что народ научен штрафами. Едет сдержанно. В самой Казани камер еще больше. И, несмотря на обычную для нас раздражительность и нетерпимость, я еще нигде не встречал такого законопослушного движения.

Красивый город. Особенно историческая часть. Много одностороннего движения. Особенно в центре. Навигатор как обычно начал водить кругами. Пора было брать языка. Вот и машина ДПС. Стоит немного странно для Казани. Ровно под знаком пешеходного перехода. Но, может, так надо. Прошу сержанта объяснить, как проехать. А он не местный. Он из Москвы на Универсиаду для усиления. Однако ж не отказал. Достал айфон, включил навигацию, и вместе мы разобрались, куда мне надо. Тем не менее я все равно ошибся на одну улицу. Вот только не надо сразу про топографический кретинизм. Чтобы хорошо узнать местность, надо хорошо поблуждать. Зато убедился, что немного в сторону от главных дорог страна у нас одна.

Надо ли повторяться в описаниях моего заселения в гостиницу? Полная

благожелательность. В целях экономии мне освободили маленькую парковку у входа. Достали коляску. И даже вкатили по пандусу. Как и обещали, он был. Правда, уклон был несколько круче нормативного. Ширина же не позволяла подтягиваться за поручни, которых с одной стороны вовсе не было, двумя руками. При самостоятельном подъеме с висящими на ручках сумками я бы, скорее всего, опрокинулся на спину. Искать другой отель было уже поздно.

Оставив сумки в номере, я вернулся на крыльцо гостиницы. Держась за поручень и тормозя, спустился. Пользуясь случаем, решил погулять. На светофоре легко перебрался на противоположный тротуар. Постоял на мостике через Булак, полюбовался цветными фонтанами и покатил в сторону кремля. Еще раз пересек дорогу. И тоже без проблем. В какой-то момент понял, что дальше все так же. Поверил и вернулся. Теперь главное было — одолеть подъем. Задом, аки рак, короткими рывками, на тормозах, но поднялся. Нет ничего невозможного для человека с образованием. Так и запишем. Теоретически доступ есть. Как там у классика: «Пусть все будет, но пусть чего-то не хватает».

27 июня. Четверг. Утро в Казани началось с жары. Вообще в Татарии была самая высокая температура за всю поездку. До 40 градусов. Если бы не кондиционер в машине, я бы сдох. Гулять в такую погоду не хотелось. План выполнил вчера. Самым разумным было вовремя смыться. В холле и на крыльце отеля было тесно от старших офицеров МВД. Все для усиления. Все с айфонами. На каждом перекрестке до выезда из Казани патрульные машины. Кое-где постовые через каждые 100 метров. Порядок в городе превосходил идеальный.

От Нижнего Новгорода меня отделяло 400 верст. Дорога, природа, городки с деревеньками. Убери указатели и не поймешь, где ты есть. Это ли место или другое. «Что за станция такая? Дибунны или Ямская? А с платформы говорят...». Будто и не ехал тысячи километров. Все-таки уж очень большая страна. Как через нее раньше пешком ходили?

В Цивильске решил пообедать. Абсолютно никаких шансов попасть в кафе. Ни на коляске, ни на костылях. Попросил позвать официанта. Вышел, видимо, хозяин. Потом две официантки. Это уже становится доброй традицией. Одна несла меню, другая ручку с блокнотом. Потом — также вдвоем — салат в контейнере и чай. Та, что помоложе, ждала, пока я пил чай. Разговорились.

Нижегородская область всегда встречает меня дождем. И этот раз не исключение. Ехать пришлось сквозь сплошную водяную стену. Ливень, гроза. То, что нужно, после изнуряющей жары.

Движение в Нижнем Новгороде напоминает мне родной Новосибирск. Чувствую себя как дома. Разве что не знаю, куда ехать. Навигатор отвернулся и не разговаривает. Позвонил в гостиницу и меня на ручном управлении по телефону привели к месту стыковки.

Далее все как обычно. Смотрите выше. Только вот гулять вокруг отеля невозможно и неинтересно. Бизнес-центры и стройка. Чтобы компенсировать собственную промашку в выборе, сажусь в машину и еду к Покровке. Улица вроде Арбата. Там хорошо, но с

доступностью в магазины и кафе как везде. Исследование пора заканчивать. Результаты экспериментов полностью совпадают.

28 июня. Пятница. Нижний мне как родной. В московскую суету ехать совсем не хочется. Но именно там меня ждет друг Юрий Гейко. И именно сегодня удачное время въезжать в Москву. Навстречу потоку, ползущему из города на дачи. Дорога либо хороша, либо ремонт и пробки. Движение обычное для этих мест. То есть плотное. Не зевай.

Вот уже Петушки. Источник вдохновения Венички Ерофеева. Где-то я его даже понимаю.

Едва проехав прославленный населенный пункт, останавливаюсь у кафе «Сарай». У этого слова персидские корни и переводится оно как дворец. Так что хорошее кафе. Объясняю вышедшему покурить товарищу, что зайти не могу. Не мог бы он? Да, конечно, мог бы. О чем разговор. В этот раз официантка была всего одна. Даже обидно. Самса и чай. И удивительно, но даже чек. Несомненно, этот мир скушен. Люди всегда готовы помочь, когда просят. Но создать условия, при которых можно не просить, не готовы. Даже подумать об этом не могут. Что ни делай, ничего не меняется.

Так за раздумьями Балашиху проехал. МКАД, пост ДПС, Москва. Хоть и говорят, что Москва не Россия, ан нет. Все то же самое. Где разница? Разве что внешне немного. А суть одна.

СОДЕРЖАНИЕ

журнала «Общая тетрадь» за 2013 год

К читателю (№ 1, 2, 3—4)

СЕМИНАР

Арбатова Надежда

Глобальный мир и европейский выбор России (№ 3—4)

Даниэль Александр

Историческая память и гражданская позиция (№ 1)

Зубок Владислав

Распад СССР — соотношение внутренних и внешних факторов (№ 3—4)

Лалюмьер Катрин

Почему я верю в силу духа (№ 2)

ТЕМА НОМЕРА

Иноземцев Владислав

Главное противостояние XXI века: с кем быть России? (№ 3—4)

Макашкин Алексей

Приоритеты общества и шансы оппозиции (№ 1)

Хиль-Роблес Альваро

Власть и мораль (№ 2)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Крастев Иван

Подъем и упадок демократии? Меритократия? (№ 3—4)

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Бураков Денис

Политическая культура и трудности демократизации в России (№ 3—4)

Волков Александр

Работа на себя (№ 3—4)

Зубов Андрей

Новая Европа — границы, параметры и место в мире (№ 1)

Корбат Филипп

«Цифровая революция» как импульс демократии (№ 3—4)

Панса Джампаоло

Бестиарий. Стало меньше студентов? Ну и что? (№ 1)

Станских Станислав

Вопросы для каждого из нас (Заметки о семинаре в США) (№ 2)

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Липман Мария

Умиротворение без модернизации (№ 3—4)

СМИ И ОБЩЕСТВО

Островский Аркадий

Власть слова (№ 3—4)

ДЕМОКРАТИЯ И ЛИЧНОСТЬ

Крастев Иван

Выживет ли демократия в условиях недоверия к институтам? (№ 2)

РЕФОРМАЦИЯ И ОБЩЕСТВО

Князев Игорь

Реформы, изменившие мир (№ 3—4)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Брыжко Наталья

От «Солидарности» к самоуправлению (№ 1)

ИСТОРИЯ УЧИТ*Сенокосов Юрий*

О смысле истории (№ 3—4)

ИДЕИ И ПОНЯТИЯ*Большаков Сергей*Концепты «нация» и «национализм»
сквозь призму общественных проблем
(№ 3—4)**КОНЦЕПЦИЯ***Штудниц Эрнст-Йорг фон*

Общество и воспитание (№ 1)

ГОРИЗОНТЫ ПОНИМАНИЯ*Гудков Лев*К социологической теории морали
(№ 3—4)*Межуев Вадим*Свобода как общественная ценность
(№ 3—4)**НАШЕ ГРАЖДАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ***Трачевский Александр*О значении синонимов в связи с
вопросом об изучении языка... (№ 1)**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО***Согомонов Александр*Гражданское образование в истории
западной философии (№ 2)*Шманкевич Татьяна*«Родительские стратегии»
и гражданские практики (№ 1)**РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ***Кастуева-Жан Татьяна*Конкурентоспособны ли российские
университеты? (№ 1)*Колесников Андрей*«Не для школы, а для жизни учимся»
(№ 1)**ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ***Скидельски Роберт*

Шекспир и Кейнс о деньгах (№ 2)

КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА*Соколов Никита*Общественные организации в России
(традиция и современность) (№ 2)**НАШ АНОНС***Белоконь Сергей*

Синий магистр (№ 2)

*Свитальский Петр*Путь к Пангее: международная
политика в эпоху «глобализационной
конвергенции» (№ 3—4)**КНИГИ***Петров Николай*

Шесть ипостасей Путина (№ 2)

*Трудолюбов Максим*История глазами проигравших
(№ 3—4)*Трудолюбов Максим*

Маркс вверх ногами (№ 1)

**РЕГИОНАЛЬНОЕ
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ***И.К.* (№ 3—4)*Гранат Юлия* (№ 1)*Кабанов Андрей* (№ 3—4)*Ситдикова Гузель* (№ 2)**КОНТРАПУНКТ***Рыжков Владимир* (№ 1, 2, 3—4)**NOTA BENE***Аннинский Лев*

Кое-что о Лондоне (№ 1)

*Барабанов Евгений, Салмин Алексей*Моральные уроки советской истории
(№ 2)*Карякин Юрий, Карпинский Лен*Моральные уроки советской истории
(№ 1)*Коваль Михаил*

Поездка из Сибири в Москву (№ 3—4)

CONTENTS

TO OUR READER	5	HISTORY TEACHES	
SEMINAR		On the Meaning of History	
Collapse of the USSR – Correlation of Internal and External Factors		<i>Yuri Senokosov</i>	110
<i>Vladislav Zubok</i>	10	IDEAS AND CONCEPTS	
A Globalized World and Russia's European Choice		Concepts of <i>Nation</i> and <i>Nationalism</i> through the Prism of Social Problems	
<i>Nadezhda Arbatova</i>	31	<i>Serguei Bol'shakov</i>	117
THEME OF THE ISSUE		HORIZONS OF UNDERSTANDING	
The Standoff of the 21 st Century – Russia Taking Sides?		Freedom as A Social Value	
<i>Vladislav Inozemtsev</i>	48	<i>Vadim Mezhuiev</i>	129
POLITICAL CULTURE		To a Sociological Theory of Morality	
Rise and Fall of Democracy? Meritocracy?		<i>Lev Gudkov</i>	145
<i>Ivan Krastev</i>	56	ANNOUNCEMENT	
A VIEWPOINT		The Way to Pangaea: International Politics in the Era of "Global Convergence"	
Working for Yourself		<i>Piotr Switalski</i>	157
<i>Alexander Volkov</i>	71	BOOKS	
Political Culture and Hardships of Russia's Democratic Transit		History as Viewed by the Losers	
<i>Denis Burakov</i>	79	<i>Maxim Trudolyubov</i>	164
«Digital Revolution» as Impulse to Democracy		REGIONAL BOOK REVIEW	
<i>Philippe Corbat</i>	85	<i>Andrei Kabanov</i>	
STATE AND SOCIETY		<i>I. K.</i>	168
Appeasement without Modernization?		COUNTERPOINT	
<i>Maria Lipman</i>	89	<i>Vladimir Ryzhkov</i>	173
MASS MEDIA AND SOCIETY		NOTA BENE	
The Power of Words		A Trip from Siberia to Moscow	
<i>Arkady Ostrovsky</i>	96	<i>Mikhail Koval'</i>	181
REFORMATION AND SOCIETY			
Reforms that Changed the World			
<i>Igor' Kniazev</i>	104		

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

СЕМИНАР

(Голицыно, 12–15 декабря 2013 г.)

Наши авторы:

Дмитрий Горин

Андрей Захаров

Кристфер Коукер

Алексей Макаркин

Том Млудзински

Сергей Пашин

Стивен Поллард

Николай Петров

Хью Рифкинд

Кирилл Рогов

Владимир Рыжков

Александр Согомонов

Берт Стил

Ютта Шеррер

Подписано в печать 14.04.2014.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 12.

Тираж 500 экз.

Заказ №

Московская школа

гражданского просвещения

127006 Москва,

Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1

e-mail: msps@msps.su

<http://www.msps.su>

ISBN 978-5-91734-034-0